

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК финно-угорских исследований

Специальный выпуск

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Special issue

Ижевск

2014

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркусский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмурадов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Е. В. Попова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)

Editorial council:

V. Ye. Vladykin (Izhevsk, Udmurt State University)
D. V. Gerasimova (Khanty-Mansiysk, Yugra State University)
I. L. Zherebtsov (Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of Komi scientific center of UB of RAS)
A. Ye. Zagrebin (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS) – chairman of the board
N. G. Zaytseva (Petrozavodsk, Institute of Language, Literature and History of KarRC RAS)
A. S. Kazimov (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)
A. Kerezsi (Budapest, Ethnographic Museum)
V. M. Ludykova (Syktyvkar, Syktyvkar State University)
I. V. Menshikov (Izhevsk, Udmurt State University)
Yu. A. Mishanin (Saransk, Mordovian State University named after N. P. Ogarev)
S. Saarinen (Finland, Turku University)
S. Tóth (Estonia, Tartu University)
E. P. Shemetova (Moscow, Moscow State University of Printing Arts)
E. Toulouze (France, National Institute of Oriental Languages and Civilizations)
V. A. Yurchenkov (Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of Republic of Mordovia)

Editorial board:

V. M. Vanyushev (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
T. G. Vladykina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. N. Denisov (St. Petersburg–Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
M. G. Ivanova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
A. S. Izmaylova (Izhevsk, Udmurt State University)
A. V. Ishmuratov (Izhevsk, Udmurt State University) – deputy editor
R. V. Kirillova (Izhevsk, Udmurt State University)
N. I. Leonov (Izhevsk, Udmurt State University)
R. Sh. Nasibullin (Izhevsk, Udmurt State University)
G. A. Nikitina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
E. V. Popova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. G. Semenov (Izhevsk, Udmurt State University)
I. V. Tarakanov (Izhevsk, Udmurt State University)
N. A. Fedoseeva (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук,
профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Специальный выпуск /
Науч. ред. А. Е. Загребин; сост.-ред. В. М. Ившина, А. В. Ишмуратов,
Р. В. Кириллова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 104 с.

В Ежегоднике представлены материалы Региональной научно-практической конференции «Куздебай Герд но удмурт лулчеберет» («Куздебай Герд и удмуртская традиционная культура»). В статьях рассматриваются проблемы творческой эволюции, поэтики произведений удмуртского писателя, поэта, фольклориста и общественного деятеля Куздебая Герда (Кузьмы Павловича Чайникова), а также вопросы развития языков, литератур, методики их преподавания в школе и в вузе, анализируются проблемы духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

Подписку на журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» можно оформить в любом отделении Почты России. Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

© Удмуртский государственный университет, 2014

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Семёнов И. Н.</i> Слово о Гердовских чтениях	7
<i>Ившина В. М.</i> К истории республиканских Гердовских чтений	9
<i>Ванюшев В. М.</i> Герд улэ асьме пöлын (Герд живет среди нас)	12
<i>Владыкина Т. Г.</i> Кузёбай Герд но удмурт нылпи литература	19
<i>Измайлова А. С.</i> Кузёбай Герд и Павел Флоренский	24
<i>Пчеловодова И. В.</i> «Поръялоз, поръялоз...»: народное «авторство» и общеудмуртский репертуар	30
<i>Ившин Л. М.</i> О создании новых терминов в творчестве К. Герда	35
<i>Денисов В. Н.</i> О фонографических записях Кузёбая Герда, собранных в экспедициях на территории Удмуртии в 1920-х годах	40
<i>Бусыгина Л. В.</i> Современная иноязычная экспансия сквозь призму творчества Кузёбая Герда	47
<i>Тарасова А. Н.</i> Пейзажной лирикаез азинтон удысын Гердлэн тыршемез	60
<i>Москвина Т. Н.</i> Учке али дэремме! (Магия удмуртского народного костюма)	66
<i>Ефремов Д. А.</i> Послелогии в удмуртском и финском языках	70
<i>Насибуллин Р. Ш.</i> Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности	77
<i>Максимов С. А.</i> Возможности и пути обогащения литературного языка лексикой маргинальных диалектов (на примере удмуртского языка)	92

CONTENTS

<i>Semyonov I. N.</i> A Word on Gerd Readings	7
<i>Ivshina V. M.</i> To the history of Republican Gerd Readings	9
<i>Vanyushev V. M.</i> Gerd lives among us	12
<i>Vladykina T. G.</i> Kuzebay Gerd and Udmurt Children's Literature	19
<i>Izmaylova A. S.</i> Kuzebay Gerd and Pavel Florensky	24
<i>Pchelovodova I. V.</i> «Poryaloz, Poryaloz...»: Folk «Authorship» and All-Udmurt Repertoire	30
<i>Ivshin L. M.</i> The Creation of New Terms in the Works of K. Gerd	35
<i>Denisov V. N.</i> On Kuzebay Gerd's phonographic recordings collected during expeditions on the territory of Udmurtia in 1920 th	40
<i>Busygina L. V.</i> Modern Foreign Expansion Through the Prism of Creativity of Kuzebay Gerd	47
<i>Tarasova A. N.</i> Creativity of Gerd in Promoting Landscape Lyrics	60
<i>Moskvina T. N.</i> Look at my dress! (Magic of the Udmurt folk costume)	66
<i>Efremov D. A.</i> Postpositions in Udmurt and Finnish languages	70
<i>Nasibullin R. S.</i> Bulgarisms and their relation to the question about the time of the collapse of common Perm linguistic community	77
<i>Maksimov S. A.</i> Opportunities and ways of enriching the literary language with vocabulary of marginal dialects (on example of the Udmurt language)	92

УДК 001(470.51)

И. Н. Семёнов

СЛОВО О ГЕРДОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

28 января 2014 г. в Доме Дружбы народов Удмуртской Республики прошли XVIII Гердовские чтения – Межрегиональная научно-практическая конференция по проблеме «Кузепай Герд и удмуртская традиционная культура». Организаторами мероприятия выступили: МОО «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш», Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Факультет удмуртской филологии и Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий Удмуртского государственного университета.

Кузепай Герд (Кузьма Павлович Чайников), как этнограф и фольклорист, известный поэт и прозаик, драматург и критик, лингвист и музыковед, компози-

тор и исполнитель песен, педагог и автор удмуртских учебников, общественный деятель, оставил неизгладимый след в истории становления и развития удмуртской культуры и науки. Его многогранное наследие бесценно и остается актуальным для современных научных исследований. Главной целью конференции организаторы определили объединение усилий ведущих исследователей разных областей гуманитарного знания для совместного обсуждения наиболее острых проблем, определившихся в ходе научного изучения творчества и биографии Кузепая Герда.

На XVIII Гердовских чтениях в ходе пленарного заседания и работы трех секций было заслушано 28 докладов и выступлений. Всего в работе приняло

участие 130 человек, в том числе представители из республик Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Пермского края и Свердловской области. В начале конференции традиционно прошла церемония вручения национальных премий имени Кузебая Герда за 2013 год. Лауреатами премии стали: первый президент Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», доктор экономических наук профессор М. И. Шишкин, активист Увинского районного общественного движения, заслуженный учитель УР, преподаватель музыкальной школы, композитор П. Н. Кузнецов. Открывая XVIII Гердовские чтения, участники единодушно отметили, что наследие Кузебая Герда ждет новых и новых исследований и исследователей с позиции современных подходов и ценностных ориентиров, и от радно, что в последние годы в работе конференций принимают активное участие молодые ученые, педагоги, работники культуры.

В рамках конференции обсуждались следующие вопросы: Кузебай Герд как исследователь фольклорных традиций удмуртского народа; музыкально-фольклорная традиция как объект междисциплинарных исследований; народная музыка и национальный ритуал; фольклорные мотивы в творчестве Кузебая Герда; теория и практика традиционной народной культуры в образовании и воспитании подрастающего поколения; фольклор и литература в современном информационном и культурном пространстве.

Уверен, что в перспективе гердоведы исследуют и раскроют новые грани многогранной деятельности Кузебая Герда как незаурядной личности, творчество которого с годами не тускнеет, является великим примером служения своему народу, своей Родине.

Поступила в редакцию 17.04.2014

Семёнов Игорь Николаевич,
Президент Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт Кенеш»
427074, г. Ижевск, пл. 50 лет Октября, 15
E-mail: udmkenesh@gossovet.ru

Semyonov Igor Nikolaevich,
The President of the All-Udmurt Association «Udmurt Kenesh»
427074, Ihevsk, 50 let Oktyabrya Square, 15
E-mail: udmkenesh@gossovet.ru

УДК 001(470.51)

В. М. Ившина

К ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГЕРДОВСКИХ ЧТЕНИЙ

В работе дается обзор республиканских Гердовских чтений, посвященных жизни и деятельности талантливого сына удмуртского народа Кузебая Герда. Кратко упоминается периодичность, тематика, значимость научных конференций.

Ключевые слова: Кузебай Герд, Гердовские дни, научно-практическая конференция, сборники статей, Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш», национальная премия имени Кузебая Герда.

Кузебай Герд (Кузьма Павлович Чайников) – великий сын удмуртского народа, оставил глубокое многогранное наследие. Удмуртский поэт, прозаик, драматург, критик, лингвист, этнограф, педагог, методист, музыковед, общественный деятель, он внес неоценимый вклад в развитие истории удмуртского этноса, культуры, образования и науки. В 30-е годы прошлого столетия был репрессирован, сослан в Соловки, в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 60-е годы.

В целях увековечения памяти талантливого сына удмуртского народа в столице Удмуртской Республики – городе Ижевске – одна из улиц названа именем Кузебая Герда. Республиканский краеведческий национальный музей носит имя Кузебая Герда, на площади перед национальным музеем воздвигнут памятник Кузебаю Герду. Государственной национальной гимназии, созданной в 1994 г., присвоено имя Кузебая Герда. На родине поэта, в Вавожском районе Удмуртской Республики, ежегодно проводятся Гердовские дни, приуроченные ко дню рождения Кузебая Герда. Кроме того, Общественной организацией «Всеудмуртская ассоциация “Удмурт Кенеш”» учреждена республиканская национальная премия имени Кузебая Герда.

Гердовские чтения – это периодически проводимые в Удмуртской Республике научно-практические конференции, посвященные жизни и творчеству талантливого сына удмуртского народа Кузебая Герда. Начало первых чтений, как отмечает известный удмуртский литературовед А. Г. Шкляев, восходит к 1978 году [1]. Организовал их Флор Иванович Васильев, возглавлявший в тот

период Союз писателей Удмуртии. Встреча проходила в Клубе журналистов в Ижевске в форме воспоминаний – тогда еще живых некоторых родственников и соратников по перу.

Впоследствии организаторами Гердовских чтений республиканского уровня выступили поочередно: кафедра удмуртской литературы и народов России Удмуртского государственного университета, отдел литературы и искусства Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Первые Гердовские чтения в формате научной конференции были приурочены к 90-летию поэта и проведены в 1988 году. Материалы конференции были опубликованы отдельными сборниками [2; 3]. Вторые Гердовские чтения проведены в 1993 г. в честь 95-летия Кузубая Герда. Третьи Гердовские чтения прошли в 1998 г. в ознаменование 100-летнего юбилея поэта.

В начале 1990-х гг. с началом зарождения национального общественного движения в Удмуртии – созданием Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш» – работа в этом направлении активизируется. «Удмурт Кенеш» при активной поддержке Министерства национальной политики Удмуртской Республики учреждает национальную республиканскую премию имени Кузубая Герда. Премия ежегодно вручается активистам общественного движения, деятелям культуры, науки и образования. Вручается она на Гердовских чтениях – ежегодно организуемых ассоциацией «Удмурт Кенеш» научно-практических конференциях с участием научной, творческой, педагогической общественности республики. По материалам чтений публикуются сборники научно-популярных статей, выступавших авторов.

Поскольку богатое творческое наследие Кузубая Герда многогранно, многоаспектно, соответственно и тематика Гердовских чтений, а также публикуемых на их основе сборников из года в год меняется. Основное условие, которое выдерживается общественной организацией «Удмурт Кенеш» при подготовке Гердовских чтений, – «выступления и тексты для публикаций желательно представлять на удмуртском языке». Данное условие-требование мотивируется тем, что в последние годы крайне мало публикуется сборников научных статей, научно-популярных материалов, монографий на родном языке. Молодые ученые-исследователи предпочитают излагать свои работы на других языках. Между тем вопросы функционирования удмуртского языка в официально-деловой, научной сфере остаются в ряду самых актуальных проблем развития удмуртской филологии. Об этом в свое время с тревогой неоднократно писал в своих публикациях Кузубай Герд.

Тематика последних Гердовских чтений, к примеру, сформулирована была следующим образом: 2010 г. – «Кузубай Герд – политикая но мерлыкъя ёнерчи» («Кузубай Герд – политик и общественный деятель»); 2011 г. – «Трокай Борисов но Кузубай Герд – удмурт калыклэн историысьтыз яркыт азьветлӱсьёс» («Трофим Борисов и Кузубай Герд – яркие личности в истории удмуртского народа»); 2012 г. – «Кузубай Герд но сое туалэ эскерон» («Гердоведение на современном этапе»); 2013 г. – «Калыклэн лулчеберетэз – калыкез герзась кужым» («Этническая культура народа как консолидирующий фактор»); 2014 г. – «Кузубай Герд но удмурт лулчеберет» («Кузубай Герд и удмуртская традиционная культура»).

С 2014 г. принято совместное решение ассоциации «Удмурт Кенеш» и научно-педагогического сообщества в лице преподавателей Удмуртского государственного университета и научных сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук организовывать Гердовские чтения в новом формате, и следовательно, сборники материалов Гердовских чтений формировать и публиковать на более высоком уровне. С этой целью принято единое решение: один из номеров ЕЖЕГОДНИКА финно-угорских исследований выпускать в форме тематического сборника, посвященного республиканским Гердовским чтениям. Представляем читателю первый выпуск из этой серии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шкляев А. Г. Гердовские чтения // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 268.
2. К изучению жизни и творчества Кузубая Герда, 1898–1941: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Ванюшев; АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1988. 134 с.
3. Кузубай Герд и удмуртская культура: Сб. ст. / Отв. ред. А. Г. Шкляев; АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1990. 182 с.

Поступила в редакцию 28.05.2014

V. M. Ivshina

To the history of Republican Gerd Readings

The paper provides excursion into Republican Gerd readings, devoted to life and work of a talented son of the Udmurt people Kuzebay Gerd. Frequencies, the themes, the importance of scientific conferences are mentioned briefly.

Keywords: Kuzebay Gerd, Gejowskie days, the scientific conference, collections of articles, All-Udmurt Association «Udmurt Kenesh», national award of Kuzebay Gerd.

Ившина Валентина Михайловна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: ivshina49@yandex.ru

Ivshina Valentina Mihajlovna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Research Associate,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: ivshina49@yandex.ru

В. М. Ванюшев

ГЕРД УЛЭ АСЬМЕ ПӖЛЫН

(Герд живет среди нас)

Статья на удмуртском языке. Состоит из трех частей, объединенных центральной мыслью, выраженной в заголовке. В первой из них автор с одобрением повествует о содержании и форме доклада «Видение поэта» Владимира Гурьянова, учащегося десятого класса ижевской гимназии имени Кузебая Герда. Доклад был прочитан на республиканских Гердовских чтениях три года тому назад по совету автора данной статьи. В ней утверждается, что молодой критик сумел проникнуть в самую суть неординарного стихотворения «Пересь» Кузебая Герда, опубликованного им самим в книге для детского чтения «Шуньт зор» («Теплый дождь») в 1924-м году [1], в котором рисуется образ некоей «очень старой женщины», приходящей к лирическому герою-повествователю, как только ночью он ложится спать. Она, как мать, окутывает его теплом, рассказывает предания, напевает песни и наставляет: «Проснувшись утром, вспомни, что я рассказывала, запиши и передавай другим». Однако сетует герой-повествователь, так хорошо, как она, ни рассказывать, ни писать он не умеет. Автор статьи с одобрением пишет, что Владимиру Гурьянову удалось прийти к верному заключению, что в образе старой женщины поэт, по всей видимости, изобразил удмуртский народ со своей доброй памятью о культуре предков или собственное поэтическое Вдохновение, одухотворенное сознанием непреходящей ценности народной культуры, имеющей многовековые исторические корни.

Во второй части, утверждая, что Кузебай Герд и в научных работах, и в поэзии неоднократно возвращался к теме традиционной основы мировидения творческих личностей, автор статьи называет такие стихотворения выдающегося удмуртского поэта, как «Мои песни», «Счастье», «Золотые стихи мои», «Друг мой», «Удмуртская поэзия» и подчеркивает, что и среди них своей метафоричностью особо выделяется стихотворение «Пересь» («Старуха»), или «Мынам пересе» («Моя старуха»), как озаглавливал его сам поэт в других публикациях с добавлением под заголовком: «Незабвенной матери своей посвящаю». На этой основе, утверждает автор статьи, многие критики и литературоведы интерпретируют образ старой женщины как образ самой мамы поэта. Это имеет свое обоснование: мать Кузьмы Павловича (настоящее имя поэта. – В. В.) и шести его братьев и сестер действительно знала много народных песен, по-видимому, и сама их слагала, тем самым много доброго заложила и в талантливого сына. Однако сводить семантику образа старой женщины в этом стихотворении только к изображению воспоминаний поэта

о матери было бы ошибочно, считает автор статьи. Прав молодой критик: это видение, скорее всего – образ самого Вдохновения поэта, его Музы, не оставлявшего его на всем протяжении творчества. В знак подтверждения этой мысли он приводит стихотворение «Чильтэр» (Кружева), в котором поэт, метафоризируя свое творчество в виде плетения изделия из разноцветных нитей, проводит мысль о своем стремлении как можно глубже отобразить народные идеалы.

В третьей части автор повествует о посещении вечера, посвященного Дню родных языков в сарапульском Дворце культуры завода «Электонд», где ему посчастливилось присутствовать во время исполнения сочинения композитора Пантелея Кузнецова на слова стихотворения «Мои песни» Кузубая Герда ансамблем «Вуюись» этого Дворца, и на премьере песни руководителя этого ансамбля Раисы Трофимовой на слова стихотворения Герда «Кружева», во время замечательного исполнения которой автором музыки и родилась заключительная мысль данной статьи: «Только что посмотрели документальный фильм ГТРК «Удмуртия», демонстрирующий, как в лихие годы карали и уничтожали Герда. Но он не умер! Он живет в сердцах людей».

Ключевые слова: вдохновение поэта, Видение, образ Музы, поэзия о поэзии, доклад учащегося гимназии, интерпретация литературоведа, исполнение сочинения композитора, репрессии, вечная жизнь поэта.

1.

«Удмурт Кенеш» огазеяськонлэн арлы быдэ ортчылйсь «Герд лыд-
жоньёсаз» та быдзым удмуртлэсь нимзэ нуллйсь гимназиысь 10-тй классын
дышетскись Владимир Гурьянов кöня ке ар талэсь азьло тунсыко докладзэ
лыдйиз. Нимаськиз со «Видение поэта» («Кылбурчилэн вöтаса кадъ адзёмез»)
шуыса. Вераськон мынйз Кузубай Гердлэн куинетй арзэ дышетскисьёслы
дасям но 1924-тй арын поттэм «Шуныт зор» книгаысьтыз «Пересь»
кылбурезлэн пуш дуннеез сярись. Троссэ паймытйз егит пилэн таёе мур темае
пырыськемез но эскерон удыссэ шарак возматаны быгатэмез.

«Вдохновение» яке «вылй шöдон, аджон» кылъёсты уже кутэ егит
автор. Та валанъёслэсь кылсуредзэс, гожтэ со, кылбурчи кылдытэ мöйы
кышномурт тусын. Чурысь чуре учконо ке, кылбур туж огшоры гинэ кадъ,
пе. Уг шöдйськы отысь чöгыса кадъ лэсьтэм юн архитектоника, рифмаос но
одно ик огсыр уг радъясько. Öвöл кылбурын валаны шуг кылъёс. Со озы
чакламын, оло, шуэ, кылбурез школаын дышетон книгае пыртон вылысь
но. Марлы-о, пе, пиналъёслы олокыёе шуг-секытъёс? Оло нош, гожтэ со
аслэсьтыз валамзэ, Гердлэн музаез асьме дор пал дуннеын кылдэменыз сокем
мур пуштресо но огшоры гинэ вылтусо, палэнысь асьме доры лыктэмъёсыныз
чöшатано ке?

Уйын,

Умме усьыкым

Мон доры туж пересь кышномурт лыктылэ, –*

возматэ со кылбурлэсь кутсконзэ. «Марлы нош чäпак «пересь кышно-
мурт?», – юа но аслэсьтыз валэктонзэ сётэ: «Пересьлэн кылсуредэз возмат-
тэ, дыр, визылыкес, вашкала выжыосмы дорысь лыктйсь опытэз». Гердлэн

* Татын но азыланяз кельтэмын оригиналын гожтэм радлык. – В. В.

одйг кылбураз пумиське пересь нылкышнолэн кылсуредэзлы ваче пумит луись кадъ мурт – горд кышетэн нылмурт, азыланьтэ докладчи. Нылмуртлэн сямъёсаз – чырткем луон, виль ужъёсы жутйськон, азылапала дыртон, нош мййы нылкышнолэн – зйбытак малпаськон рад. Кылбурчи суред, шуэ со, та кышномуртлэсь вылтуссэ, со пыр возматэ, та адями улоназ трос адзем но чидам, пушказ пычатэм мурт шуыса:

*Солэн йырсиез
Пересьмем, нурысьтам,
Вольытэсь бамъёсыз
Куасьмиллям,
Туж мусо, туж визьмо синъёсыз:
Кысйллям...*

Нош ачиз со адями уг но малпа улон ёже люкам тодон-валанзэ съёраз, сопал дуннее нуыны. Со трос тодйсь-валась гинэ өвёл – ужаны яратйсь, лякыт сям. Со небыт сюлэмо зэмос меми кадъ. Кылбурчи соин артэ ассэ пичи мурт кадъ шөдэ.

*Монэ, нуныез кадъ, чупа,
Эркия, лйятэ, –*

шуэ со сярысь мадись герой.

Кызы ке меми ваньзэ лэсьтоз вордэм нылпиосыз визьмо, адямиыко мед будозы шуыса, озьы ик та Адзон кадъ кылдэм мййы кышномурт но юрттэ кылбурысь геройлы быдэс улытояз. Со лыктэ та адями доры уйёсы кыче ке валтйсь кужым выллем: «Паймоно кадъ, чебересь, выжыкыльёс мадьялэ». Кылбурысь герой вера: ачиз со нокызы но уз быгаты та Адзонысь кышно-мурт кадъ чебер вераны но, гожтыны но. Нош со кадъ луэмез потэ вылэм:

*Синъёсме паськытэсь карыса,
Пичи нуны кадъ, солэсь верамзэ,
Кырзамзэ
Сюлмам поныса
Кылзйсько.*

Та чуръёсысь тужгес кельшиллям докладчылы Гердлэн таёе кыльёсыз: «Сюлмам поныса кылзйсько...». Адзонлэн кырзанъёсыз сокем шөдскымонэсь – соосыз, кие кутыса, сюлэме поныны но кулэ дырязы калыклы кузьманы луоно кадъ.

Кылбурез лыдзыса, шуиз докладчи, адзиськод кадъ шудо семьяысь шуныт ваче кусыпъёсты. Песянай интыя кадъ нуноксэ изыны, калык кырзанъёсты нёръя, выжыкыльёс, улон-вылон сярысь маде, нош соиз кылзэ, дышетске, верам кыльёссэ сюлэмаз тырылэ. Песянайлэн верамез нимысьтыз кылсуредлы пөрме, улэп мурт кадъ, изись муртлэн вёзаз интыяське. «Таёе ик, улэп кадъ, азам пуксе / Верамез», – гожтэ кылбурысь мадись мурт. Докладчилэн верамезъя, тазы йылпумъяське кылбурлэн нырысетй люкетэз.

Кыкетй люкетаз Адзонысь песянай люкиське лирикаысь героен, вера солы ёектонъёссэ:

«Їуказе чукна султыса
Эн гынэ вунэты мынысьтым та верам
Кылёсьме,
Та кырэам
Гурёсьме
Бунага вылад гожъяны,
Калыклы вераны...».

Но кылбурчи оло асьмелы, оло аслыз ачиз гинэ вера: туж потэ былэм но, со уг быгаты дораз лыктылйсь Пересь кадь чебер вераны, гожтыны. Сокем бадэым та мусо адымилэн кужыме. Со ик кивалтэ, дыр, шуэ докладчи, кылбурчилэн вань гожъяськон сюресаз. Озыы егит критик кылбурлэсь кужымзэ Гердлэн калык пöлын жужам но будэм быдэсак творчествоез былэ выжитэ.

2.

Шумпотано егит критиклэн кылбур пушкы пырыса сокем мур пуштроссэ адэме. Но мынам потэ на, со борды итйськыса, кöня ке будэтэме.

Нырысь ик, литературтодосын та кылбур туж тодмо «Мынам пересе» нимын. Нимыз бöрсый одно ик печатлалляло Гердлэсь аслэсьтыз будэтыса гожтэмзэ: «Ноку но вунэтонтэм мемиелы сйзисько». Озыы ик печатламын со Гердлэн «Крезчи» (1922) сборниказ но, музон книгаосаз но. «Шунит зор» книгааз автор малы ке но «мынам» валанзэ куштэм. «Пересь» нимын кылбур уката но тунсыкъятйсьгес луэм. Тодэм потэ: кин, мар со – Герд кылбурчи уйин умме усьыку со доры лыктылйсь но кызыы, мар гожъяны дышетйсь кужым? Соин ик, лэся, докладчи сое Вдохновение, Адзöн шуэ. Мон сямен, со туж шонер валэктон. Пересь – со Гердлэн аслаз кызыы но марлэсь адзем карыса гожъяськыны косйсь лулыз-сюлмыз. Аслаз дунне валанзэ. Но тодйськомы, лыктэмын со трослы Гердлэн аслаз мемиез бордысь но. Пичи Кузьмалэн но эшшо куать сузэр-вынёслэн анайзы туж трос кырзэн-веранёсты тодэ былэм. Вуоно кылбурчимес со дуннееныз узырмытэм. Озыен, валамон, марлы Герд сыёе сйзён кылёссэ гожтйз. Но со Пересез ёапак Гердлэн анаезлэн кылсуредз гинэ шуыны, кызыы каро али тросзэ тодосчиос но критикёс, мон сямен, шонер öвöл. Солэн пуштросзэ трослы паськытгес. Шонер ик сое, Владимир Гурьянов сямен, Вдохновение, Адзöн яке вашкала дырысен кыл дуннеез дуньясь, гажась вордскем калыкезлэн кылсуредз шуыны. Со Адзöнлэн пуш сöзнэтэз но валамон шöдйське – калыкын кылдэм дунне валан, сое кырзэн-веранёс пыр чузьяськытон. Мукет ласянь, та кылсуредын Гердлэн аслаз мемиезлэн но пуштусыз умой адзйське. Со бордын ик кужмыз кылбурлэн – автор быгатэм зэмос адымилэсь но кийн кутылыны луонтэм Музалэсь суредёссэс огазе биньыны. Со возматэ Гердлэн кылбуранэзлэсь мурдалазэ.

Кузёбай Герд кылбураса но, тодос ужёсаз но уно пол кутскыса малпаськылйз калыклэн чеберлыко дуннеез сярись. Солэн пуш дуннеез пыёамын вал фольклор, этнография, кылбуран. Куинь вариантэн кылдэм («Мон кизисько гинэ...», «Ми гырыськом, кизиськом...», «Мы сеём») туж тодмо луэм гожтосзэ бордысен кутскыса, верам потэ на та удысысь кöня ке

мукетъёссэ но. Соос пöлы пыро «Мынам кырзãньёсы», «Шуд», «Зарни кыл-буръёсы», «Эше», «Удмурт поэзи» но куд-ог музон кылбуръёсыз. Соос пöлысь но аслаз укшатон (метафора) пыр туж трос (пырак вераны быгатонтэмзэ но) шöдытэменыз висъяське «Пересь» (яке «Мынам пересе») кылбурез. Соин артэ ик пуктысал на «Крезъчи» книгаяз ик пыртэм «Чильтэр» кылбурзэ но.

Муш васьыл кадъ мынам малпаськонъёсы –

Пумтэм.

Йыр котыртйм лобало, бергало.

Мон, соосыз кутса,

Кубо котыре бинялъяса,

Соосыз черсо,

Черсыса –

Лызматэ, вожматэ,

Гордматэ, чужматэ, –

кутске Герд, аслэсьтыз гожъяськон амалзэ удмурт гурт калыклэн кемалась дырысен киужезлы укшатыва.

Лемлет вылтй буртчин сйньысэн

Удмурт калыклэсь

Пумтэм малпаськемзэ

Пужъятса поно.

Чильтэрлэн дуртйз

Куанер калыкелэсь куректонзэ,

Сюлмаськонзэ, шумпотонзэ,

Зарни тугез сямен,

Зарни сйньысэн

Чильтэрлэн дуртйз вурзэ.

Оло нош быдэс дуннелы тодмо луиз быдзым зуч кылбурчилэн «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» кылъёсын кутскись кылбурез. Со ачиз но А. С. Пушкинлы зэмос синпелет кадъ луиз. Сыче ик синпелет, Кузёбай Гердлэсь кылбуран удывысь малпаськемзэ но лэсьтэм ужъёссэ возматйсь гожтосьёс уг-а луо солэн аслаз ик выльын верам чуръёсыз?

3.

Туэ южтолэзе, Анай кыл нуналэ, кылбурчиез но журналистэз Владимир Михайловез, удмурт егитъёслэн «Шунды» огазеяськонзылэсь киватйсьсэ Ольга Тронинаез но та чуръёсты гожтйсьсэ отизы Сарапул каре. Отын ми нош ик шöдймы, макем вунытэк улэ Кузёбай Герд аслаз уно пöртэм удывысь калыке кельтэм ужъёсыныз. Соос пöлын ик куаразэс нош ик поттйзы Гердлэн выльын верам кылбуръёсызъя кырзãньёс но. Шумпотыва кылзймы Гердлэн «Мынам кылбуръёсы» чуръёсызъя Пантелей Кузнецовлэсь кылдытэм кырзãнзэ «Электонд» заводлэн клубысьтыз «Вуюись» ансамбльлэсь жингыртэмзэ. Нош собере шöдтэк шорысь чылкак паймытйз та ансамбльлэн кивалтйсьсэ Раиса Трофимова. Со ачиз, Гердлэн «Чильтэр» кылбурезъя крезгур кылдытыса, солы выль бурд сётэм. Табере со тани нырысьсэ выль кужымен лопырскиз. Гердлэн чуръёсыз кадъ ик, вöлмыт но мур-мур чузъяське со.

Кылбурчилэсь муш палэп кадъ малпаськонъёссэ, соосыз, мертчанэз кадъ, кубо котыраз бинемзэ, черсэмзэ возматыса, оло нош сюлэм пыдэсысьтыз ик потйсь куараеныз залэз тырмытйз Раиса Фадеевна. Ъапак соку пушкам чилектйз кадъ: али гинэ учкымы Гердэз огвакытэ ултйязы, солэсь улонэз мыскылляса уретйзы шуыса возматйсь фильмез, нош калыклэсь мылкыдзэ, малпанъёссэ пушказ пычатэм кылбурчи – быронтэм!.. Гимназиын дышетскись, тодосчи, журналист, режиссёр, егитъёсын, ансамблен кивалтйсьёс, крезьгурчи – ваньзылэн сюлмазы одйг мурт, Кузедбай Герд. Со улэ но улоз асьмелэн йырсажымы, жечлыкез но чеберез валаны юрттыса, соос понна нюръяськыны дышетыса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Герд К. Шуныт зор: 3-тй арзэ дышетскись пинальёслы лыдзён-ужан книга = Теплый дождь: рабочая книга для чтения для учащихся 3-го года обучения; на удм. яз. Муско: СССР-ысь музъемысь вань калыкъёслы книгапоттонни, 1924. 180 [3] с.: ил.

Поступила в редакцию 24.06.2014

V. M. Vanyushev

Gerd lives among us

The article is in the Udmurt language. It consists of three parts united by a central idea expressed in the title. In the first one the author with approval tells about the form and content of the report «The vision of the poet» of Vladimir Guryanov, a schoolboy of the 10th form of Izhevsk gymnasium named after Kuzebay Gerd. The report was read at the Republican Gerd readings three years ago on the advice of the author of this article. It affirms that a young critic has managed to penetrate into the essence of extraordinary poem «Peres» of Kuzebay Gerd, published by himself in a book for children «Shunit Zor» («Warm rain») in 1924 year [1], in which an image of «a very old woman», coming to the lyric hero-narrator at night is drawn. She, as a mother, wraps him in warmth, tells stories, sings songs and instructs: «Waking up in the morning, remember what I told you, write it down and tell others». However, the hero-narrator laments that he cannot neither tell stories nor write them as good as she does. The author writes with approval that Vladimir Guryanov managed to come to the right conclusion that poet in the image of the old woman, apparently, has depicted the Udmurt people with his good memory about the culture of their ancestors or his own poetic Inspiration, spiritualized by consciousness of the eternal values of folk culture that has ancient historical roots.

In the second part the author, stating that Kuzebay Gerd both in scientific works and in poetry repeatedly returned to the theme of the traditional basis of the worldview of creative personalities, denotes such poems of an outstanding Udmurt poet as «My songs», «Happiness», «My golden verses», «Friend of mine», «The Udmurt poetry» and emphasizes that the poem «Peres» («An Old Woman») or «Mynam peresche» («My old woman») as it was titled by the poet in other publications with adding the heading: «To unforgettable mother devote» distinguishes with its metaphoricalness among them. On this basis, the author asserts that many critics interpret the image of the old woman as the image of the poet's mother. It has its justification: the mother of Kuzma Pavlovich and his six broth-

ers and sisters really knew a lot of folk songs, apparently, she composed them herself, and thereby she laid many good things in talented son. However, to bring the semantics of the old woman's image in this poem only to the image of poet's memories about his mother would be a mistake, says the author of the article. The young critic is right: this vision is most likely the way of poet's Inspiration, his Muse, not leaving him along the whole length of creation. To confirm this thought, he cites the poem «Chilter» («Lace»), in which the poet compares his creativity with netting goods from colored threads and conducts the thought of his desire to display the ideals of a people as deeply as possible.

In the third part, the author tells us about the visit of an arrangement, devoted to the Day of native languages in Sarapul's Palace of culture of the plant «Elecond», where he succeed to attend the musical composition of composer Pantelei Kuznetsov on the words of Gerd's poem «My songs» performed by ensemble «Vuyuis», and at the premiere of the song on the words of Gerd's poem «Lace» performed by the leader of this ensemble Raisa Trofimova. Thanks to this wonderful performance final point of this article was born: «We have just watched a documentary by GTRC «Udmurtia», that demonstrated how Gerd was punished and killed in the hard years. But he did not die! He lives in the hearts of the people».

Keywords: inspiration of the poet, the Vision, the image of the Muse, poetry about poetry, report of schoolboy, the interpretation of literary critic, composers, ensemble, repression, eternal life of the poet.

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvanushev@mail.ru

Vanyushev Vasily Mikhaylovich,

Doctor of Sciences (Philology), Chief Research Associate,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vvanushev@mail.ru

УДК 821.511.131

Т. Г. Владыкина

КУЗЕБАЙ ГЕРД НО УДМУРТ НЫЛПИ ЛИТЕРАТУРА

В работе раскрываются и доказываются причины широкого распространения стихотворения Г. Е. Верещагина «Чагыр, чагыр дыдыке» («Сизый, сизый голубок») в качестве колыбельной как этнически узнаваемого песенного символа на основе сравнительно-сопоставительного текстологического анализа вариантов песни из сборников Кузедая Герда.

Ключевые слова: творчество Г. Е. Верещагина, народная традиция, фольклорист Кузедай Герд, колыбельная песня, детский фольклор, народный репертуар, этнический символ, трансляция, версификация, импровизация.

Удмурт наука, лулчеберет, калыкез дышетон удисъёсмылэн ортчем сюрессы люконтэм герзаськемын Григорий Верещагинлэн, Трофим Борисовлэн, Кузедай Гердлэн нимёсынызы. Соослэн лэсьтэм ужзы выльысь но выльысь пöртэм пал урдэсынызы асьме пала берытске но вера кадъ: синйылтэ, эскере, санэ понэ. Соинтэк-а асьмеос соослэсь верам-эскеремъёссэс выльысь но выльысь пöртэм ласянь бергатиськомы, мургес но рос-просгес валаны тыршиськомы.

«Кузедай Герд но нылпи литература» ужпумез ялыкum, мон чик но öй мал-па литературоведъёслэн удисазы пырыны. Со ужпум бордын али визьмо ужало Т. И. Зайцева, Т. Г. Волкова, А. В. Камитова – тау соослы. Муг кылдиз, куд-ог учырьёсты ятвылтыса, азьвыл гожтэмъёсме выльдыны. Таё югдуръёс кылдо, дыр, наукаысь котькуд удисчилэн: улон азылань кошке, йырсазь-нодлык но, выльзэ утчаса но шедьтыса, муроме но паськыта.

«Кузедай Герд но нылпи литература» тема юн-юн герзаськемын Г. Е. Верещагинлэн «Чагыр, чагыр дыдыке» кылбуреныз. Та кылбур кемалась ини асьмелэн кыл йыламы, уката со дырысен, ку со удмурт литературамылэн нырысетй произведениез шуыса ялэмын вал. Кылем даурын ини, 1989-тй арын, литературамылэсь 100 аръем юбилейзэ пусйыкумы, тэкшеронъёс кылдизы. Одыгъёсыз, со зэмос литературной произведение шуыса, кылбурлы дурбасьтйзы, мукетъёсызлэн верамзы потйз солэн кылустолык-кабез сярысь, ме́чак калык кылысысь

вуэмез сярэсь. Верещагин автор луысал ке, пе, калык пöлын со сыче паськыт вöлмемын öй луысал. Со вакытэ, пе, ачиз Верещагин но ог-кык мурт сяна, нокин но книгаез адзэса öз вутты, соин ик кылбур, книга пыр вöлмиз шуыса, вераны ум быгатэське [11; 12].

Вань та веранёсты но мылкыдёсты мон сэрттй-пертчи ни вал «Чагыр, чагыр дыдыке»: опыт фольклористического прочтения» статьяам [5]. Отын, экспедициосын люкам материалёс вылэ пыкиськыса но Г. Е. Верещагинлэн гожъяськон аспöртэмлыксэ лыдэ басьтыса, аргументировать кари: кылбур – авторской произведение.

Туала вакытэ та кылбурез эскерон литературоведениысь нимысьтыз удыслы пöрмиз ни, шуыны луоз (учке В. М. Ванюшевлэсь азьвыл но али ужёссэ: [1; 2]). Валамея, со туж тунсыко. Озыы гинэ усьтйське произведенилэн зэмос пуштросэз, солэн литератураын улонэз. Та кылбур пумысен мылкыдёсме шараяно ке, азь-выл верамёсылэсь уг куштйськиськы. Соосты азинтыса, куд-ог выль ватсэтьёс гинэ лэсьтэме потэ. Нош ватсэтьёсы герзаськемын Кузедбай Гердлэн нимыныз.

1991-тй арын поттэм ужам, экспедициосын люкам вариантёсты ёшатыса, гожтй вал: Г. Верещагинлэсь кылбурзэ калык пöлы вöлмытйсь адыми – Кузедбай Герд. Соку ик цитировать кари В. М. Ванюшевлэсь 1978-тй арын гожтэмзэ: «...к этому стихотворению Г. Верещагина обратился Кузедбай Герд. В составленных им сборниках «Удмурт кырзаныёс» (1924 и 1927), а также в книге для чтения «Шуныт зор» (1924) он поместил его с некоторыми изменениями под заголовком «Нуны веттан гур» (Колыбельная песня). Исправления касаются отдельных слов. Кроме того, очень тонко, в унисон верещагинскому тексту, после каждой строфы добавлен припев «Изь, изь, нуные, зарни бугоре!» («Спи, спи, мое дитя, мой золотой клубочек!») [1. С. 81]. Али пусйыны кулэ, дыр, «Шуныт зор» хрестоматиын та текст öвöл шуыса, солэн уточнениез вань: М. Лермонтовья, пе, гожтэмын. Москваын потэм кырзан сборнике но пыртэмын калык пöлысь гожтэм воксё мукет, оригинальной кырзан.

Кузедбай Гердлэсь кырзаныёсын бичетьёссэ-сборникёссэ выльысь эскероно кариськи киям одйг лыдзет сюрем бере. 1996-тй арын Финляндиын Kotus шуыса нимаськись институтлэн («Анай кылёсты эскеронъя институт») библиотекаяз ужай. Бугыръяй удмурт книгаосын коллекциез. Нырысетй совето арьёсы удмурт кылын потэм книгаосмы отчы ыстылэмын вылэм, отын соос та дырозь вань на. Троссэ мынам адзылэме ик öй вал. Отысь ик, ксерокопия лэсьтыса, Удмурт институтлэн библиотекаяз вайи К. Гердлэсь «Малмыж удмуртьёслэн кырзаныёссы» шуыса нимаськись 1920-тй арын поттэм сборниксэ [7]. Нош мукетсэ книгаез, кудйз сярэсь али вераны турттйсько, копия лэсьтыны валаськымтэе. Ма, сонямында узырлыкес адзэса, куалектй но, дыр. Соку сомында выльзэ ачим понна усьтй, сомында кулэ луись научной литература ки улам сюриз: нылпи литератураен йырин öй вал. Книгаослы огъя список гинэ лэсьтыса вайи. Соизлы но тау, табере отысь информация басьтыны быгатйсько.

Нош синйылтй мон пичи гинэ книгаез – 1920-тй арын Вотский комиссариатэн поттэм зуч кылысь берыктэм «Теремок» выжыкылэз. Берыктэм сое Кузедбай Герд. Книгалэн пумаз, 13–15 бамтёсы, пыртэм Верещагинлэсь кылбурзэ, «Нуны веттан гур» шуыса нима но котькуд строфаез бере «Изь, изь, нуные, зарни

бугоре» чурьёсын припев ватсам. Верещагинлэсь асэстэмын шуыса, верамын өвёл. Озыен, та издание, мынам валамея, нырысетйез, кытчы пыртэмын вал öжытак воштыса сётэм «Чагыр, чагыр дыдыке» кылбур.

Нылпиослы сйзем выжыкыл но, кырзан но, мон малпамея, юнме шорысь огазе вуиллямтэ. Кузебай Герд революция бере нылпи литература удысын рос-прос ужаны кутскиз. Вильвылтэз жутйз, шуыны луоз. Тодамы ваём солэсь «Мар удмурт пинальёс кырзалo» статьязэ [9. С. 236–241]. Со отын туж сюлэмшугъ-яськыса вера, удмурт пинальёслэн нимысьтыз кырзанъёссы өвёл шуыса. Мугъ-ёсыз сярись рос-прос уг вера, öпкеле гинэ. Нош огъя учконо ке, калык культура туж пичиосызлы гинэ куд-ог жанрьёс кылдытэ. Крестьян нылпиос вазь быдэ вуо вал уго, бадзымъёсылэн ужазы пырисько; егит дырзы вуыса, репертуарзы шудонпöлэн герзаське, но соизлэн аслаз узырлыкез ни. Сюлэмшугзэ Кузебай Герд верано луиз, дыр, школаос усьтйськемен но. Писатель лыдзöн книгаос кылдытон борды басьтйськиз. Вакчи дыр куспын вöлмизы солэн «Шунит зор» но «Виль сюрес» хрестоматиосыз. Кыкетйяз со пыртэм вуж кабъя нимысьтыз гожтэм кык пöртэм кылбур-кырзанзэ («Чебер пие, нуныкае» [10/1. С. 141; 10/ 2. С. 149]; «Нуны веттан вильгур» [10/ 1. С. 148; 10/ 2. С. 156]).

1920-тй арын ик «Теремок» книгаын кутэм кырзан вариантзэ Кузебай Герд пыртэ выль верам «Малмыж удмуртъёслэн кырзанъёссы» бичетаз, воштытэк сётэ 1927 арьёсы потэм кырзан сборнике [8. С. 109–110]. Чöлске, Верещагинлэсь басьтэмын шуыса. Но 1927-тй арын потэмаз гинэ таёе комментарий лэсьтэ: «Г. Верещагинлэн “Сарапул уезысь удмуртъёс” нимо зуч кылын гожтэм книга-ысьтыз» [8. С. 110].

Гердлэн вöлмытэм текстаз трос ик пöртэмлыкез öвёл, кылбурлэсь тусбуйзэ но, пуштрössэ но соос уг вошто:

Верещагин

Чагыр, чагыр дыдыке!
Малы пыддэ жобаськод?
Чебер пие, гыдыке!
Малы ялан бöрдйськод?
Бадзым будод – тйр басьтод.
Сике мынод кырзаса;
Жужыт кызэс уськытод,
Жадёд, пудэ кораса.
Мынам быроз ас пöры.
Тонэ витё жальяса.
Шунды васькоз сик съöры,
Гуртэ бертод, жадьыса.
Сюдо тонэ табанен,
Йырдрэ вöйын вöяса.
Юод мушсур чечыен,
Муми пöзйтйз шуыса.
Чагыр, чагыр дыдыке!

Малы пыддэ жобаськод?
Чебер пие, гыдыке!
Малы ялан бöрдйськод?

Герд

Чагыр, чагыр дыдыке!
Марлы пыддэ жобаськод?
Чебер пие, гыдыке!
Марлы ялам бöрдйськод?
Бадзым будод – тйр **кутод**.
Тэле мынод кырзаса;
Жужыт кызэс уськытод,
Жадёд, пудэ кораса.
**Шунды пуксёз сик съöры –
Бертод дорад жадьыса:**
Мынам быроз **ой** пöры.
Витё тонэ жальяса
Сюдо тонэ табанен,
Йырдрэ вöйын вöяса.
Юод **мусур** чечыен,
Анай пöзйтэм шуыса.
Чагыр, чагыр дыдыке!

Марлы пыддэ жобаськод?
Чебер пие, гыдыке!
Марлы ялам бöрдйськод?

Мыным тунсыко потйз соиз гинэ: Герд *ялан* кылэз *ялам* шуыса сётэм. Со Верещагинлэн стилезлы матынлэсь но матын – озыы верасько уйпал удмуртъёс. Нош асьмеос тодйськомы, Верещагин, уйпалан вордскем адями, сопалась вераськетъёсты гожъямъёсаз чем дыръя лыдэ басьтэ вал. Малы со таяз учыре палдурскем, табере асьмеос ноку но ум тодэ. Нош Кузедуб Герд отй экспедициосы ветлйз, диалектной кылъёс пеляз пыриллям, шөдске. «Кыл пумысь кыл потэ», – шуиллям удмуртъёс. *Ялам* бордаз *марлыз* кыскем. Герд кылбурчи лы та кылсöзнэт шулдыргес кылйськиз, вылды. Зэмзэ ке, – кыл-куара кужымежъя со мыным но шарагес потэ.

Озыен, «Чагыр-чагыр дыдыке»/«Нуны веттан гур» кылбур-кырзанлэн авторъёссы-соавторъёссы – Верещагин–Герд. Творчествозылэн инъетэз – калык кыло, удмурт кылутолык. Кылутолык ик, со произведениез аслаз карыса, сое аслаз катэзъя, аслаз кабыёсызъя улонэ пычатэ, сйлэ-ви́ро каре, выль лул-шоканэн тырмытэ. Сое валан понна трос ик кулэ öвöл: кылзйськоно гинэ, мар кырзало туалал анайёс/чужанайёс/песанайёс вож нуныослы но нунокъёссылы. Мылды ке потйз, учкыны быгатйськоды туэ потэм Пичи Пурга ёросысь люкам но поттэм кырзан книгаез: отчы пыртэмын 18 Нуны-веттан гур. Ваньмыз сямен Верещагин–Гердлэн вариантъёсыз [4].

Г. Е. Верещагин но, К. П. Чайников/Кузедуб Герд но – удмурт этнография, удмурт фольклор, удмурт литература удисъёсты мытйсьёс пöлын. Кыкназылэн но гожъяськон сямзы – «авторской почерксы» – одйг кадь. Кыкназы кылутолык-кез, калык поэзиез бичазы, сое вöлмытйзы. Солэсь аспöртэмлыксы-чеберлыксы асэстыса, выль произведениеос кылдытъязы. Туж шонер луэ, куке соослэсь калыксы бичам шедьтосъёссыс, оглом ужзэс возматыса, огазе люкаса поттйськомы. Г. Верещагинлэн Люкам сочинениесыз поттэмын ни – со азыпал ужлы инъет. Туж тау Ф. К. Ермаковлы Гердлэн Люкам сочинениесыз понна. Но татчы мон одно ик пыртысал на Гердлэсь фольклорлы сйзем ужъёссы. Соосты, жеч-жеч комментариос гожтыса, нимысьтыз идание лэсьтыны кулэ. Сыче ужез кулэ каре М. Петровлэн калык кырзан бордын тыршемез но [6. С. 35–36]. Егитъёс, оскисько, та ужез вормозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ванюшев В. М. Истоки и традиции первого оригинального стихотворения на удмуртском языке // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора: Сб. ст. / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1978. С. 77–82.

2. Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск, 1995. С. 101–106.

3. Ванюшев В. М., Владыкина Т. Г. Истоки и развитие удмуртской литературы // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Гл. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.

4. Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск, 2014. (Удмуртский фольклор). 384 с.

5. Владыкина Т. Г. «Чагыр, чагыр дыдыке...»: опыт фольклористического прочтения // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Ванюшев В. М.; Удм. ин-т ИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1991. С. 135–141.

6. Владыкина Т. Г. Михаил Петров и удмуртская народная песня: к проблеме «авторства» фольклорного текста // М. П. Петров и литературный процесс XX века: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения классика удм. лит. / Отв. ред. С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева; УдГУ. Ижевск, 2006. С. 29–37.

7. Герд К. Малмыж удмуртъёслэн кырзанъёссы. 1920.

8. Герд К. Удмурт калык кырзанъёс: Революционные и народные удмуртские песни: Сб. 1. 3-е изд. Ижевск: Удкнига, 1927. 113 с.

9. Герд К. Мае удмурт пиналъёс кырзало // Люкам сочинениос. Куать томен. 3-тй т.: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужъёс, гожтэтъёс / Люказ, азыкыл гожтйз но валэктонъёс сётйз Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. 328 с.

10. Герд К. Виль сюрес. 1929; Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. 6-тй т.: Виль сюрес. Удмурт школаын лыдзён чеберлыко хрестоматия / Люказ, азыкыл гожтйз Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2005.

11. Насибуллин Р. Ш. Юбилей или ошибка? // Удмуртский университет. 1989. 3 марта.

12. Шкляев А. Г. Лицо и изнанка праздника, или некоторые пояснения к 100-летию удмуртской литературы // Удмуртский университет. 1989. 3 марта.

Поступила в редакцию 23.11.2014

T. G. Vladykina

Kuzebay Gerd and Udmurt Children's Literature

The reasons for the wide distribution of the poem of G. Ye. Vereshchagin «Chagyr, Chagyr dydyke» («Grey, grey dove») as a lullaby as ethnically recognizable song symbol are revealed and proved on the basis of comparative textual analysis of variants from collections of Kuzebay Gerd.

Keywords: creativity of G. Ye. Vereshchagin, folk tradition, folklorist Kuzebay Gerd, lullaby, children's folklore, folk repertoire, ethnic symbol, broadcast, versification, improvisation.

Владыкина Татьяна Григорьевна,

доктор филологических наук, профессор,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: tgvladykina@mail.ru

VladykinaTatyana Grigoryevna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,

The Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: tgvladykina@mail.ru

УДК 821.511.131

А. С. Измайлова

КУЗЁБАЙ ГЕРД И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Рассматривается влияние русского ученого богослова писателя П. Флоренского на мировоззрение и творчество удмуртского поэта, просветителя, ученого К. Герда. Оказавшись на Соловках в 1937 г. в качестве политических заключенных, они разделили общую судьбу. Личное общение, взаимный интерес к друг другу перешли в диалог двух разнородных культур – русской и удмуртской. Письма, дошедшие до наших дней, являются важным историческим документом эпохи и свидетельствуют о философских, религиозных, литературных, этнокультурных особенностях эпохи Серебряного Века.

Ключевые слова: К. Герд, Соловецкие острова, отец П. Флоренский, влияние П. Флоренского, путь от атеиста к верующему.

Кузёбай Герд сложился как поэт и ученый при сопряжении разных культур – народной и европейской, светской и церковной, он проделал путь от язычника к христианину, от романтика к реалисту, от поэта-одиночки к поэту-гражданину, воспевающему пафос обновленной земли. Он создал поэтическую летопись жизни своего народа предреволюционных лет и первого десятилетия после октября 1917 года, в которой отразился драматизм современности, напряженная жизнь лирического героя в целях формирования национального идентитета. Важной вехой в творческой эволюции Герда были годы жизни в Москве (1922–1925), учеба в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Он оказался в среде русских и национальных писателей (Мате Залка, С. Валайтис, Амур-Санан), попал в орбиту внимания В. Брюсова, А. Горького, был знаком с С. Есениным, В. Маяковским, испытал влияние символистов (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок), акмеистов (А. Ахматова, Н. Гумилев), постсимволистов (В. Хлебников, В. Ходасевич, М. Кузмин), поэтов «серебряного века» (М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Пастернак и др.). Успешно окончил аспирантуру Московского научно-исследовательского института национальных и этнических культур народов Востока СССР, написал две диссертации (по фольклору и этнографии), получил звание доцента.

Ему принадлежит идея единения всех финно-угорских народов России и Европы в целях возрождения присущей им в прошлых тысячелетиях самобытности и мощи, исторической памяти. Он осознавал свою миссию посла удмуртского и других финно-угорских народов, объединял усилия представителей творческой и научной интеллигенции в борьбе за новую культуру и демократические формы жизнеустройства. При этом он ориентировался на достижения финской, венгерской, эстонской литературы и культуры.

Трудно сказать, счастливым или трагическим был этот шаг навстречу европеизированной Финляндии, до недавнего времени называемой «буржуазной». Но это была необходимость – необходимость образованного человека, пытающегося осмыслить свое родное, удмуртское, наряду и наравне с европейской культурой и наукой. К. Герд выработал уже способность становиться удмуртом тогда, когда он наиболее финно-угр или европеец.

Кузёбай Герд мог еще много сделать для своего народа, но в расцвете творческих сил, в возрасте 34 года, был обвинен в буржуазном национализме («Дело СОФИН»). В 1932 г. выдающегося сына удмуртского народа, до фанатизма преданного своей Родине, своему народу, приговорили к казни через расстрел.

На Соловецкие острова Кузёбая Герда привезли в конце 1933 г., после почти двух лет тюремного заключения в Нижнем Новгороде. Сколько требовалось ему мужества, чтобы выдержать пытки, допросы, фальсификацию дел, одиночную камеру, приговор к высшей мере наказания, замененный, возможно, по ходатайству М. Горького десятью годами в Соловках!

Здесь он встретился с философом, богословом, ученым, тоже политзаключенным Павлом Флоренским (1882–1937), автором книг «Столп и утверждение истины», «Возвращение», «Особенное», «Детям моим», «Воспоминания прошлых лет» и других. В трагических обстоятельствах встретились две выдающиеся личности, представители двух типов цивилизаций, двух типов этнических культур.

Павел Флоренский, попав на Соловки из Филипповой пустыни, где он находился с 1935 г., продолжал вести научные исследования, хотя в лагерных условиях это было чрезвычайно трудно. Он встретил здесь немало талантливых, известных людей, в том числе и Кузёбая Герда. Флоренский руководил лабораторией йодопроба, был заметной фигурой в коллективе заключенных. «Ваш дедушка Флоренский на Соловках был самый уважаемый человек – гениальный, безропотный, мужественный философ, математик и богослов. Мое впечатление о Флоренском, да это и всех заключенных мнение, бывших с ним, – высокая духовность, доброжелательное отношение к людям, богатство души. Все то, что облагораживает человека», – писал о нем один из узников лагеря А. Г. Фаворский [см. об этом: 1. С. 351].

Подобную характеристику отцу Павлу Флоренскому мог бы дать и удмуртский поэт, который работал с ним на йодопробе. В свободное время они, очевидно, беседовали, обменивались интересной и полезной информацией. Их объединяли высокая духовность и интеллект, демократические взгляды на мир и человека. Об этом говорят письма выдающегося ученого и богослова. Вот одно из них.

«Соловки. Дорогой Мих. (Михаил – третий сын Флоренских. – А. И.), на этот раз отправимся с тобою путешествовать снова в Удмуртию (Вотскую область), а потом в Бухару. Но поедem не наедаться, а смотреть игрища. В летнее время они устраиваются в Удмуртии торжественно. Очень оживленно происходит борьба. Борются представители отдельных территориальных участков, и успех победителя считается честью всего участка. Поэтому выбирают самых надежных борцов, а если не находят достаточно надежного у себя, то приглашают со стороны. Но его надо именно пригласить, сам не подойдет. Еще состязания: ставят котел с кислым молоком, а на дно его кладется золотой. Требуется окунуть голову в кислое молоко и вытащить золотой зубами. Удмурты ходят с волосами, и после такого окунания вся голова становится белой; татары же бреют голову, и кислое молоко стекается у них за шиворот. Другая игра – влезание на столб, на вершине которого кладется сукно или часы. Сумевший влезть на столб берет приз себе. Затем устраивают бег в мешках. Или еще – бег с ложкой в руке, причем в ложку кладется сырое яйцо. Надо добежать к финишу первым, не разбив яйца; если же оно упадет, не разбившись при падении, то такое падение не порочит бегуна. Другая игра – битие горшков. На столбе ставится горшок. Состязающимся завязывают глаза, отводят на пятнадцать шагов от горшка, поворачивают, и затем они должны подойти к горшку и разбить его дрыном, но бить можно только однократно. Зрители забавляются тем, что играющие уходят на пятнадцать шагов куда-нибудь в сторону и напрасно поражают воздух. Когда происходят конские бега, то премией служат навешиваемые на коня-победителя особые шерстяные, узорно-затканые полосы, носимые молодцами какой-то срок после свадьбы. Лошади понимают значение этой чести, и когда победителя проезживают после бега, то прочие лошади из зависти начинают его кусать. Забыл еще сказать, что победившему борцу достается половина сбора из добровольных пожертвований зрителей. 1935. III. 21» [1. С. 362].

Одним удмуртом в цитируемом автором статьи письме Павла Флоренского, очевидно, был Кузубай Герд, он же является источником информации и не раз посвящал великого ученого в «тайны» этнографического и фольклорного искусства народа. Даже в застенках Соловецкого концлагеря у Герда не умерла любовь к своему народу, его неповторимой культуре. Отец Флоренский не только запомнил эти рассказы об обрядовых зрелищах и играх удмуртов, но и описал их в письме к сыну.

Еще одним важным доказательством общения двух ученых, а также влияния П. А. Флоренского являются строки письма К. П. Герда из Соловков жене Надежде Антоновне: «Надя! Я никогда не верил в бога, но тут поверил». Имеем основание утверждать: отец Флоренский влиял на Герда и как священнослужитель [6. С. 230].

В лице П. Флоренского русская культура 20–30-х гг. XX в. вновь обратилась к истокам и родникам подлинной духовности, причем научно обоснованным. Павел Флоренский отстаивал духовную ценность православия, в котором находит высшее и истинное воплощение всех общечеловеческих стремлений. Культ человека, не ограниченного в деятельности и правах высшими, надчеловеческими духовными ценностями, неизбежно приводит в области

искусства к крайнему индивидуализму, в области науки – к оторванным от жизни знаниям, в области хозяйства – к хищничеству, а в области политики – к культу личности.

Книга «Мнимости в геометрии» – важнейший труд П. Флоренского, за который он был репрессирован. Эта книга явилась ударом по материализму, считающему материю главной реальностью мироздания. Как раз эта реальность при световых скоростях оказывается нулевой, мнимой, а «мнимости» мира обретают истинную реальность. Священник и богослов Павел Флоренский умышленно отказался здесь от любимых богословских и канонических рассуждений. Ценность труда в том и заключается, что, оставаясь в пределах физики, геометрии и космологии, автор фактически полностью подтверждает и даже доказывает подлинность мистического христианского опыта. Это настоящее «опытное» бого-познание, известное с древнейших времен. Суть такого пути – в свободном следовании за истиной, которая сама ведет к богу. Сотворив свет – а именно с него начинается сотворение мира («И сказал Бог: да будет свет. И стал свет») – Бог одновременно создал вечные и нерушимые сущности вещей. Смерть и разрушение возникают на границе между нашей и «мнимой», а правильное сказать – вечной реальностью.

Необходимо вспомнить «Иконостас» П. Флоренского и его учение об обратной перспективе в иконописной традиции. Обратная перспектива возникает на сферически изогнутой поверхности, как бы охватывающей зрителя. Плоскость иконы – реальность. «Мнимость» – сферическая вогнутость, создаваемая взором и кистью художника. Это и есть то мистическое пространство, в котором зритель присутствует как участник события, поскольку сфера замыкается позади него. «Подобным же образом сферически выгнут, искривлен трехмерный объем нашей Вселенной, – пишет академик К. Кедров. – Если бы были способы видеть четырехмерную перспективу событий, то смерть исчезла бы в нашем восприятии как иллюзия ограниченного зрения. Каждое явление, растянувшись в линию мировых событий и опоясав меридианом сферическую Вселенную, вернулось бы к своему началу» [4. С. 3–4]. Для Флоренского сферическая изогнутость обратной перспективы как раз и есть подлинная реальность, хотя она и названа «мнимой». Мистическое пространство иконы – не изображение рая, а его вместилище. «Мнимости» – зримый рай. Вот почему так неожиданно для читателей Флоренский переходит от чисто геометрических формул к «Божественной комедии» Данте. Данте обретает утраченный Адамом рай, когда минует некую точку выворачивания, оказавшись на обратной поверхности Птолемеевой сферы. Данте спускается вниз в ад до зеркально отраженной вершины Голгофы. Вершина Голгофы как бы прокалывает все миры. Ад и рай для человека есть та реальность, с которой он соприкасается в большей или меньшей степени, прежде всего, в своей духовной жизни.

Жизнь духа близка к релятивистской космогонии XX в., к неевклидовой геометрии. Ясно, что интеллект человека, а тем более его дух, требует иных, запредельных скоростей. Геометрические формулы неевклидовой геометрии есть чертеж смерти и бессмертия человека. По-видимому, в своих беседах с Кузёбаем Гердом Павел Флоренский познакомил его с учением о мнимостях и обратной перспективе.

Мнимости – это запредельные величины, это сны, видения, загробная жизнь. До Флоренского все это считалось уделом религиозной мечты, и вдруг – космология, физика, геометрия. А. Эйнштейн открыл, что скорость света имеет предел. А дальше? А дальше тот свет, о котором говорит Флоренский. Он реален, его можно увидеть в обратной перспективе сквозь резную решетку царских врат во время богослужения или в отсвете лампы, отраженном в стекле киота. Икона есть окно в запредельный мир. Вот одно из доказательств бытия Божия по П. Флоренскому: «Если есть Троица Рублева, значит, есть Бог».

Перспектива иконы сходится не в отдаленной точке воображаемого пространства, а в человеке. Вся Вселенная спроецирована сюда.

Кузёбай Герд, который был равнодушен к вопросам религии, хотя, скорее, был атеистом, чем верующим (стихотворение «Инмар» – «Бог»), на Соловках, очевидно, пережил духовный переворот под влиянием отца Павла Флоренского, который многих людей обратил на путь веры. Признание «никогда не верил в Бога, но тут поверил» – яркое тому свидетельство [см.: 3. С. 264–302].

Трагическая по земным меркам судьба Павла Флоренского привела не к гибели, а к торжеству и победе устремлений его жизни. На самом деле трагична не только судьба Флоренского, трагично время, в которое он жил, трагична культура, которая оказалась неспособной принять в себя мыслителя, священника и ученого. Эти слова справедливы и по отношению к Кузёбаю Герду. Поэт, общественный деятель, ученый, он не был понят и принят временем, полностью изъят из литературного процесса. По отношению к нему справедливо определение «гения удмуртского народа» – то есть человека, который опередил свое время, разработав новые направления в сфере политики, культуры, науки. Как писал Флоренский, «гения забивают камнями». Только в середине 60-х Герд вернулся к себе на родину сборниками стихотворений, критическими и литературоведческими работами.

Нельзя сказать, что сегодня подняты все завесы, приоткрывающие подлинный облик писателя, гражданина, пророка, общественного деятеля. По определению венгерского профессора Петера Домокоша [2. С. 115], Кузёбай Герд – это «литературное обобщение духовного и эмоционального мира удмуртов», постигающих основы мировой культуры и цивилизации, пророк, сеятель и просветитель.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Возвращение: Сб. ст. Вып. 1. М., 1991. 577 с.
2. Домокош П. История удмуртской литературы: пер. с венг. яз. Ижевск, 1993. 445 с.
3. Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций: монография. Ижевск, 1997. 372 с.
4. Кедров К. Зримый рай Павла Флоренского // Наука и религия. 1993. № 7. С. 4–5.
5. Кувшинова Р. А. Кузёбай Герд: годы в неволе // Удмуртская правда. 1990. 16 июня.
6. Литературная учеба. М., 1993. № 1. 211 с.

Поступила в редакцию 23.09.2014

A. S. Izmaylova

Kuzebay Gerd and Pavel Florensky

The paper discusses the influence of the ideas of the Russian scholar Petr Florensky on the philosophy and creative work of the Udmurt poet and scholar Kuzebay Gerd. They met and shared their destiny as political prisoners on Solovetsky Islands in 1937. Their personal communication and mutual interest developed into the dialogue between the Russian and Udmurt cultures. Their correspondence documented the philosophical, religious, literary and cultural peculiarities of the Silver Age of Russian Poetry.

Keywords: K. Gerd, Solovetsky Islands, confessor P. Florensky, influence of P. Florensky, the journey from atheist to believer.

Измайлова Анна Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: izmailovaizh@gmail.com

Izmaylova Anna Sergeevna,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: izmailovaizh@gmail.com

УДК 784(=511.131)

И. В. Пчеловодова

**«ПОРЪЯЛОЗ, ПОРЪЯЛОЗ...»:
НАРОДНОЕ «АВТОРСТВО»
И ОБЩЕУДМУРТСКИЙ РЕПЕРТУАР**

В статье рассматриваются пути распространения удмуртских необрядовых лирических песен узколокального характера к общенациональному репертуару. В качестве примера взят текст песни «Поръялоз, поръялоз...» из сборника удмуртского поэта, критика и ученого Кузебая Герда «Малмыж удмуртъёслэн кырзаныёссы» (1920 г.). В процессе анализа выявлено, что популярность песни вызвана ее публикацией в многочисленных песенных сборниках, а также ее исполнением самим Кузебаем Гердом, пользовавшимся в начале XX века огромной популярностью. Высказывание ученого, что песню «Поръялоз, поръялоз...» знала и пела только его мама – Агафья Чайникова, дает нам возможность отнести ее к разряду архаичных, так называемых именных песен, до сих пор сохранившихся в музыкальном фольклоре удмуртов.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, локальная традиция, общеудмуртский, именные песни, распространение песни, мотив, контекст бытования, популяризация.

Удмуртский песенный фольклор складывается из множества локальных традиций. Самобытность и неповторимость каждой из них придает ему особую изюминку, так как, несмотря на схожесть контекста бытования песен, набора определенных ритмоформул, интонационных комплексов, художественных приемов и образов, каждая традиция вырабатывает свои, присущие только ей, музыкально-поэтические «идеалы» на базе определенного набора песен (обрядовых и необрядовых). Калейдоскоп удмуртских песен создает неповторимый музыкальный «узор», отличающийся в широком ракурсе рассмотрения от музыкального фольклора других народов, в узком – внутри самой культуры.

Как известно, обрядовая песенная сфера, в силу своей «нетерпимости» к нововведениям (петь так же, как пели предки!), подвергается наименьшим изменениям, не выходя за пределы своего ареала функционирования. Такое «правило» способствовало, с одной стороны, сохранению наиболее архаичных жанров удмуртского фольклора, с другой – исчезновению многих из них в связи с утерей ритуальных практик в данной традиции и отсутствием аналогичного музыкального материала в других.

Необрядовые песни, в отличие от обрядовых, имеют более широкий спектр распространения, зачастую из узколокальных превращаясь в общеудмуртские. За этим кроется несколько причин. Однако одной из главных необходимо назвать открытость границ самого жанра, его незакрепленность за определенной ритуальной ситуацией.

Мы попытаемся рассмотреть причины распространения и популяризации необрядовой песенной лирики на примере песни «Поръялоз, поръялоз...» («Кружится, кружится...»). Наиболее ранние ее публикации мы находим в сборниках Кузеева Герда [1, 2, 4]:

<i>Поръялоз, поръялоз Ворпо чибор душесэд. Со душес кызъы поръя – Мынам сюлэм сыӛе ик!</i>	Кружится, кружится Полосато-пестрый ястреб. Как этот ястреб кружится – Мое сердце так же [волнуется/мечется]!
<i>Поръялоз, поръялоз Вало дор но коӛӛӛӛӛсӛд. Со коӛӛӛӛ кызъы поръя – Мынам кӛты сыӛе ик.</i>	Кружится, вращается Водоворот Валу реки. Как этот водоворот кружится – Моя душа так же [волнуется/мечется].
<i>Ой, кӛты шуко ке, – Кӛтлэн пумаз ку вуод? Ой, сюлмы шуко ке, – Сюлэмлэн пумаз ку вуод?</i>	Ой, когда тяжело на душе (букв.: когда говорю, душа моя), – Исчерпаешь ли до конца всю ее тяжесть? Ой, когда на сердце тяжело (букв.: когда говорю, сердце мое), – Исчерпаешь ли до конца все его переживания?
<i>Ой, уг лу поттыны Толалтӛ сяськаез. Ой, уг лу берыктыны Шулдыр пинал даурез!.. [1. С. 3–4].</i>	Ой, не получается найти Зимой цветка. Ой, не получается вернуть Веселой молодой поры!..*

Интерес к этой песне вызвало высказывание самого Кузеева Герда: «“Поръялоз, поръялоз” – кырӛанӛз муми сяна быдӛс Дӛкӛя (Вавож вол.) ёросын тодысь ӛй вал» («“Поръялоз, поръялоз” – песню кроме мамы во всей окрестности д. Докья (Вавожской вол.) никто не знал») [2. С. 3]. На основании этого высказывания некоторые исследователи (П. К. Поздеев, Р. А. Чуракова) предположили, что автором песни является мать Герда [8. С. 36; 10. С. 49]. Этот факт небезынтересен тем, что поднимает вопрос о так называемых авторских песнях. Хотя, на мой взгляд, здесь уместнее говорить не об авторских, а об именных, отчасти личных, песнях, часто обозначаемых в удмуртской традиционной культуре по именам тех или иных исполнителей. Несмотря на то что имя в названии песни не присутствует, вышеприведенная цитата Кузеева Герда подтверждает ее народное «авторство».

Есть все основания полагать, что номинация имени автора в названиях удмуртских песен, как и в песнях многих народов Сибири и тихоокеанских островов, имеет древние корни. Факт сохранения имени в названии песни влечет

* Перевод автора статьи. – И. П.

за собой сохранение памяти о человеке, создавшем/положившем ей начало (при этом не важно, является ли она новосочиненной или просто переинтонированной на основе традиционных песен). Сам прецедент соотносится с неким «первособытием»: то, что было в начале, раньше, в прежние времена, и «с теми, кто положил начало этой традиции» [10. С. 143]. Песня не просто «приписывается» исполняющему ее человеку, но и олицетворяет собой самого человека, отчасти заменяет его. Например, *личные песни* манси являются своего рода визитной карточкой человека, так как характеризуют его социальный статус [7. С. 163]. В коми импровизациях память об авторах закрепляется с помощью изложенных ими событий и конкретных случаев из их жизни, рассказы о которых в устах потомков звучат как семейная реликвия, память о предках и друзьях [6. С. 10].

Еще в начале XX в. Кузедан Герд писал: «Выдают девушку замуж, и она сочиняет для подруг на память свои песни. В последний раз перед отъездом собираются к ней тесным кружком подруги, девушка в последний раз говорит и поет все, что ей нужно передать, сказать. И снова душевные “песни Сэдык, Матй, Сандй” звенят в деревне, получают новые вариации и оттенки» [3. С. 22]. Рекрут, покидая родной дом, также исполнял песню, которая до возвращения самого человека «хранилась» под его именем.

Именные песни до сих пор активно бытуют в удмуртской традиционной культуре. В полевой практике информанты нередко сообщали, что та или иная песня была любимой у отца (*атайлэн/тятялэн гурез*) или у матери (*анайлэн/мумилэн гурез*). Думается, что и в случае с Кузеданом Гердом песня «Поръялоз, поръялоз...» была любимой, а потому и часто исполняемой песней его матери. Возможно, что и последовательность строф сохранилась та же, так как в традиционной культуре удмуртов считалось принятым начинать исполнение подобных песен любимыми строфами-куплетами «автора». Это обстоятельство доказывается и на практике: поэтический текст зафиксированных вариантов песни «Поръялоз, поръялоз...» обязательно включает первые три строфы, после чего возможно привнесение новых четверостиший.

По своим композиционным особенностям именные песни сходны с лирическими песнями раннего пласта, то есть их поэтические тексты состоят из разных строф, совпадающих не только по своему эмоциональному наполнению, но и соответствующих ситуации исполнения. При этом у каждого певца складывается «свой», определенный, набор куплетов. В содержательном плане именные песни раскрывают внутреннее душевное состояние человека. Здесь звучат мотивы горестного характера: об уходящей/прошедшей молодости, несостоявшегося счастья, сожаления/переживания и т. д., очень близких для мироощущения традиционного исполнителя – петь «для себя», когда необходимо выговориться/высказаться.

Обращает на себя внимание ситуация исполнения рассматриваемой песни – *юондыр сям* «гостевой обряд». Именно гостевание способствует большей открытости чувств и эмоций по сравнению с повседневностью. Есть возможность выразить внутренние ощущения печали и радости через свою любимую песню. Так, например, в д. Дубровский Киясовского р-на УР во время гостевания мужчину усаживали на стул в центре дома и просили запеть «свою» мелодию, которую в дальнейшем подхватывали все присутствующие. Важно заметить,

что при жизни самого исполнителя другие жители не имели права запевать его песню. В настоящее время таких строгих предписаний уже не существует*.

В статье П. К. Поздеева имеется примечательная заметка о том, что автором песни «Поръялоз, поръялоз...» многие считали Кузебая Герда [8. С. 35], и это вполне оправданно. Как отмечает Р. А. Чуракова, «В 20-е годы, по воспоминаниям современников, К. П. Герд был очень популярен как певец. Он пел народные, революционные песни, песни своего сочинения» [10. С. 50]. Видимо, и в этом случае песня олицетворяла исполняющего ее человека, приписывалась ему. Кроме того, здесь мы наблюдаем преемственность поколений, когда песня от матери переходит к сыну. Аналогичные ситуации олицетворения одной и той же песни с озвучивающими ее певцами, в традиционной культуре удмуртов встречаются достаточно часто. Например, как вспоминает удмуртский исследователь, лингвист М. Г. Атаманов, во время встречи с родственниками или членами деревенской общины в честь какого-либо праздника его отец непременно исполнял один и тот же напев, который именовался как *Пилька Митрейлэн гурез* – напев Димитрия Филиппова. Это был известный и почитаемый в деревне человек, высокого социального статуса, унтер-офицер. Во время формирования колхозов Д. Филиппова раскулачили. Всем жителям в деревне запомнилась песня, исполненная Дмитрием, с помощью которой он выразил тяжесть своего положения. Лишь после смерти отца М. Г. Атаманова – Гаврила Ивановича, эту песню в деревне стали называть напевом Гаврила – *Гавирлэн гурез*.

Таким образом, немаловажную роль в популяризации и распространении песни «Поръялоз, поръялоз...», с одной стороны, способствовала сама личность Кузебая Герда в качестве ее исполнителя, с другой – его песенные сборники. Особенно следует выделить сборник 1927 г., в котором песни расположены по локальному принципу, и к некоторым из них имеются нотные расшифровки. В этом ряду необходимо назвать еще несколько великих имен – Кузьмы Алексеича Ложкина и Григория Ивановича Титова, блестяще исполнивших обработку данной песни. К сожалению, их замечательное исполнение сегодня нигде не демонстрируется, хотя, как известно, записи хранятся в фондах ГТРК «Удмуртия».

В настоящее время существует множество вариантов этой песни, в том числе записанных фольклорно-этнографическими экспедициями Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, студентами Удмуртского государственного университета, Республиканского музыкального колледжа в разных уголках Удмуртской Республики. Каждый из них имеет свой вариант мелодии, поэтического текста, исполнительской интерпретации. Дальнейший анализ вариантов песни позволил бы раскрыть особенности традиционного мышления, проявляющиеся в стабильности и мобильности ее поэтических и музыкальных компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Герд К. Малмыж удмуртъёслэн кырзанъёссы = Избранные песни малмыжских вотяков. Кн. 1. Сарапул: Изд-во Центрального Вотского отдела при Народном комиссариате по национальным делам, 1920. 16 с.

* Благодарю за предоставленный материал докторанта Тартуского университета Николая Анисимова.

2. Герд К. Удмурт калык кырзәнъёс. М., 1924. 1-тй кн. 66 б.
3. Герд К. Вотяк в своих песнях // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Книга 1-я. Москва, 1926. С. 17–40.
4. Герд К. Удмурт калык кырзәнъёс. Ижевск: Удкнига, 1927. 1-тй кн., 3-тй шуккетэз. 113 б.
5. Микушев А. К. Коми импровизации и их саамско-угорские параллели // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. № 17. С. 3–15. Труды Ин-та языка, литературы и истории.
7. Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. II).
8. Поздеев П. К. «Порьялоз, порьялоз» // Удмурт кырзәнъёс сярысь веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 34–41.
9. Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 141–149.
10. Чуракова Р. А. Песня в творчестве К. П. Герда // Истоки искусства Удмуртии: Сб. науч. тр. / Удм. ин-т ИЯЛ УРО АН СССР. Ижевск, 1989 С. 49–67.

Поступила в редакцию 21.05.2014

I. V. Pchelovodova

«Poryaloz, Poryaloz...»: Folk «Authorship» and All-Udmurt Repertoire

The article deals with the ways of distribution of the Udmurt non-ritual lyrical songs from local variants to the national repertoire. As an example the author analyses the text of the song «Poryaloz, poryaloz...» collected by the eminent Udmurt scholar Kuzebay Gerd (issue «Malmyzh Udmurtyoslen kyrzanyosy», 1920). The analysis revealed that the popularity of the song is caused both by its publication in numerous songbooks and performance by Kuzebay Gerd himself, who was very popular at the beginning of the 20th century. Kuzebay Gerd wrote that the song «Poryaloz, poryaloz...» was known and performed only by his mother – Agafya Chainikova. This fact gives us the opportunity to take it to the category archaic, so-called personal songs. They still preserved in the song culture of the Udmurts.

Keywords: the Udmurt folklore, local tradition, All-Udmurt repertoire, personal songs, distribution of a song, tune, context of functioning, popularization.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: orimush@mail.ru

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: orimush@mail.ru

Л. М. Ившин

О СОЗДАНИИ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ГЕРДА

К. Герд стремился поднять культуру своего народа до уровня других европейских народов (например, родственных финнов, венгров и эстонцев). Это стремление отразилось и в языковедческой деятельности ученого. Исследователь при образовании новых слов в удмуртском языке применял суффиксацию, т. е. образование неологизмов на основе известных слов при помощи словообразовательных суффиксов; словосложение с использованием как сочинительных, так и подчинительных типов связей; лексикализацию словосочетаний и калькирование иноязычных слов. По мнению ученого, данные аспекты словотворчества в наибольшей степени сохраняют национальное своеобразие удмуртского языка.

Ключевые слова: К. Герд, удмуртский язык, термин, неологизм, словообразование, суффиксация, словосложение, калькирование.

Чрезвычайно широко и многогранно творчество общественного деятеля, поэта и ученого К. Герда. Большинство его научных исследований, посвященных различным областям удмуртоведения: критике и литературоведению, устному народному творчеству, этнографии, лингвистике, педагогике и методике преподавания – получили признание ученых как нашей страны, так и стран зарубежья.

Лингвистическая деятельность К. Герда была уже объектом исследования удмуртских языковедов и не только. Так, В. И. Алатырев в своей статье «К. Герд кыл ужпумъёс сярысь» [1] представил обзор работ К. Герда, посвященных непосредственно проблемам лингвистики и дал высокую оценку принципам словотворчества выдающегося поэта и ученого. В. И. Алатыреву импонируют мысли поэта о сохранении национального своеобразия языка, и он отмечает, что для развития лексики в удмуртском литературном языке К. Герд считал возможным руководствоваться тремя способами: 1) сдвинуть или расширить семантику слов, употребляющихся в родном языке, 2) применять заимствования и 3) образовывать кальки по образцу словообразования других языков, в частности, родственного финского литературного языка. Преемственность

принципов формирования удмуртского литературного языка, предложенных К. Гердом в 20-е гг. XX в., подчеркивается также в работах литературного критика А. Г. Шкляева «Динамика использования диалектизмов в поэтическом творчестве Кузубая Герда» [2] и «Кузубай Герд и вопросы развития удмуртского литературного языка» [3]. Ученый обращает внимание на то, что начатое К. Гердом мощное языковое творчество, прерванное в 30-е гг. и до сих пор не восстановленное, необходимо учитывать в настоящее время при совершенствовании удмуртского литературного языка, особенно при образовании новых слов. В статье И. В. Тараканова «Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху» [4] также отмечается неоценимый вклад К. Герда в создание терминологической лексики в удмуртском языке. Исследователь пишет о рекомендациях ученого, которых следует придерживаться при словотворчестве, об использовании К. Гердом распространенных словообразовательных средств и причинах, помешавших внедрению некоторых лексем, созданных им или другими деятелями, в удмуртский язык.

В настоящей работе хотелось бы поподробнее исследовать статьи К. Герда, посвященные словотворчеству в удмуртском языке, а также рассмотреть неологизмы из его переводных учебников.

Творчество К. Герда очень тесно связано с формированием удмуртского литературного языка. Как известно, поэт и ученый придавал огромное значение родному языку. Удмуртский ученый стремился поднять культуру своего народа до уровня других европейских народов (например, родственных финнов, венгров и эстонцев). Это стремление отразилось в том числе и в языковедческой деятельности ученого.

В небольшой работе «Суоми (финн) кыл сярысь но удмурт кыл сярысь» [5. С. 179–186] («О финском и удмуртском языках»), опубликованной в 1926 г. в республиканском журнале «Кенеш», К. Герд при образовании новых удмуртских слов предлагает руководствоваться законами словообразования, точнее – словосложения финского языка. По нашим подсчетам, из 37 неологизмов, предложенных К. Гердом, 15 слов/словосочетаний в неизменном виде вошли в современный удмуртский литературный или разговорный язык, а именно: *кылож* ‘дискуссия’, *куартэй* ‘тля’, *книгакыл* ‘литературный язык’, *чүкнянь* ‘завтрак’, *Вылй суд* ‘Верховный суд’, *ужкагаз* ‘документ, деловая бумага’, *кылос* ‘словесность’, *книга гожъясь* ‘автор’, *книгакуа* ‘библиотека’, *книга ним* ‘заголовок, название книги’, *книгапоттонни* ‘издательство’, *ужлыд* ‘хроника’, *кылбурмертэт* ‘стихотворный размер’, *кылбурныд* ‘стихотворная стопа’, *суредмадь* ‘ребус, шарада’. Два слова включены в удмуртско-русский словарь с небольшими изменениями орфографического характера: *калыктодос* ‘этнография’ (у Герда – **калыктодон**), *езйвор* ‘телеграмма’ (у Герда – **езивор**). За предложенными лексемами автора *нимкыл* ‘существительное’, *жытнянь* ‘ужин’, *кылтодон* ‘этимология’ в современном удмуртском литературном языке закрепились другие значения: ‘термин’, ‘полдник’ и ‘языкознание’ – соответственно. Лексемы, образованные от 2–3 самостоятельных слов, К. Герд предлагает писать слитно и объясняет это тем, что при их раздельном или дефисном написании изменяется содержание всего понятия.

Другая работа ученого «Виль удмурт кылъёс» [5. С. 206–214] («Новые удмуртские слова») представляет собой маленький словарь неологизмов (для того времени), включающий 244* слова, которые были образованы в результате калькирования или использования внутренних словообразовательных средств удмуртского языка (словосложения, суффиксации и лексикализации сочетаний слов). Из них 13 слов были уже опубликованы ранее в его статье «Суоми (финн) кыл сярысь но удмурт кыл сярысь». Рассмотрим подробнее способы образования новых слов, предложенных ученым в работе «Виль удмурт кылъёс». Некоторые из новообразований созданы на основе уже известных лексем путем суффиксации. К. Герд использует следующие суффиксы:

1) **-лык**: *вашкалалык* ‘древняя старина’, *дышмонлык* ‘вражда’, *данлык* ‘почесть, доблесть’, *югытлык* ‘просвещение’, *чеберлык* ‘красота, искусство’ – всего 11 неологизмов;

2) **-ись** (**-йсь**), **-сь**: *берыктйсь* ‘переводчик’, *мушкась* ‘пчеловод’, *ужась* ‘работающий, трудящийся’ – всего 9 примеров. Необходимо отметить, что сюда же включаются сложные слова, образованные «по формуле» **сущ. + основа глагола** (у глаголов I спряжения – короткая основа) + **-ись** (**-йсь**, **-сь**), например, **ку + пос- + йсь = купосйсь**;

3) **-эт** (**-ет**): *берыктэт* ‘перевод’, *валэктэт* ‘разъяснение, инструкция’, *визьбурет* ‘мечта’, *гожтэт* ‘письмо’, *кылбурет* ‘литература’, *чальтчет* ‘рикошет’ – всего 18 слов;

4) **-он**, **-ян**: *огазеяськон* ‘объединение’, *тодон* ‘знание’, *жэутйськон* ‘восстание’, *чеберъян* ‘украшение’, *йыръян* ‘оглавление’ – 5 слов;

5) **-чи**: *веросчи* ‘рассказчик; пишущий или рассказывающий рассказы’, *кылбурчи* ‘поэт, писатель’, *кылосчи* ‘словесник’, *пудочи* ‘пастух’, *ужчи* ‘рабочий’ – всего 5 неологизмов;

6) **-ла**: *мурдала* ‘глубина’, *мындала* ‘тираж, количество’, *жэуждала* ‘высота’ – 3 примера;

7) **-ос**: *верос* ‘рассказ’, *гожтос* ‘сочинение’, *улос* ‘область’, *эштос* ‘товарищество’ – 4 слова;

8) **-ни**: *крезьбурдышетсконни* ‘музыкальная школа, студия’, *ожкнигапоттонни* ‘военное книгоиздательство’, *эмъяськонни* ‘больница, амбулатория’ – всего 3 примера.

Многие слова, предложенные К. Гердом, образованы способом словосложения: а) двух лексем: *азьветлйсь* ‘предводитель, вождь’, *армидйсь* ‘военная одежда, форма’, *вупйишур* ‘водяное (точнее: водное. – Л. И.) животное’, *воськыл* ‘молитва’, *кылпуш* ‘смысл, значение слова’; б) трех лексем: *интылуудэм* ‘северное сияние’, *кыллыбыреммурт* ‘краснобай’, *кисыкылкнига* ‘карманный словарь’, *пыдйылмурт* ‘бобыль, бродяга, скиталец’ и др.

* По подсчетам некоторых исследователей, словарь содержит 247 лексем (см., например, [3. С. 133]). Однако надо заметить, что к трем неологизмам К. Герд приводит иллюстративный материал: *данъяны* ‘почтить’, *солэсь ужэз султыса данъязы* ‘его деятельность почтили вставанием’; *данлык* ‘почесть, доблесть’, *ожысь со бадъым данлыкен берытскиз* ‘с войны он вернулся с большой почестью’; *инкуазь* ‘природа’, *инкуазьлэн нылтиосыз* ‘дети природы’. Поэтому эти примеры нами не учитываются.

Некоторые новые термины К. Герда образованы путем лексикализации словосочетаний: *инкуазь кужым* ‘сила природы’, *езтыл кужым* ‘электрическая сила, энергия’, *калык суд* ‘народный суд’, *калык кенеш* ‘народный совет’, *му ужбуур* ‘сельское хозяйство’ и т. п.

Также в словообразовании К. Герда широко использован способ калькирования: *калыктодон* ‘народоведение’, *кылож* ‘дискуссия’, *книгаутись* ‘библиотекарь’, *книгакыл* ‘книжный, литературный язык’.

Кроме вышеназванных лингвистических статей К. Герда, нам хотелось бы остановиться на учебниках «Кутскон геометрия» [6. С. 11–59] и «Лыд’ясыкыны дышетскон книга» [6. С. 61–177], переведенных им с русского языка в 20-е гг. прошлого века. В начале учебника «Кутскон геометрия» приводится статья переводчика (К. Герда) «Берыктысьлэн кылыз» («Слово переводчика»), в которой он отмечает необходимость создания удмуртских геометрических (математических) терминов. Также К. Герд пишет, что в книге Е. Г. Шалыта, с которого был сделан этот перевод, некоторые примеры для удмуртских детей не подходят. Поэтому ученый счел нужным вместо этих примеров включить реалии из удмуртской жизни (работы в огороде, молотьба и т. д.), которые будут более понятными для сельских ребят. В конце учебника приводится список из 23 новых слов – не что иное, как созданные переводчиком математические термины. Большинство из них удачно передают значения русских терминов, например: *нялмыт гож* ‘наклонная линия’, *шонер сзрег* ‘прямой угол’, *конгыль гож* ‘кривая линия’, *котырес (гож)* ‘окружность’, *куиньсэрг* ‘треугольник’, *кузялэс котырес (гож)* ‘эллипс’ и др. Однако некоторые слова не совсем адекватно показывают значения русских терминов: *котырет* ‘фигура’, *каб* ‘тело’, *чур’ет* ‘чертеж’. Например, лексема *котырет* больше подходит для обозначения термина «круг». Второй учебник под названием «Лыд’ясыкыны дышетскон книга» был переведен с оригинала А. В. Ланкова «Арифметика». Эту книгу К. Герд также постарался максимально связать с жизнью и занятием удмуртского народа начала XX столетия. Учебник содержит, по нашим подсчетам, 15 математических терминов: *огазе карон (ватсан)* ‘сложение’, *кулэстон (куштон)* ‘вычитание’, *уноян* ‘умножение’, *люкон* ‘деление’, *огинан’ёс* ‘слагаемые’, *пасьтал* ‘площадь’, *валче вуонтэм гождьёс* ‘параллельные линии’, *шонер кечат гождь* ‘перпендикуляр’, *люконо лыд* ‘делимое’, *люкись* ‘делитель’, *люкетэз* ‘частное’, *кыздала* ‘толщина’, *метра выжы* ‘метричная система’. Кроме этого, в книге встречаются такие новые лексемы, как *вожона* ‘ласточка’, *пур* ‘паром’, *шапыштэт* ‘капля’. При переводе учебников К. Герд придерживается тех же принципов составления (образования) новых слов, которые использует в своих лингвистических работах.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что К. Гердом был намечен правильный путь обогащения удмуртского литературного языка, включающий: 1) суффиксацию, т. е. образование неологизмов на основе известных слов при помощи словообразовательных суффиксов; 2) словосложение с использованием как сочинительных, так и подчинительных типов связей; 3) лексикализацию словосочетаний и 4) калькирование иноязычных слов – в данном случае финских. По мнению ученого, указанные аспекты словотворчества в наибольшей степени сохраняют национальное своеобразие удмуртского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алатырев В. И. К. Гerd кыл ужпумъёс сярысь // К изучению жизни и творчества Кузeбая Герда (1898–1941): Сб. ст. / Удм. ин-т ИЯЛ УрО АН. Ижевск, 1988. С. 117–123.

2. Шкляев А. Г. Динамика использования диалектизмов в поэтическом творчестве Кузeбая Герда // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. / Коми научный центр УрО РАН, Ин-т ИЯЛ. Сыктывкар, 1992. С. 164–168.

3. Шкляев А. Г. Кузeбай Гerd и вопросы развития удмуртского литературного языка // К изучению жизни и творчества Кузeбая Герда: Сб. ст. / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. Вып. 3: Кузeбай Гerd и финно-угорский мир. С. 133–137.

4. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Бюллетень № 1 Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку / Под ред. А. Г. Красильникова. Ижевск, 1998. С. 108–117.

5. Гerd К. Люкам сочинениос. Куать томен. 3-тй т.: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужъёс / Люказ, азыкыл гожтйз но валэктонъёс сётйз Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. 328 б.

6. Гerd К. Люкам сочинениос. Куать томен. 5-тй т.: Удмурт школаосын дышетскон книгаос / Люказ, азыкыл гожтйз Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2005. 264 б.

Поступила в редакцию 17.04.2014

L. M. Ivshin

The Creation of New Terms in the Works of K. Gerd

K. Gerd sought to raise the culture of his people to the level of other European nations (e.g., kindred Finns, Hungarians and Estonians). This aspiration reflected in linguistic activity of the scientist. He used suffixation in the formation of new words in the Udmurt language, i.e. the formation of neologisms on the basis of known words with the help of derivational suffixes; word composition using both coordinative and subordinated link types; lexicalization of phrases and calques of foreign words. According to the scientist, these aspects of word creation preserve national originality of the Udmurt language in the greatest degree.

Keywords: K. Gerd, the Udmurt language, term, neologism, word formation, suffixation, composition, calking.

Ившин Леонид Михайлович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihailovich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

В. Н. Денисов

**О ФОНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЯХ КУЗЕБАЯ ГЕРДА,
СОБРАННЫХ В ЭКСПЕДИЦИЯХ
НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В 1920-Х ГОДАХ**

В статье рассматриваются вопросы участия Кузебая Герда (К. П. Чайникова) в фольклорно-лингвистических экспедициях на территории Вотской автономной области в 1920-х годах. Есть подтвержденные сведения, что в этих экспедициях широко использовался фонограф, весьма популярный в те годы среди лингвистов и фольклористов. Известный удмуртский этнограф, как участник большинства экспедиций, был одним из первых, кто использовал такой аппарат в полевых условиях. В статье приводятся несколько важных и существенных фактов из истории использования фонографа и восковых валиков, позволяющих понять некоторые специфические особенности технологии звукозаписи, а также особенности хранения восковых валиков как носителей звучащих коллекций.

На некоторых восковых валиках сохранился голос Кузебая Герда, но точная идентификация голоса ученого затруднена в силу отсутствия подтверждающих документов (метаданных к записям), а также низкого качества звучания записей на восковых валиках. Не сохранилось также подтвержденных записей на других носителях, например, на грампластинках, которые могли бы помочь узнать его голос. Тем не менее возможности идентификации голоса известного удмуртского ученого и этнографа Кузебая Герда, сохранившегося на восковых валиках, все еще остаются.

Ключевые слова: фольклорные и лингвистические экспедиции, удмуртские песни, исполнители и информанты, история звукозаписи, фонограф и восковые валики, фонограммархив, идентификация голоса, метаданные, сохранение звуковых коллекций.

В 1920-х гг. прошлого века известный деятель удмуртского просвещения, поэт, писатель и ученый Кузебай Герд (К. П. Чайников) был активным участником нескольких фольклорно-лингвистических экспедиций на территории Удмуртии, в том числе организованных по инициативе известного русского фольклориста академика Ю. М. Соколова и члена-корреспондента Д. В. Бубриха. Это был сложный послереволюционный период, когда еще только происходил процесс формирования единых норм литературного удмуртского языка, и шло определение контуров будущего национально-территориального устройства удмуртов,

поэтому основными задачами экспедиций являлись определение и описание тех диалектов и говоров, которые в будущем могли стать основой литературного языка. К участию в удмуртских фольклорно-лингвистических экспедициях привлекались лучшие специалисты из Удмуртии, Казани, Москвы и Ленинграда. Кузубай Герд, который в 1922–1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте, а затем, в 1926–1929 гг., – в аспирантуре НИИ этнических и национальных культур народов Востока, также не мог оказаться в стороне от таких важных событий. Еще в юности, поступив в 1912 г. в Кукарскую учительскую семинарию (ныне г. Советск Кировской области), Кузубай Герд начал собирать удмуртские песни, загадки, пословицы. Поэтому участие в экспедициях было для него вполне естественным. «Счастливым сочетанием яркого таланта с глубоким знанием народного творчества и с уникальной исторической обстановкой выдвинули Герда на передний край культурной жизни удмуртов тех лет» [10]. В течение всех последующих лет, начиная с 1918 г., Кузубай Герд продолжал свою активную собирательскую деятельность как самостоятельно, так и в составе различных экспедиций [более подробную информацию о результатах этих экспедиций см.: 1].

Многие из современных ученых, исследовавших жизнь и творчество Кузубая Герда, в той или иной степени затрагивали вопросы его участия в экспедициях тех лет, которые активно проводились в 1920-е г. в местах проживания удмуртов. Но, на наш взгляд, наиболее полно и последовательно анализ фольклорно-лингвистических экспедиций, в том числе и археолого-этнографических, на основе большого объема архивных материалов приводится в статье кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника УИИЯЛ УрО РАН В. С. Чуракова [9]. В ней, помимо информации об организаторах и участниках экспедиций, местах их дислокаций и ходе работы, приводятся также сведения об использовании фонографа в процессе сбора фольклорно-этнографического материала. Но именно этот аспект, также как и ряд других вопросов, касающихся участия К. Герда в упомянутых научных экспедициях, оставляет еще много неясного, а порой и загадочного. В первую очередь, это относится к проведению фонографических записей образцов речи и песенного фольклора с помощью фонографа Эдисона. Из архивных материалов, проанализированных В. С. Чураковым, очевидно, что впервые упоминание о проведении фонографических записей в экспедициях, в которых участвовал Кузубай Герд, связано с Восточно-финской этнографической экспедицией в Карлыганский край Марийской АО летом 1925 года. Затем упоминаются экспедиции 1926, 1927 и 1928 гг. на территории Удмуртской АО, в которых также зафиксировано использование фонографа для записи фольклорных материалов.

И действительно, будучи современно мыслящим и творческим человеком, Кузубай Герд стремился использовать в своей собирательской работе не только традиционные методы сбора материала, но также популярный в те годы фонограф Эдисона, с помощью которого языковой и фольклорный материал фиксировался на восковых валиках (цилиндрах). Можно с уверенностью предположить, что он был одним из первых удмуртских фольклористов, опробовавших в своих экспедициях фонограф. Из материалов отчета самого Кузубая Герда об участии в экспедиции в марте–сентябре 1926 г. известно, что еще до ее начала он специально посетил Казань для знакомства с местным этнографическим

музеем и заодно приобрел там для Удмуртского областного музея несколько необходимых приборов, в том числе и фонограф с 25 валиками [6]. Кроме того, у исследователя был собственный аппарат для записей, и по всей вероятности, фонограф, который хранится в настоящее время в Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда, мог принадлежать именно ему. По данным различных исследователей, за все время работы в экспедициях он записал от 100 до 300 восковых валиков с удмуртскими песнями [4], из которых до нас дошла лишь незначительная часть.

Для того чтобы лучше представлять особенности работы с фонографом Эдисона, который использовал Кузедан Герд в экспедициях, необходимо сделать небольшой экскурс в историю звукозаписи. Всем известно, что аппарат для записи речи – фонограф был изобретен еще в 1877 г. известным американским инженером Томасом Эдисоном (1847–1931). Событие это стало весьма знаменательным, повлиявшим на дальнейшее развитие всей звукозаписывающей техники. В России фонограф появился практически сразу же после начала его массового производства, а первая известная запись датируется 1889 годом [2]. Сейчас трудно себе это представить, но в конце XIX в. в России были тысячи фонографов. Популяризатором и распространителем этого аппарата в России был германский подданный Юлий Блок (1858–1934), предприниматель, этнограф, музыкант и ученый. Будучи личным другом Томаса Эдисона, Ю. Блок представлял его интересы и занимался поставкой звукозаписывающих аппаратов в Россию.

Фонограф Эдисона использовался во многих сферах деятельности человека, но особенно его полюбили музыковеды и этнографы, бравшие этот аппарат в экспедиции. Небольшие размеры и вес, удобство и простота в обслуживании сделали его незаменимым в работе в полевых условиях. Но фонограф имел и свои слабые стороны. В первую очередь это касалось восковых валиков, на которые записывался звук, поскольку воск достаточно мягкий материал, а многократное прослушивание при последующем анализе и расшифровке записанного материала значительно ухудшало его качество. Поэтому многие дошедшие до нас архивные записи на валиках столь низкого качества. Кроме того, для длительного хранения валиков необходимы были особые условия, которые могли создать лишь специальные звуковые хранилища. Постоянные перепады температуры и влажности со временем нарушали целостность воскового валика, а иногда и разрушали его.

В работе с фонографом существовало обязательное правило: по завершении процесса записи внутрь каждого воскового валика помещался вкладыш, на одной стороне которого указывалась необходимая информация, включающая в себя: а) номер записи; б) место записи; в) дата записи; г) тип фонографа и скорость записи, а на другой отмечались названия песен или наигрышей, инструмент(ы), фамилии и инициалы исполнителей, их возраст, а иногда профессия или место работы. Некоторые исследователи в процессе записи в начале или в конце исполнения дополнительно объявляли данные об исполнителе. Таким образом, сведения об информанте, кроме вкладыша, могли быть записаны еще на самом валике. Помимо вкладышей обычно в экспедициях исследователи отдельно вели подробные описи с указанием большого количества данных, которые позволяли

в конечном итоге иметь полную сопроводительную информацию (метаданные) о собираемых звуковых коллекциях.

Часто случалось так, что исследователи, обладая хорошим музыкальным слухом и исполнительским талантом, сами записывали себя на фонограф. Тем самым они оставляли на валиках образцы своего голоса, что имеет сейчас несомненную историческую ценность. Именно так случилось, например, с М. П. Петровым, который в марте 1937 г., находясь в экспедиции по заданию Фонограммархива фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Удмуртской АССР, записал на восковой валик две песни: «Султы, туганэ» («Вставай, мой друг») и «Ой, бусы но шорьёсын» («Ой, среди поля») в собственном исполнении [3]. Благодаря этому событию мы имеем теперь возможность услышать голос великого удмуртского писателя и поэта.

Что касается коллекции валиков Кузубая Герда, обнаруженной в 1980-х гг. в Москве [11] и переданной затем на хранение в Фонограммархив Института русской литературы РАН (ИРЛИ; Пушкинский Дом), то они оказались без описей и вкладышей. По всей вероятности, рукописные материалы, относящиеся к звуковым коллекциям, были конфискованы во время ареста или утераны, оказавшись отдельно от валиков. Еще в конце 1980-х гг. записи с восковых валиков удалось переписать на магнитную ленту, а затем их копии были переданы в УИИЯЛ УрО РАН. Но переписаны были только 36 валиков, поскольку валик под номером 6016 оказался в очень плохом состоянии. В целом из богатейшей коллекции фонографических записей, собранных Кузубаем Гердом во время экспедиций 20-х гг. прошлого века, до нас дошли лишь 37 валиков, на которых записано 59 песен, общее время звучания записей – 65 минут. В Фонограммархиве ИРЛИ его коллекции хранятся под № 240, порядковые номера шифров – 6010–6046.

Копии записей, переданные в Удмуртию на магнитофонных лентах, в процессе реализации проекта ЕАР 347 по переводу в современный цифровой формат фольклорных коллекций института в 2010–2012 гг. были также оцифрованы и размещены в сетевом хранилище этого научного учреждения. Слуховой анализ данных записей показывает, что при включении их в состав коллекций Фонограммархива ИРЛИ номера валикам были присвоены произвольно, без учета времени их записей, поскольку не было никакой сопроводительной документации. Тем не менее можно предположить, что основная часть обнаруженной коллекции восковых валиков К. Герда относится к 1929 году. Об этом иногда прямо говорят голоса самих собирателей, звучащие на валиках. На 12 валиках из 36, помимо исполнения песен, записаны голоса собирателей, объявляющих на удмуртском языке имя и фамилию исполнителя, его возраст, место и дату записи, а иногда и жанр. Причем на четырех валиках (№№ 6014, 6023, 6027 и 6033) звучит очень низкий мужской голос, объявляющий имена исполнителей, место и дату записи: «*Гурезь-Партчи гуртысь Вавож ёросысь, гожтэмын 17 августэ 1929 аре*» («д. Бол. Гурезь-Пудга Вавожского района, записано 17 августа 1929 года»). В тех случаях, когда дата записи отсутствует, а упоминается только «ёрос» (район), это может означать, что запись сделана или в 1929, или 1930 г., поскольку административные районы Удмуртской автономной области стали именоваться «ёросами» только с лета 1929 года [7].

На валиках (№№ 6010, 6015, 6031, 6032, 6042) мужской голос также объявляет данные, но указывает только место и дату записи: «д. *Пазял-Жикья*, 17 августа 1929 года».

На оставшихся валиках (№№ 6038, 6040 и 6041) мужской голос объявляет имена исполнителей и дату записи, но из-за низкого качества звучания место записи не всегда можно определить. Особый интерес представляют валики под номерами 6038 и 6040, в которых упоминается место записи – Можгинский район и г. Можга. Из услышанного на валике 6040 все же можно понять, что исполняется бортничья (пчеловодная) песня, а после исполнения мужской голос объявляет следующее: «*Кырзас Евстафьев Дмитрий... Малмыжский уезд, 23 июля 1921 г., город Можга...*». И если данный валик действительно был записан Кузебаем Гердом, это может означать, что он имел навыки работы с фонографом уже в 1921 году, а не позже, как это можно понять из сохранившихся архивных документов [8].

После получения копий записей Кузебая Герда из Фонограммархива ИРЛИ в конце 1980-х гг. в среде удмуртской научной интеллигенции утвердилось мнение, что на одном из валиков имеется запись песни в исполнении самого Кузебая Герда. Тщательный анализ всех исполненных мужскими голосами песен в коллекции восковых валиков показывает, что на валике 6013 действительно есть запись мужского голоса, исполняющего гостевую песню «*Кызы меда лыктйды...*», который мог принадлежать ему. Такое вполне возможно, учитывая любовь Кузебая Герда к народной песне, а также принимая во внимание высказывания современников, которые отмечали его талант к пению. Так, например, его непосредственный наставник Ю. М. Соколов, давая характеристику своему талантливому ученику, писал: «К тому же К. Герд обладает двумя важными для фольклориста качествами: поэтическим даром... помогающим усвоению особенностей народного поэтического творчества, и музыкально-вокальными способностями, дающими ему возможность заниматься сложными вопросами о связях словесного текста и музыкального мотива» [5]. Учитывая все обстоятельства, связанные с записями, можно предположить, что песня на валике № 6013 могла быть исполнена им самим. И все же без документальных подтверждений нельзя категорически этого утверждать.

В ноябре 2011 г. шло празднование 100-летнего юбилея Августы Васильевны Конюховой, известного лингвиста, одного из авторов первых учебников удмуртского языка. Оказалось, что в самом конце 20-х гг. незадолго до ареста Кузебая Герда она встречалась и даже беседовала с ним, поэтому мы обратились к ней с просьбой прослушать голоса с восковых валиков, объявляющих данные об информантах. Перед этим с помощью специальной звуковой программы записи голосов были очищены от шума и треска, усилен сам сигнал, т. е. проведена в определенной степени реставрация записи. Прослушав записи, Августа Васильевна не смогла точно определить, какой же из голосов принадлежит Кузебаю Герду. Впрочем, это и неудивительно: записи на восковых валиках далеки от совершенства, тембр голоса сильно изменен, да и качество записи, как уже отмечалось ранее, очень низкое. Кроме того, прошло уже более 80 лет с той знаменательной встречи с К. Гердом.

Остается только надеяться, что рано или поздно в архивах обнаружатся рукописные материалы и описи коллекций, которые помогут идентифицировать голос удмуртского этнографа и пролить свет на его участие в вышеупомянутых экспедициях. Уникальное звуковое наследие Кузубая Герда необходимо в полном объеме сохранить для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бубрих Д. В. Из результатов работ Удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск, 1992. С. 3–28; Васильева О. И. Удмуртская интеллигенция: формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск, 1999; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984; Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск, 1994; Каракулов Б. И. Лингвистическая экспедиция Д. В. Бубриха к удмуртам и проблема единого удмуртского литературного языка // Пермистика: диалектика и история пермских языков. Сыктывкар, 1992. С. 40–47; Кельмаков В. К. Д. В. Бубрих и удмуртское языкознание: послесловие и примечания к статье «Из результатов работ Удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.» (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск, 1992. С. 29–27; Кузнецов П. К. Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975; Лебедева С. Х. Краткий обзор этнографических коллекций музея: этнографические экспедиции // Музей: история и современность. Ижевск, 2000. С. 57.

2. Горелов А. А., Марченко Ю. И. Отдел народнопоэтического творчества / Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905–2005. СПб., 2005. С. 227–229.

3. Денисов В. Н. К 105-летию удмуртского классика М. П. Петрова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 41–59.

4. Денисов В. Н. Услышим ли мы голос Кузубая Герда? // XV республиканские Гердовские чтения: Трофим Борисов и Кузубай Герд – яркие личности в истории удмуртского народа / Сост. В. М. Ившина. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 46–49.

5. Ермаков Ф. К. Русский академик об удмуртском ученом // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 62.

6. Лебедева С. Х. История одного экспоната // Кузубай Гердлэсь нимзэ буре ваёнэн герзаськем IV лыдзёнъёс (Материалы IV Гердовских чтений «Кузубай Герд и вопросы национального строительства», 14 января 2002 года). Ижевск, 2003. С. 36.

7. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. С. 117–118.

8. Чураков В. С. Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20–30-е годы XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2. С. 106.

9. Чураков В. С. Фольклорно-лингвистические и археолого-этнографические экспедиции, работавшие среди удмуртов в 20–30-е годы XX века (к проблеме вовлечения в научный оборот новых источников по традиционной культуре удмуртов) // Этническая история народов Удмуртии / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции № 2 (19). [Текст]: научно-практический журнал. Ижевск, 2014. С. 54–103.

10. Чуракова Р. А. По следам Кузубая Герда-фольклориста // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 544.

11. Шкляев В. Г. Письма Герда и Герду // Кузубай Герд и удмуртская литература: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 150; Кузнецов Н. С. Из мрака... Ижевск, 1994. С. 67–68.

Поступила в редакцию 15.03.2014

V. N. Denisov

On Kuzebay Gerd's phonographic recordings collected during expeditions on the territory of Udmurtia in 1920th

The article is devoted to Kuzebay Gerd's (K. P. Chainikov) participation in the folklore and linguistic expeditions on the territory of the Udmurt autonomous region in the 1920th. It has been confirmed that during these expeditions the Udmurt ethnographer widely used the phonograph for recordings as it was quite popular among the linguists and folklorists at that time. K. Gerd was among the first Udmurt ethnographers who used such kind of recording equipment during his field researches. Several relevant facts connected with the history of sound recording and usage of phonograph and wax cylinders are provided in the article.

It is quite possible to recognize K. Gerd's voice recorded on several wax cylinders, but there is no metadata confirming that fact as well as his contemporaries who could recognize his voice. Another problem is quite low level of recordings on these wax cylinders. Unfortunately, there are no confirmed Gerd's recordings on gramophone records which could help with his voice recognition. Nevertheless, the possibility of identification of the well-known Udmurt scientist's voice preserved on wax cylinders still exists.

Keywords: folklore and linguistic expeditions, Udmurt songs, performers and informants, history of sound recording, phonograph and wax cylinders, phonogram-archive, voice identification, metadata, preservation of sound collections.

Денисов Виктор Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vicnicden@gmail.com

Denisov Viktor Nikolaevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vicnicden@gmail.com

Л. В. Бусыгина

**СОВРЕМЕННАЯ ИНОЯЗЫЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА КУЗЕБАЯ ГЕРДА***

Сегодня, в условиях, когда в обществе время от времени разгораются острые дискуссии по поводу иноязычной экспансии, в первую очередь следует определить главную цель и первостепенные задачи в деле сохранения и чистоты удмуртского языка. В данной статье на основе анализа заимствованной (русского и тюркского происхождения) лексики Кузебая Герда сделана попытка определить и обосновать задачи современной языковой политики в Удмуртии.

На наш взгляд, проблема перевода иноязычной лексики, огромным потоком проникающей сейчас в удмуртский язык, более актуальна, чем проблема перевода устоявшихся заимствованных терминов. В стремлении перевести устоявшиеся термины мы не замечаем уверенное вхождение новых иноязычных слов в основной состав языка, их лексическое освоение языком. Но более важная проблема сегодня, возможно, даже не в самом языке, а в неумелом владении им. Следовательно, в первую очередь необходимо просто повышать уровень владения родным языком и общую языковую культуру.

Ключевые слова: заимствованная лексика, хронология, этимология, источники, словарь, языковая культура.

Сегодня в мире изменяющихся понятий и стремительно развивающейся терминологии мы переживаем такое время, когда заимствованная лексика буквально наводняет нашу речь (и не только удмуртскую) и средства массовой информации. В обществе время от времени разгораются острые дискуссии по поводу русской языковой экспансии. Конечно, в этой ситуации человек, которому дорог родной язык, не может оставаться равнодушным. Сегодня, на наш взгляд, в первую очередь следует определить главную цель и первостепенные задачи в деле сохранения удмуртского языка. Еще столетие тому назад, когда русский язык только начинал входить в обиход, в жизнь удмуртского народа, известный удмуртский поэт, ученый, общественный деятель Кузебай Герд уже тогда

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00478.

предвидел современную языковую ситуацию, остро переживая за сохранность и обогащение родного языка. Уже тогда он опасался: «Оло, удмурт кыл быроз / Дунне вылысь сэбере» [2. С. 120] (Может, удмуртский язык исчезнет / Потом с лица земли) – и ставил те же вопросы обогащения и чистоты лексического фонда удмуртского языка, что стоят и на данном этапе.

Следует особо подчеркнуть, что именно с именем Кузебая Герда мы сегодня связываем процесс обогащения удмуртского языка в начале XX века за счет иноязычных включений. Ярким примером может служить литературоведческая терминология. Так, период после революции 1905–1907 гг. принято считать временем становления младописьменных литератур, которое характеризуется развитием малых прозаических жанров и особенно поэзии. В это время в удмуртской словесности появляется три новых заимствованных термина (анализ терминологии основан на материалах «Историко-хронологического словаря русских заимствований в удмуртском языке», составляемом в лаборатории лингвистического картографирования Удмуртского госуниверситета; представляем их с указанием источника первой фиксации, частотности использования и сведениями об этимологии слова):

ПОЭТ: (69) 1913 *поэт* ‘поэт’ (Юбил., 19) < р. поэт [греч. ποιētēs].

РАССКАЗ: (8) 1907 *рассказ* ‘рассказ’ (МихПерв., 37) < р. рассказ.

СТИХОТВОРЕНИЕ: (14) 1907 *стихотворения* ‘стихотворение’ (МихПерв., 11) < р. стихотворение.

Важно отметить, что термин *стихотворение* в письменных источниках фиксируется всего 14 раз, а после 1920 г. он практически исчезает и не встречается до 1963 г. Этот факт, несомненно, связан с именем удмуртского поэта, ученого, общественного деятеля Кузебая Герда: созданный им в 1920-ые гг. термин *кылбур* ‘стихотворение’ укоренился не только в удмуртском языке, но и вошел в коми язык в форме *кывбур* [см.: 5. С. 75]. Также и термин *рассказ*, впервые зафиксированный в 1907 г. в «Первой книге для чтения на вотском языке» И. С. Михеева, впоследствии встречается лишь в 1957 г. С 1924 по 1957 г. не отмечено и слово *поэт*. В удмуртской литературоведческой науке прижились термины *верос* (рассказ) и *кылбурчи* (поэт), предложенные Кузебаем Гердом в статьях «Кыл веме» («Языковые помочи», 1924) [4] и «Виль удмурт кылъёс» («Новые удмуртские слова», 1928) [3].

Но далее, если проследить первую фиксацию заимствованных литературных терминов, то большинство из них также встречаются в произведениях Кузебая Герда: в его сборнике стихотворений «Крезьчи» («Гусляр»), брошюре «К. Маркс» (КМ), сборнике песен «Эркын улонлэн кырзанысьсыз» (ЭУК, «Песни свободной жизни») и др., а также в газете «Виль синь» (ВСинь, «Новый взгляд») – впоследствии «Гудыри» (Г, «Гром») и в журнале «Кенеш» (К, «Совет»), на страницах которых активно печатался поэт. Будучи одним из основоположников удмуртской литературы, поэт внес в свое творчество и тем самым в удмуртскую литературу широкий диапазон жанров и методов, стилей и направлений. Освоив традиции и богатство русской и мировой литератур, он впервые ввел такие сложнейшие формы поэзии, как фигурные стихи; такие жанры, как сонет, элегия, романс, ноктюрн, триолет, рондель и др. Он оперировал разнообразными сти-

лирическими приемами, формами строфики, рифмовки, что стало достоянием удмуртской литературоведческой терминологии. Так, жанром *элегия* впервые отмечено удмуртское стихотворение Кузубая Герда «Мон кулй ке» («Если я умру»), *триолет* – «Шундыез кырзаны» («Воспевать солнцу»), *ноктюрн* – «Йнмын жуало кизилиос» («На небе горят звезды»). Изучение динамики вхождения интернациональных терминов в удмуртский язык во многом позволяет увидеть зарождение и развитие удмуртской филологической науки.

Так, судя по русским заимствованиям, этот период в литературе был временем экспериментов, активных творческих поисков. В заимствованиях (см. ниже) отпечатались жанровые и образные искания художников слова, поиски новых средств выразительности, художественного метода изображения действительности – в целом отразилась специфика эпохи и особенности мировосприятия зачинателей удмуртской литературы:

1917:

АВТОР: (180) *автор* ‘автор’ (ВИ 10.04) < р. автор [лат. au(c)tor]

МЕТОД: (7) *метод* ‘метод (обучения в школе)’ (ВИ 2.X) < р. метод [греч. *méthodos* – путь исследования, учение]

ПОЭЗИЯ: (55) *поэзи* ‘поэзия’ (Крезчи, 97) < р. поэзия [греч. *poiēsis*]

1918:

БАСНЯ: (1) *басня* ‘басня’ (ВСинь, 14.05) < р. басня

КОМЕДИЯ: (86) *комедия* ‘комедия’ (Г 23.12) < р. комедия [греч. *kōmōdía*]

ПЕРЕВОДИТЬ КАРИСЬ: (1) *переводить карись* ‘переводчик’ (ВСинь, 6.09) < р. переводчик

ПЕРЕВОДИТЬ КАРЫНЫ: (4) *переводить карыны* ‘переводить’ (ВСинь 25.06) < р. переводить

ПИСАТЕЛЬ: (99) *писатель* ‘писатель’ (Г 26.11; ВСинь 20.07) < р. писатель

ПРИЁМ: (4) *приём* ‘приём’ (ВСинь 2.08) < р. приём

ПРИМЕТА: (15) *примета* ‘примета’, *примет* (ВСинь 20.07) < р. примета

СТИЛЬ: (51) *стиль* ‘стиль’ (Г 26.11) < р. стиль [лат. *stylus*, от греч. *stylos* – грифель для писания; слово это служило также для обозначения способа изложения, склада речи]

1919:

БЫЛИНА: (20) *былина* ‘былина’ (ЮС 4.06) < р. былина

ЛЕГЕНДА: (121) *легенда* ‘легенда’ (Г 15.09) < р. легенда [от лат. *legenda* – то, что должно быть прочитанным]

ЛИТЕРАТУРА: (216) *литература* ‘литература’ (Г 6.11) < р. литература [лат. *litteratura*]

ОБРАЗ: (143) *образ* ‘образ’ (ГСалдат 14.05; Г 11.10) < р. образ

ТЕМА: (119) *тема* ‘тема’ (Г 20.12) < р. тема [греч. *thema* – то, что положено в основу]

ПЕРЕВОДИТЬ КАРОН: (2) *переводить карон* ‘перевод’ (Г 19.10) < р. перевод

1920:

ГИМН: (79) *гимн* ‘гимн’ (ЭУК, 12) < р. гимн [греч. *hýmnos*]

ДЕКЛАМАЦИЯ: (13) *декламация* ‘декламация’ (Г 5.06) < р. декламация [лат. *declamatio*]

ИДЕЯ: (121) *идея* ‘идея’ (КМ, 7) < р. идея [греч. *idéa* – образ, понятие, представление]

КРИТИКА: (105) *критика* ‘критика’ (Г 17.04) < р. критика [от греч. *kritiké* – искусство разбирать, судить]

ЛЕТОПИСЬ: (33) *летопись* ‘летопись’ (Г 5.10) < р. летопись

ЛИТЕРАТОР: (110) *литератор* ‘литератор’ (Г 26.06) < р. литератор [от лат. *litterator* – учитель грамоты]

ОЧЕРК: (156) *очерк* ‘очерк’ (КМ, 5) < р. очерк

ПОЭМА: (136) *поэм* ‘поэма’ (Сюкло 4.10; Г 24.02, 28.04) < р. поэма [греч. *poiēma*]

ПОЭТЕССА: (53) *поэтесса* ‘поэтесса’ (Г 28.04) < р. поэтесса [франц. *poetesse*]

ПРОЗА: (76) *проза* ‘проза’ (Г 17.03) < р. проза [лат. *prosa*]

ПРОИЗВЕДЕНИЕ: (153) *произведение* ‘произведение’ (Сюкло 4.10) < р. произведение

ПЬЕСА: (167) *пьеса* ‘пьеса’ (Г 6.03, 5.06, 11.10) < р. пьеса [франц. *pièce*]

ПЬЕСКА: (34) *пьеска* ‘пьеска’ (Сюкло 20.11; Г 6.03, 28.04, 5.08, 11.10) < р. пьеска

РИФМА: (62) *рифма* ‘рифма’ (Г 17.03) < р. рифма [от греч. *rhythmōs* – соразмерность, согласованность]

СБОРНИК: (93) *сборник* ‘сборник’, *кылбур* ~ ‘сборник стихов’ (МУК, 3) < р. сборник

ЭЛЕГИЯ: (12) *элегия* ‘элегия’ (Г 11.02) < р. элегия [греч. *elegia* от *elegos* – жалобная песня]

1921:

ДЕКЛАМИРОВАТЬ КАРЫНЫ: (16) *декламировать карыны* ‘декламировать’ (Г 2.11) < р. декламировать [от лат. *declamare*]

ЛИТЕРАТУРНОЙ УЖПУМ: (538) *литературной ужпум* ‘литературная проблема’ (Г 14.04) < р. литературная проблема

ПЕРЕНОСНОЙ ЗНАЧЕНИЕ: (13) *переносной значение* ‘переносное значение’ (Г 22.10) < р. переносное значение

РИТМ: (49) *ритм* ‘ритм’ (Сюкло 23.02) < р. ритм [греч. *rhythmōs*]

ТИП: (32) *тип* ‘тип’ (худ. образ, содержащий обобщённые черты какой-л. группы людей) (Дурись 16.09) < р. тип [греч. *typos* – отпечаток, форма, образец]

ТРАГЕДИЯ: (56) *трагедия* ‘трагедия’ (Г 26.10) < р. трагедия [греч. *tragidia*]

ФЕЛЬЕТОН: (51) *фельетон* ‘фельетон’ (Г 30.08) < р. фельетон [франц. *feuilleton*]

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗА: (113) *художественной проза* ‘художественная проза’ (Дурись 16.09) < р. художественная проза

1922:

КРИТИКОВАТЬ КАРЫНЫ: (63) *критиковать карыны* ‘критиковать’ (Г 13.03) < р. критиковать

1923:

ДРАМАТУРГ: (110) *драматург* ‘драматург’ (Г 1.01) < р. драматург

ИДЕАЛ: (58) *идеал* ‘идеал’ (Г 27.02) < р. идеал [франц. *idéal*]

ПОСЛОВИЦА: (92) *пословица* ‘пословица’ (Г 23.11) < р. пословица

РУКОПИСЬ: (58) *рукопись* ‘рукопись’ (Г 4.12) < р. рукопись

СИНОНИМ: (43) *синоним* ‘синоним’ (Г 22.07) < р. синоним [греч. *sinonymos*]

СОНЕТ: (35) *сонет* ‘сонет’ (Г 7.07) < р. сонет [итал. *sonetto*]

ТЕЗИС: (23) *тезис* ‘тезис’ (Г 9.10) < р. тезис [греч. *thesis*]

ТРИОЛЕТ: (16) *триолет* ‘триолет’ (Г 20.01) < р. триолет [франц. triolet, от итал. trio – трое]

1924:

ЗАГАДКА: (26) *загадка* ‘загадка’ (Г 2.02) < р. загадка

ЛЕКСИКОН: (7) *лексикон* ‘лексикон’ (Г 9.03) < р. лексикон [греч. lexikon]

ПИСАТЕЛЬНИЦА: (9) *писательница* ‘писательница’ (Г 16.12) < р. писательница

ПОГОВОРКА: (64) *поговорка* ‘поговорка’ (Г 2.02) < р. поговорка

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ГЕРОЙ: (43) *положительной герой* ‘положительный герой’ (Г 10.02) < р. положительный герой

ПРЕДАНИЕ: (48) *предание* ‘предание’ (Г 8.06) < р. предание

РИТМИКА: (30) *ритмика* ‘ритмика’ (Г 17.07) < р. ритмика

СИНТАКСИС: (33) *синтаксис* ‘синтаксис’ (Г 24.02) < р. синтаксис [греч. syntaxis – построение, порядок]

СОДЕРЖАНИЕ: (23) *содержание* ‘содержание’ (Г 11.03) < р. содержание

ЭПИТЕТ: (32) *эпитет* ‘эпитет’ (Г 21.12) < р. эпитет [греч. epitheton]

ЭПОС: (45) *эпос* ‘эпос’ (ШЗ, 158) < р. эпос [от греч. epos – слово, повествование]

ЮМОР: (50) *юмор* ‘юмор’ (Г 11.03) < р. юмор [англ. humour]

1925:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: (11) *беллетристика* ‘беллетристика’ (Г 13.02) < р. беллетристика [от франц. belles lettres – изящная словесность]

КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯД: (3) *календарной обряд* ‘календарный обряд’ (Г 27.11) < р. календарный обряд

ПИСАНИЕ: (12) *писание* ‘писание’ (Г 17.02) < р. писание

ПОЭТ-САМОУЧКА: (1) *поэт-самоучка* ‘поэт-самоучка’ (Г 31.10) < р. поэт-самоучка

ПСЕВДОНИМ: (61) *псевдоним* ‘псевдоним’ (Г 25.08) < р. псевдоним [от греч. psēdos – ложь, вымысел и ónoma – имя]

СТИШОК: (4) *стишок* ‘стишок’ (Г 13.10) < р. стихок [от греч. stichos – ряд, строка]

1926:

ГИПЕРБОЛА: (24) *гипербола* ‘гипербола’ (Кыл, 37) < р. гипербола [от греч. hyperbolē – преувеличение]

ДАКТИЛЬ: (8) *дактиль* ‘дактиль’ (размер стиха) (Г 10.02) < р. дактиль [греч. dáktulos]

ДИАЛОГ: (72) *диалог* ‘диалог’ (Кыл., 45) < р. диалог [греч. diálogos]

ДИССОНАНС: (4) *диссонанс* ‘диссонанс’ (Кыл., 46) < р. диссонанс [франц. dissonance]

ЗАГОЛОВОК: (25) *заголовок* ‘заголовок’ (Г 2.02; К № 4а, 39) < р. заголовок

ИДЕАЛЬНОЙ ГЕРОЙ: (7) *идеальной герой* ‘идеальный герой’ (Г 31.01) < р. идеальный герой

ИДЕЙНОЙ МИР: (1) *идейной мир* ‘идейный мир (произведения)’ (К № 4а, 39) < р. идейный мир

ИМПРОВИЗАТОР: (4) *импровизатор* ‘импровизатор’ (Кыл, 54) < р. импровизатор

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: (2) *интерпретация* ‘интерпретация’ (Кыл, 57) < р. интерпретация [лат. interpretatio – разъяснение]

ИНТРИГА: (9) *интрига* ‘интрига’ (Кыл, 55) < р. интрига [франц. intrigue]

ИРОНИЯ: (17) *ирония* ‘ирония’ (Кыл, 58) < р. ирония [греч. eirōneía – притворство]

КОМИК: (9) *комик* ‘комик’ (Кыл, 66) < р. комик [греч. *kōmīkós*]

КОММЕНТАРИЙ: (13) *комментарий* ‘комментарий’ (Кыл, 66) < р. комментарий [лат. *commentarius*]

КОНФЛИКТ: (81) *конфликт* ‘конфликт’ (Кыл, 71) < р. конфликт [лат. *conflictus*]

КЫЛБУР РАЗМЕР: (18) *кылбур размер* ‘стихотворный размер’ (К № 4а, 39) < р. стихотворный размер

ЛИРИКА: (62) *лирика* ‘лирика’ (Кыл, 78) < р. лирика [от греч. *lyrikós* – производимый под звуки лиры, чувствительный]

МЕТАМОРФОЗА: (9) *метаморфоза* ‘метаморфоза’ (Кыл, 83) < р. метаморфоза

НАТУРАЛИСТ: (7) *натуралист* ‘натуралист’ (последователь натурализма) (Кыл, 89) < р. натуралист [от лат. *natura* – природа]

НОКТЮРН: (9) *ноктюрн* ‘ноктюрн’ (К № 3–4, 27) < р. р. ноктюрн [франц. *nocturne* – ночной]

ОБРАЩЕНИЕ: (18) *обращение* ‘обращение’ (Г 23.07) < р. обращение

ПОВЕСТЬ: (128) *повесть* ‘повесть’ (Г 19.12) < р. повесть

ПУБЛИЦИСТИКА: (54) *публицистика* ‘публицистика’ (Кыл, 104) < р. публицистика [от лат. *publicus* – общественный]

СТОПА: (17) *стопа* ‘стопа’ (в стихосложении) (К № 4а, 40) < р. стопа

ХРОНИКА: (27) *хроника* ‘хроника’ (К № 4а, 39) < р. хроника [от греч. *chronika* – летопись]

1927:

АГРОПЬЕСА: (1) *агропьеса* ‘агропьеса’ (Г 31.07) < р. агропьеса

ДРАМА: (75) *драма* ‘драма’ (Г 31.10) < р. драма [от греч. *drāma* – действие, сценическое представление]

КУПЛЕТ: (38) *куплет* ‘куплет’ (Г 08.01) < р. куплет [франц. *couplet*]

МЕТАФОРА: (68) *метафора* ‘метафора’ (Г 15.01) < р. метафора [греч. *metaphorá* – перенесение]

ПОДЗАГОЛОВОК: (6) *подзаголовок* ‘подзаголовок’ (Г 10.08) < р. подзаголовок

РИФМОВАТЬ КАРЫНЫ: (12) *рифмовать карыны* ‘рифмовать’ (Г 6.01) < р. рифмовать

СРАВНЕНИЕ: (4) *сравнение* ‘сравнение’ (Г 13.01) < р. сравнение

СЮЖЕТ: (69) *сюжет* ‘сюжет’ (Г 28.04) < р. сюжет [франц. *sujet*]

УТОПИЯ: (13) *утопия* ‘утопия’ (Г 15.01) < р. утопия [искусственное слово, состоящее из греч. отрицания *ou* – не и *topos* – место, букв. «нигде не находящееся»]

ФОЛЬКЛОР: (66) *фольклор* ‘фольклор’ (Г 18.11) < р. фольклор [англ. *folk-lore*]

1928:

АГИТПЬЕСА: (3) *агит-пьеса* ‘агитпьеса’ (Г 16.05) < р. агитпьеса

АМФИБРАХИЙ: (14) *амфибрахий* ‘амфибрахий’ (Г 10.02) < р. амфибрахий [греч. *amphi* – кругом; *brachys* – краткий]

АНАПЕСТ: (18) *анапест* ‘анапест’ (Г 10.02) < р. анапест [греч. *anapaistos* – отражённый назад]

АНЕКДОТ: (65) 1928 *анекдот* ‘анекдот’ (краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой) (Г 6.01) < р. анекдот [греч. *anecdotos* – неизданный]

АНТОЛОГИЯ: (38) *антология* ‘антология’ (К № 15, 18) < р. антология [греч. *antologia* – собрание цветов, цветник]

БЕЛЛЕТРИСТ-ПРОЗАИК: (1) *беллетрист-прозаик* ‘беллетрист-прозаик’ (Г 27.05) < р. беллетрист-прозаик

ЗАГЛАВИЕ: (5) *заглави* ‘заглавие’ (Г 9.09; Г 30.10) < р. заглавие

КРИТИК: (149) *критик* ‘критик’ (Г 21.11; К № 18, 39) < р. критик [от греч. kritikē – суждение]

ЛИРИЗМ: (7) *лиризм* ‘лиризм’ (Г 9.09) < р. лиризм

ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОЦЕСС: (19) *литературной процесс* ‘литературный процесс’ (Г 25.03) < р. литературный процесс

ЛУДОРВАЙЩИНА: (3) *лудорвайщина* ‘лудорвайщина’ (Г 7.11) < р. лудорвайщина

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ: (11) *олицетворение* ‘олицетворение’ (Г 8.02) < р. олицетворение

ПОЭТИКА: (34) *поэтика* ‘поэтика’ (Г 8.02) < р. поэтика [греч. poiētikē]

РОМАН: (87) *роман* ‘роман’ (Г 4.05) < р. роман [франц. roman]

СМЫСЛ: (5) *смысл* ‘смысл’ (Г 14.11) < р. смысл

ТВОРЧЕСТВО: (102) *творчество* ‘творчество’ (Г 25.03) < р. творчество

УСТНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСТВО: (2) *устной поэтической творчество* ‘устное поэтическое творчество’ (Г 18.04) < р. устное поэтическое творчество

ФАБУЛА: (12) *фабула* ‘фабула’ (Г 1.02) < р. фабула [лат. fabula]

ФУТУРИСТ: (5) *футурист* ‘футурист’ (Г 12.05) < р. футурист

ХОРЕЙ: (16) *хорей* ‘хорей’ (Г 10.02) < р. хорей

1929:

БЕГЕНТЫЛОВЩИНА: (5) *бегентыловщина* ‘бегентыловщина’ (Г 15.12) < р. бегентыловщина

БЫТОПИСАТЕЛЬ: (3) *бытописатель* ‘бытописатель’ (Г 3.11) < р. бытописатель

ВОДЕВИЛЬ: (36) *водевиль* ‘водевиль’ (К № 2, 37) < р. водевиль [франц. vaudeville]

ГЕРДОВЩИНА: (25) *гердовщина* ‘гердовщина’ (Г 20.12) < р. гердовщина

ЗАВЯЗКА: (14) *завязка* ‘завязка (в художественном произведении)’ (Г 31.08) < р. завязка

КЛАССИК: (89) *классик* ‘классик’ (К № 10–11, 44) < р. классик [лат. classicus]

КЛИШЕ: (6) *клише* ‘клише’ (Рабселькор, 58) < р. клише [франц. cliché]

КОМИЗМ: (5) *комизм* ‘комизм’ (Г 3.12) < р. комизм

ПИСЛЕГОВЩИНА: *пислеговщина* ‘пислеговщина’ (Г 27.12) < р. пислеговщина

РАЗВЯЗКА: (9) *развязка* ‘развязка’ (Г 31.08) < р. развязка

САТИРА: (41) *сатира* ‘сатира’ (Г 3.12) < р. сатира [лат. satura – смесь; так определялся стихотворный жанр античности, в котором в виде пародий, посланий, памфлетов и т. д. разрабатывалась самая разнообразная тематика]

ФОРМАЛИЗМ: (20) *формализм* ‘формализм’ (Г 27.09) < р. формализм

ФУТУРИЗМ: (8) *футуризм* ‘футуризм’ (Г 5.11) < р. футуризм [от лат. futurum – будущее]

1930:

ЖАНР: (106) *жанр* ‘жанр’ (К № 11, 42) < р. жанр [франц. genre]

КОМПОЗИЦИЯ: (83) *композици* ‘композиция’ (К № 4, 67) < р. композиция [от лат. compositio – составление]

ЛИТМОНТАЖ: (2) *литмонтаж* ‘литмонтаж’ (К № 5–6, 88) < р. литмонтаж

ОБРАЗНОСТЬ: (3) *образность* ‘образность’ (К № 12, 37) < р. образность

ПАРАЛЛЕЛИЗМ: (16) *параллелизм* ‘параллелизм’ (К № 4, 32) < р. параллелизм

ПСИХОЛОГИЗМ: (16) *психологизм* ‘психологизм’ (К № 11, 33) < р. психологизм

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ: (16) *психологической параллелизм* ‘психологический параллелизм’ (К № 11, 32) < р. психологический параллелизм

УТОПИЧЕСКОЙ РОМАН: (6) *утопической роман* ‘утопический роман’ (Г 25.01) < р. утопический роман.

В 1920-е гг. в удмуртском литературоведении, во многом благодаря творческим поискам Кузебая Герда, уже сложился основной терминологический аппарат. Эти термины в известной степени позволяют наблюдать путь развития удмуртской литературной науки: за короткое время (всего 10 лет) происходит практически выравнивание художественного опыта младописьменной удмуртской литературы по отношению к литературам старописьменной традиции, в частности, русской. При этом становление и развитие жанровой системы, поиски методов изображения действительности, несомненно, шли под влиянием русской литературы. И конечно, модернизация, расцвет русской культуры, ее «Серебряный век» не могли не отразиться на удмуртской литературе, о чем можно судить и по литературоведческой терминологии: такие термины, как *течение* и *направление* в письменных источниках фиксируются только в 30-е годы XX столетия, но уже встречаются названия различных модернистских направлений и течений (*футуризм, психологизм, формализм* и др.), стилей, жанров, соответствующих духу времени (*утопия, декламация, гимн* и др.). При этом фиксируются и специфические термины, характерные для удмуртской литературы. Например, под влиянием социально-политических событий возникли идеологические течения, отразившиеся в таких терминах, как *гердовщина, пислеговщина, бегентыловищина, лудорвайщина*. Явления эти появились на удмуртской почве, но названия имеют формы русского языка – образованы от имен собственных с помощью заимствованного суффикса со значением увеличения и единичности.

Таким образом, терминология, являясь наиболее чувствительной к внешним воздействиям частью лексики, отражает все исторические явления, тенденции в обществе, и вероятно, исторически обосновано то, что в период кардинальных политических, социально-экономических, культурных преобразований в жизни общества идет активный процесс заимствования иноязычной лексики. Не случайно в начале XXI в., когда историческая ситуация в известной мере повторяет ситуацию начала XX столетия (смена государственных формаций, идейных, духовных ориентиров и нравственных ценностей и др.), в удмуртском языке также наблюдается большой поток иноязычных вхождений. Если взять, к примеру, только литературоведческую терминологию, в период с 2001 по 2012 г. вошло 229 терминов (ср.: в период с 1920 по 1930 г. было заимствовано 126 терминов, а в 1950–1960 гг., в период оттепели, когда были ослаблены жесткие рамки политической цензуры применительно к художественным произведениям, в удмуртскую литературу вошли лишь 60 новых терминов). Сегодня, как и столетие тому назад, также, с одной стороны, идет активный процесс заимствования иноязычной лексики, а с другой – терминотворчество. Развитие и обогащение словарного состава современного удмуртского языка путем перевода терминологии, несомненно, является на данный момент актуальной, важнейшей задачей удмуртской лингвистики. Но, на наш взгляд, нет необходимости в резком переходе на «искусственный», научный удмуртский

язык, хотя не исключаем использование (или – параллельное использование) отдельных переводных терминов. Как объясняют ситуацию М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов в «Сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков», «во-первых, повседневные контакты и доминирующая роль русского языка в средствах массовой информации, в официально-деловой, научной, учебной, образовательной сферах вызывают приток русских слов и в настоящее время. Во-вторых, рядовые носители языка принимают удмуртские неологизмы без энтузиазма, потому что запоминать их и заменять ими привычные русизмы – это дополнительный труд, создающий неудобство для говорящих. В-третьих, некоторые из предлагаемых новых слов неудачны, громоздки, искусственны, что вызывает отторжение всего нового, даже хорошего, удачного» [6. С. 32–33]. В данном случае проблема перевода иноязычной лексики, огромным потоком входящей *сейчас* в удмуртский язык, более актуальна, чем проблема перевода устоявшихся заимствованных терминов. В стремлении перевести устоявшиеся термины мы не замечаем уверенное вхождение новых иноязычных слов в основной состав языка, их лексическое освоение языком. Например, слова типа *интернет, вконтакте, блог, блогер* и т. п. на данный момент уже прочно входят в удмуртский язык, пишутся кириллицей. Они не вытесняют удмуртские слова, идет естественный процесс вхождения, процесс обогащения удмуртского языка. Но это как раз тот случай, когда следовало бы обогащать словарный фонд языка переводной лексикой и активно внедрять ее в речь, популяризовать ее.

Вместе с тем нельзя забывать, что язык – это в известной мере саморазвивающийся механизм, в котором действуют определенные закономерности. В частности, язык умеет сам в какой-то степени очищаться, избавляться от ненужного. Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, примеры из русского языка, которые пассивно заимствуются удмуртским, свидетельствуют именно о таком его свойстве: например, сегодня в редких случаях как в русском, так и удмуртском языках можно еще услышать такие слова как *сотик, мобильник* и др., часто употреблявшихся в 1990-х годах. Вместо них вернулось использование слова *телефон*, поскольку в настоящее время уже стало более важным подразделять виды сотовых телефонов (ср.: *смартфон, айфон* и др.). То есть ситуация с заимствованиями в наше время тесно связана с языковыми изменениями последних десятилетий, взаимосвязанных с общественными переменами, социальной ситуацией – открытостью современного общества для международных контактов.

Другой вопрос современной удмуртской терминологии: в процессе перевода терминов на удмуртский язык зачастую происходит лишь замена русского слова словом тюркского происхождения, например: *бакель*: *бакель карон* ‘благословение’, *бӧлет* ‘зал’, *конференц-бӧлет* ‘конференц-зал’, *кат* ‘закон, документ, содержащий законы’ и др. Обоснованны ли подобного рода замены? Здесь, вероятно, было бы не безынтересно посмотреть соотношение русских и тюркских заимствований в удмуртском языке, в удмуртских текстах, в частности, в произведениях Кузубая Герда.

Заимствованиям в поэтическом творчестве Кузубая Герда посвящены статьи Р. Ш. Насибуллина «Кузубай Гердлэн поэзияз кыӵе кылӥс тростегес: ӓуч-а,

тюрк-а?» («Каких слов больше в поэзии Кузубая Герда: русских или тюркских?») [7] и статья Л. В. Бусыгиной, А. Т. Байдуллиной, Р. Ш. Насибуллина и Я. Р. Насибуллина «Соотношение русских и тюркских заимствований в произведениях Кузубая Герда» [1]. Наши исследования, представленные в последней статье, основываются на электронном словаре языка Кузубая Герда. Если в словаре примерно 11 000 лексем, 2 500 слов являются заимствованиями, что составляет 22,7 %. Из них русских заимствований – 1 470 слов (58,8 % от числа заимствований), тюркских – 730 (29,2 %), и калек из русского и тюркского языков 300 единиц (13 %). Русских заимствований в творчестве Кузубая Герда в два раза больше, чем тюркских, но их частотность заметно уступает последним (см. диаграммы ниже).

Например, наиболее часто встречающееся русское заимствование *книга* использовано лишь 319 раз. Частота же употребления такого тюркизма, как *калык*, доходит до 856. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что после Октябрьской революции с наступлением новой идеологии появляются новые ценностные ориентиры, поток новых слов, новых понятий. Естественно, что и в творчестве поэта актуализируется новая лексика. Если словарь раннего Герда основывался на словарном составе фольклора, то при обращении к национальной, политической жизни, индустриально-культурной сфере в художественную речь входит соответствующая лексика: *колхоз*, *сельсовет*, *ячейка* ‘партийная ячейка’, *бригадир*, *комсомол*, *пролетар* ‘пролетарский’, *электричество*, *мотор*, *аэроплан* и т. д. Большинство неологизмов нового времени составили русские заимствования. Наиболее часто употребительным явилось новое слово *колхоз*, которое в словаре фиксируется 29 раз. Большое число лексем, употребленных по одному разу, говорит о лексическом богатстве языка писателя и разнообразии, широком аспекте тем и сюжетов его творчества. Кузубай Герд, активный, любознательный человек, не мог не откликаться на события, происходящие в жизни народа и страны. Он жил в бурлящем водовороте, творил, искал, принимал и отвергал новую власть. Реалии новой жизни, стремительно вошедшие и в художественный мир Кузубая Герда, отразили не только авторский стиль, но и пафос, романтический максимализм времени. При этом, включая в тексты русские заимствования, поэт придавал им фонетический облик удмуртского языка, например: *плошиады*, *атакка* ‘атака’, *атмосфер* ‘атмосфера’, *германь кыл* ‘германский язык’ (*германь* < *германский*), *гыроб* ‘гроб’, *син-оптек* ‘оптика’ и др. – или пытался перевести, калькировать их согласно законам удмуртского языка или по типу финно-угорских языков. Умело вкрапленная в художественный контекст, эта лексика хорошо передает авторское отношение к действительности, воспроизводит атмосферу, колорит эпохи и в то же время отражает основные тенденции в формировании удмуртского литературного языка.

В противовес русским заимствованиям, тюркизмы имеют исторически более глубокие корни. Они лексически полностью освоены, так что воспринимаются уже как слова исконного происхождения, поэтому, вероятно, сегодня зачастую русские слова просто заменяются лексикой тюркского происхождения. В связи с этим следует признать, что иноязычная лексика имеет право существовать в языке, если, конечно, она не стесняет свободу развития родного языка, а обо-

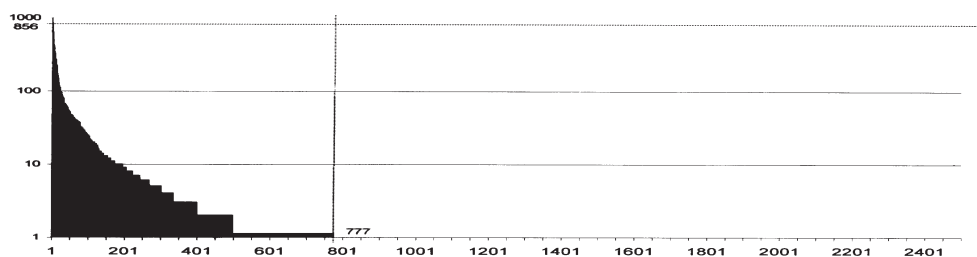
гащает его, вносит в него новые, необходимые средства. Собственно, проблема заимствованных слов существует не только в удмуртском языке. В русском она, кажется, извечна. Вспомним стихи А. С. Пушкина:

Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь. —

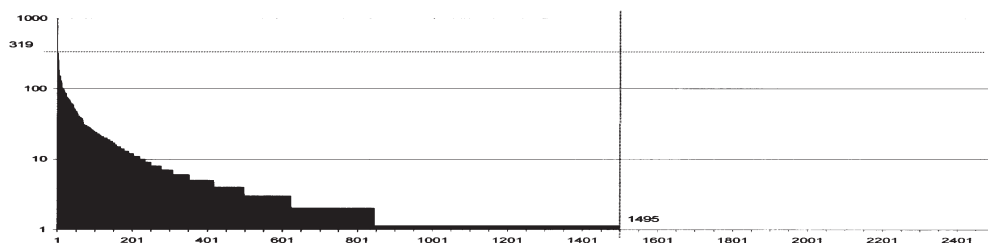
и его принцип «чувства соразмерности и сообразности», о котором поэт писал сам, определяя понятие литературного вкуса. Действительно, чистота языка важна, но, как нам кажется, не следует доходить до пуризма. Вспомним знаменитую фразу адмирала А. С. Шишкова: «Хорошилище грядет по гульбищу из позорища на ристалище в мокроступах и с растопырккой» (Франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах и с зонтиком).

Более важная проблема сегодня, на наш взгляд, возможно, даже не в самом языке, а в неумелом владении им. Следует в первую очередь просто повышать уровень владения родным языком и общую языковую культуру. Как писала относительно русского языка Т. Н. Складерская: «Тревогу должно вызывать не состояние системы языка, а уровень языковых способностей нашего общества — наше массовое косноязычие, производящее впечатление национальной катастрофы» [8. С. 39].

Тюркские заимствования

Русские заимствования

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бусыгина Л. В. Соотношение русских и тюркских заимствований в произведениях Кузубая Герда / Л. В. Бусыгина, А. Т. Байдуллина, Р. Ш. Насибуллин, Я. Р. Насибуллин; Удм. гос. ун-т // Пятая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Тезисы докладов. Ижевск, 2001. Ч. I. С. 80–81.

2. Герд К. Крезьчи: Сборник стихов и поэм / Ижевск: Удкнига, 1922. 225 с.

3. Герд К. Виль удмурт кыльёс // Кенеш. 1928. № 15. 19–21-тй бб.

4. Герд К. Кыл веме. Виль удмурт кыльёсыз кылдытон сярысь // Гудыри. 1924. 23-тй сентябрь.

5. Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество): Монография. Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.

6. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебн. пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2001. С. 32–33.

7. Насибуллин Р. Ш. Кузубай Гердлэн поэзияз кыче кыльёс трогес: ёуч-а, тюрк-а? // Вордскем кыл. 1996. № 3. 73–80-тй бб.

8. Складневская Т. Н. О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5. С. 39–46.

ИСТОЧНИКИ

ВИ = Войнаысь ивор [Вести с фронта]: Газет. Вятка, 1915–1918.

ВСинь = Виль синь: Газет. Елабуга, 1918.

Г = Гудыри: Газет. Елабуга–Ижевск, 1918–1930.

ГСалдат = Горд салдат: Газет. Казань, 1919 (вышло 15 номеров).

Дурись = Егит дурись: Газет. Ижевск, 1921.

К = Кенеш: Журнал. Ижевск, 1926–1930, 1990

КМ = Герд К. Карл Маркс (Солэн улэмез, калыклы ужамез): Брошюра. Сарапул, 1920. 12 б.

Крезьчи = Герд К. Крезьчи. Ижевск: Обл. Управление Госиздата, 1922. 118 б.

Кыл = Евсеев Е. Газет лыдзисьлы кыл валэктон (Словотолкатель: помощь толкателью газеты). Ижевск: Удкнига, 1926. 152 б.

М = Молот: Журнал. Ижевск, 1935–90.

МихПерв. = Михеев И. С. Первая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1907. 174 сл.

МУК = Герд К. Малмыж удмуртьёслэн кырзанъёссы. Сарапул, 1920.

Сюрло = Сюрло: Газет. Елабуга, 1920.

ШЗ = Герд К. Шуныт зор: Книга для чтения. М.: Центриздат, 1924.

ЭУК = Герд К. Эркын улонлэн кырзанъёсыз. Сарапул, 1920.

Юбил. = Быдзым эксэймы Николай Александровичлэн выжыезлэн 300 ар эксэй луйса улэмез: К 300-летию юбилею Дома Романовых. Казань, 1913. 26 б.

ЮС = Югыт сюрес: Газет. Елабуга, 1919.

Поступила в редакцию 21.08.2014

L. V. Busygina

Modern Foreign Expansion Through the Prism of Creativity of Kuzebay Gerd

Today, in conditions when in society from time to time heated debates inflame on an occasion of the language expansion, first of all it is necessary to define a main goal and paramount tasks in preservation and purity of the Udmurt language. In this article, based on an analysis borrowed (Russian and Turkish origin) vocabulary of Kuzebay Gerd attempted to define and justify the challenges of modern language policy in Udmurtia.

In our view, the problem of translation of foreign vocabulary that by enormous flow enters now in the Udmurt language is more relevant than the problem of translation established borrowed terms. In an effort to translate the established terms, we do not see a confident entry of new foreign words in the basic structure of language, lexical development of their language. Perhaps a more important issue today is not even in the language, and its use in the wrong. Priority should be given just to raise their mother tongue and common language culture.

Keywords: loanwords, chronology, etymology, sources, vocabulary, language culture.

Бусыгина Людмила Васильевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: buslw@mail.ru

Busygina Lyudmila Vasilyevna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: buslw@mail.ru

УДК 821.511.131-14

А. Н. Тарасова

ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКАЕЗ

АЗИНТОН УДЫСЫН ГЕРДЛЭН ТЫРШЕМЕЗ

В статье анализируется пейзажная лирика известного удмуртского поэта Кузебая Герда с точки зрения практика – учителя удмуртского языка и литературы. Опираясь на свой многолетний педагогический опыт, используя публикации известных удмуртских литературоведов, автор рассматривает лирические стихи поэта с точки зрения изобразительных средств.

Ключевые слова: Кузебай Герд, рассвет творчества, единение с природой, пейзаж, белая черемуха, липовый цвет, символ березы, образ ивы, родная сторона, мой край родной.

Укно улын чебер льӧмпу,
Чебер льӧмпу някыръяське,
Таӵе дыръя коркан уд пук –
Чебер льӧмпу сяськаяське.

Кузебай Герд

Кузебай Герд – тодмо удмурт писатель, этнограф, фольклорист. Солэн творчествоез тужгес но пыдъяськиз удмурт литература вордскон вакытэ. Кузебай Герд удмурт литературалы азинскон сюрес лёгисьёс пӧлысь одйгез вал, шуыны луоз. Со трос ужал калык творчествоез – фольклорез люканын, удмурт литературной кылэз волятонын.

Адями улэ Музьем вылын. Музьемен, инкуазен гердьёсыз солэн люконтэмесь. Со – инкуазьлэн оглюкетэз. Озы бере, адями инкуазен тупаса улыны кулэ. Вашкалаосмы озы улыны тыршиллям. Гуртын улйсь калык инкуазьлы матын вал. Инкуазьлэсь чеберзэ валан солэн вираз-сюлмаз пыӵамын. Матысь шурезлы, писпуослы, сяськаослы, шаерезлы синмаськемез кылан-бураназ, кырӵанӵёсаз усьтйськемын. Кузебай Герд но кылбурӵёсаз инкуазьлэсь, вордйськем шаермылэсь чеберлыксэ, узырзэ возматэ асьмелы, утыны, валаны ӧте, малы ке шуоно вашкалаосмы ӵогоно писпулы гинэ но, улэп муртлы сямен, вожзэ медам вайы шуыса, вазиськылйзы. Аспӧртэмлыко

луо Кузедбай Гердлэн лирикаяз нимаз-нимаз писпуос но. Кызыпу, финн-угор выжы сямъя, – выль дуннелэн писпуэз. Со герзаськемын инмарен, йылыз инме мертчиськемын, вылье кыстиське, инбамез, музейемез герза.

Вылье жутиськем вож кызыпу Инбамез музейем кадъ герза. Вайёссэ жутыса, со кызыпу Инбамыс мае ке, дыр, утча. Вашкала дырысен ик кызыпуэз нималлям, ньыль ужлэн писпуэз шуыса. Нырысетйез уж – дуннеез югдытон, кыкетйез – сюлэмез буйгатон, куинетйез – чылкытэз утён, ньылетйез – висисьёсты бурмытон. Тани мон но нуналлэн кыче гинэ вакытаз кызыпу вёзы уг вуиськы – жомо-югдоен-а, уйин-а, зор-котэн-а, жобаку-а – тодйско: та писпу вёзысь котьку но кыче ке югыт, чылкыт кужым лыктэ. Та писпу котьку но куашкам мылкыдме жутыны юрттэ. Кузедбай Гердлэн кызыпуосыз улэпесь. Со ёшатэ соосты чебер ныльёсын: соос буртчин дэрем дйяллям, йырсиосазы тасмаос кертйллям, пельёсазы – вож гуры:

Вож писпуос, чебер ныльёс,
Сюрес дуре султйллям...
Гужем шулдыр. Соин соос
Абдрано кадъ вошкиллям.

Вашкала дыръя шуо вылэм: семьяд нылыд-пиед вордскиз ке, мертты тон соку укно улад льёмпу но, аслэсьтыд нылпидэ сямен ик, тон та писпуэз утялты. Нош Кузедбай Герд та льёмпулэсь образзэ нош ик улзйтэ. Пёртэм художественной амалъёс кутэ, льёмпулэсь сясыкаяськон дырзэ возматон понна: *«Небыт төлэн зыгырьяске льёмпу, чебер ныл кадъ со сылэ, укно улын някырьяске, юг-юг сылэ но учке былэ»*.

Герд тулыслэсь вуэмзэ возматэм тодьы, яркыт буёлъёс пыр, угось тодьы – со зечлык, узырлык, сайкыт шумпотон. Озы лирической герой шумпотэ тулыслэн вуэмезлы. Нош тулыс вуэмен, ваньмыз улэе, яратон но доре вуэ!

«Беризь» кылбураз Кузедбай Герд шудэ *жс, з, ш* куараосын.

Беризь шепаське,
Беризь ёаштыртэ...
Зыныз вёлдйське,
Нырез кудзйтэ.

Озы со возматыны тырше муш палэплэсь гужгетэмзэ, ужамзэ. Татын ваньмыз улзйтэмын: беризь но, беризылэн зыныз но, шунды но. «Серекъя», «ворекъя» кылъёс пыр Герд музейем вылысь самой югытсэ, шунытсэ, зечсэ возматыны тырше кадъ.

«Гондырьёс» поэма-выжыкылын паймымон беризь верамын 7 пол. Та 7 лыдпус пумиськылэ калык веранъёсын, выжыкылъёсын, визькылъёсын, лыдъяськонъёсын: «7 пол мерта, одйг пол ванды», «7 пуныен но утчаса уд шедьты». Вераны быгатйськом, Гердлэн та поэма-выжыкылэз матын луэ фольклорной произведенилы.

Кыкылэн силемез. Мае возматэ та образ? Со герзаськемын фольклорен. Калыкын пумиськыло таёе веранъёс: «Кикы силемез нырысьсэ бур палысьтыд яке азыпалысьтыд кылйд ке, шудо луод, нош паллян палысьтыд яке берысьтыд – уродлы. Тй но чаклалэ ай, зэм меда та веранъёс? Кыкылэн

силемезъя асьмеос лыдъяськом арлыдмес, кӧня улон аръясьмес. Автор кыл-
буръясаз уг вера, мар луоз азыпалаз, со асьмеды малпаськыны косэ.

Чебер кырзаны быгатйсь нылэз уйен ёшатылйзы.

Шур съорысь но арамайсь
Їуж уйылы паймем вал.
Уйы чирдэм вылымтэ со,
Тынад куараед вылэм.

Шодйське, уйылэн образэз Кузедбай Гердлэн кылбуръясаз калык веранъ-
ёсысь басятмын шуыса. Уйылэн кырзамез – со шудмылэн шумпотон гуръясыз.

«Сйзыл» нимо кылбурзэ лыдземоя мон шодйсько, К. Гердлэн яратоно
дырыз гужем вылэм шуыса, малы ке шуоно со сйзыллы тазы вазиське:

Марлы туж вазь тон лыктйд?
Чебер, шулдыр гужемез тон
Марлы туж вазь кышкатйд?

Лирической геройлэн чебер, паймымон возь вылтй ветлэмез, серекъяса
тэльёстй бызылэмез потэ на. Уноез кылбуръясыз сйземын гужем дырлы.
Мынам син азам – гужем вазь ёукна... Котырак чыс-чыс... Лызмыт бус пыртй
чильпыра шунды. Мон но туж яратйсько инкуазьлэсь сайкамзэ эскерыны. Ёем
дыръя, вазь ёукна султыса, семьяеным ёош турнаны ветлйськом. Куаёак ван-
ске турын, чурен-чурен выдэ, возь был но кырза кадъ жин-жин сётэм куараен.
Нош омырын – турын зын... Гужем Ёукналэсь сайкамзэ, улземзэ возьматон
понна кыёе чебересь, яркытэсь образной кыльёс шедьто асьме поэтъясьмы.
Кузедбай Герд но ас сяменыз возьматэ та дырез: «*Султйз ёукна... Сяськаосыз
лысвуэн пазяз... Шудйсь тӧл сайказ, шудыса шашъясьсыз някыръя...*»

Ёег йыръяс – со улэп адямиос. Соос виль гуръяс кылдыто, экто но, ваче
йыр шуккисько но. Чебересь кыльёсын сипыр-р сипырто, верасько. Ж, р но з
куараосын шудыса, гужемлэсь шулдыр дырзэ, ёеглэсь вуэмзэ возьматыны
тыршем Герд. Адями шумпотэ ёеглэн вуэмезлы. Жинграк! жингырто ёег
йыръяс. Йырзэс каллен лэйкатыса, кутско кылдытыны виль гуръяс!

Бусы – бадйым будйым крезь,
Їуж ёег – зарни сиосыз.
Тӧл – со крезьлэн шудйсьсез,
Ёеген шудо сиосыз.

Лыдйиськод но кылйськод кадъ крезь куараез. Кӧня з но ё куараос
жингырто отын. Макем чебер йӧскалык (национальной) суред шедьтэмын
тулкымъяськись бусылы. Лыдэ басятэм автор удмуртъяслэсь яратоно музы-
кальной инструментэс но – крезез. Мынам малпамея, поэтлэн та кылбурез
удалтэм. Сое лыдйиськод но, син шоры соку ик пуксе нюлэсо удмурт шаер,
тулкымъяськись ю-нянь, шулдыр тюрагай гур. Нош тани мар гожтэ А. Шкля-
ев Гердлэн «Сяськаськись льӧмпу» кылбурез сярысь: «Нош кыёе лэйкась
гур кылдытэ Л согласной, някыръяськись льӧмпуз суредаку:

Солэн вылаз оло лымы
Уй котырты усем, лэся,

Оло лымы, оло мамык
Улвай вылаз пуксем, лэся» [1].

Лыдзиськод тае но тодэ вайиськод Н. Некрасовлэсь «Зелёный шум» кылбурзэ: сыће ик чебер, сыће ик паймымон лэсьтэмын.

Удмурт фольклорын чем пумиськыло кызыпулэн но бадьпулэн образьёсы. Удмуртьёслэн со яратон писпуоссы. Соослэн образьёссы олицетворить каремын. Та образьёс соин ик, дыр, чем пумисько Гердлэн кылбурьёсаз но. Тани басьтом «Гужем жыт» кылбурзэ. Кузедбай Герд гожтэ:

Гурезь улын, ярдурын,
Бадьпуос чалмытскизы;
Пересь, губрес лулпуос
Куашетэмысь дугдйзы...
...Изись муртьёс, коркаос
Чебер вотьёс адзыло;
Азвесь толэзь, бадьпу
Выжыкыльёс верало...

Зэм, та кылбурез кылзйськод но, выжыкыл дуннее вуиськод кадь.

Син шоры соку ик пуксе толэзе пеймыт уй, чал-чал удмурт гурт, нырульсь писпуос. Инкуазь шыпыт. Пукись шунды тылсиос зарниен чёшатэмын. Төл уг шуды, уг төла, шурали гинэ кесяське. Шуралилэн шуламез көшкемыт. Солы ваче пумит пуктэмын калык творчествоын но поэтлэн кылбурьёсаз тюрагайлэн шулдыр, сюлэмез вырзйтись гурез.

Чебересь эпитетёс, повторёс кутыса, усто пөрмем Гердлэн «Толэзь» кылбурез но. Учке али, кыће чебер чёшатоньёс шедьтэ поэт кылбурзэ гожтыкуз, куксе со возматэ пилем сёрысь потэм толэзез:

Дйсез тōды
Тушез азвесь,
Киыз небыт,
Синмыз – лыз весь,
Чиля, жуа –
Чильк-вальк адске,
Юг-юг уя,
Вогырьяське.

Унояз кылбурьёсаз кылбурчи данъя ас вордскем пальёссэ. Тани «Лыз сяськаос» кылбурез возматэ, кызы лирической герой ас вордскем интыюсысьтыз палэнэ кошке, Москвае, но со ас пальёсысьтыз ваем чагыр сяськаосты дуно арбериез кадь возе. Соос вылэ пуксемян ни тузон, соос ик кемалась куасьмемын ини. Уго озыи ке но лирической герой соосын данъяське. Со шуэ:

Азвесь-зарниен но мон соосыз
Уг вуза, уг вошты... уг!
Туж яратон эшелы курыкуз
Уг кузьма, уг сёты... Уг!..

Со сясъкаос сюрс иськемысь ваемян, шепаськись зарни жег пӧлысь – удмурт бусыосысь, шунды жужаку октэмын соос. Соос тодэ вайыто лирической геройлы ас вордскем интыоссэ, отысь шулдыр инкуазез.

Чебер луэ Гердлэн «Нош ик тулыс» кылбурез. Отын автор возматэ, кызы, тулыс вуэмен, ырзӧ шурӕс, чебересь нылмуртъёс сямен, пальпото нюлэсьёс, Кам шурлэн вуосыз чупасько тӧл шорын някыръяськись камышьёсын. Гердлэн пейзажной лирикаяз чӑмгес пумисько таӑе интыосыз: нюлэс, пруд, садъёс. 1926-тӧй арын Кузедбай Герд гожтӧз таӑе пейзажной кылбур:

Инмын жуало кизилиос
Жуало... Ворекъяло...
Толэзен лушкем верасько соос,
Верасько... Дырекъяло...
Уг кылы толэзь вераськемзэс,
Учке. Азвесь кадъ пиштэ.
Уг вала, уг тод кылбуръёссэс –
Пилем сӧрысь серектэ.

Изись сясъкаосыз чупалля.
Туж лушкем корка пыре.
Возьдаськись пипуэз жыгыръя.
Чильк-вальк выдылэ шуре.

Кылбурын толэзь чылкак ерпечка пинал кадъ суредамын. Кизилиос но адямиос кадесь: кизилиос «верасько», «дырекъяло». Толэзь «уг кылы», «учке», «чупалля», «корка пыре», «возьдаськись пипуэз жыгыръя», «выдылэ шуре». Соин ик толэзылэн но кизилиослэн кусыпсы, отношенииоссы сярис тодэ вайиском, малпаском. Поэтлэсь пейзажной кылбуръёссэ лыдзискод но, соку ик син азе пуксе асьме палась чебер но узыр инкуазь. Та ласянь пусйымон луэ «Гужем жыт» кылбур, кудаз куазь умой суредамын аран дурысь калык бертэм бере. Инкуазьлэн улӧмез синмаськымон возматэмын «Зор бере» кылбурын. Татын кылбурчи шедьтэм туж яркытэсь кыл амалъёс. Тани нырысь чуръёсиз ик Герд гожтэ:

Гудыри чалмытскиз, шунды потӧз –
Со шоры шумпотыса бусы серектӧз:
Нуныаськыса изӧ бусыос, ю-няньёс,
Ваче чупасько чебересь сясъкаос.

Мон сямен, поэт туж быгатыса кутэм яркытэсь метафораосты. Соин ик кылбур туж поэтичной, сюлме пычамон пӧрмем. Оглом вераса, Герд зӧмос художник кадъ суреданы быгатэ кылбуръёсиз Кам дурысь нюлэсо шаерлэсь чеберзэ, шулдырзэ. Та темалы сӧзем кылбуръёссэ поэтлэсь лыдзискод но, ачид вуылӧськод кадъ со интыосы, ас интыостэ ваньзэ адзискод кадъ, ас киосыныд маялласкод кадъ солэсь чеберзэ. Син азе пуксе соку ик улӧп суред, нош сюлэмын кырзаны кутске тюрагай.

Озыы тӧни адями, инкуазьлэн люкетэз луыса, солэсь кужымзэ басьтэ. Шундылэсь – шунытэс, нюлэслэсь – кужымзэ, луд-возьлэсь – чеберзэ, ошмес-

лэсь – чылкытсэ. К. Герд инкуазьлы сйзем кылбурьёсаз юан пуктэ кадь, мар сётыны быгатэ адями инкуазьлы? Нош валэктон сётыны таё чурьёсын луоз:

Инкуазь улоз адямитэк,
Адями уз быгат инкуазьтэк.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шкляев А. Г.* Вакыт пыр потыса // «Гажан эше!». Ижевск, 1978. 15–16-тй бб.

Поступила в редакцию 7.08.2014

A. N. Tarasova

Creativity of Gerd in Promoting Landscape Lyrics

The article analyzes the landscape lyrics of the Udmurt poet Kuzebay Gerd. Based on many years' teaching experience, using the publications of well-known Udmurt literary critics, the author examines lyrical poems of the poet from the point of view of figurative means.

Keywords: Kuzebay Gerd, dawn of creativity, unity with nature, landscape, white cherry, lime-blossom, a symbol of birch, an image of a willow, native land.

Тарасова Алевтина Ивановна,

преподаватель удмуртского языка и литературы,

Мукшинская средняя школа Як.-Бодьинского р-на УР

427102, УР, Якшур Бодьинский район, д. Мукши, ул. Советская, 9

Email: mukshi-shkola@yandex.ru

Tarasova Alevtina Ivanovna,

Teacher of the Udmurt language and literature,

Mukshi secondary school of Yakshur-Bodyinsky Region of the Udmurt Republic

427102, Udmurt Republic, Yakshur-Bodyinsky Region,

the village of Mukshi, Sovetskaya St., 9

Email: mukshi-shkola@yandex.ru

УДК 391(=511.131)

Т. Н. Москвина

УЧКЕ АЛИ ДЭРЕММЕ!

(Магия удмуртского народного костюма)

В работе анализируется удмуртский женский народный костюм: формы и значение каждой детали, цветовая гамма северного и южного вариантов одежды, специфика кроя, проблемы и мотивы современного костюма.

Ключевые слова: женское платье (дэрем), айшон (головной убор), Кузедбай Герд, пестрые лоскутки (пужыё юдэс), реставрация, узор (пужы), современное удмуртское платье (туала удмурт дэрем).

... Кинлэн кыиз абдрано кадъ пужыятйз та айшонэз,
Кин, уин изьтэк, жытэн-чукен бырттылиз
та ворекаясь азвесь коньдонэз?..
Бия кен, ма ку сыче чебер айшон лэсьтйд?
Ой, пужыез, тугез! Синэз басьтйсь,
Нош буртчинэз! Таё ик эркия киез!..

Кузедбай Герд

Мынам улонам озьы луиз: ог 30 ар талэсь азьло, Тусьет устолыкъясь музейын реставратор луыса ужаны кутскем берам, басьтйськоно луи сюлык кышет тупатон борды. Алнаш палась вуттэм сюлыкмылэсь пужызэ интыен-интыен шыр корам вылэм. Пужыятэмез но интыен ышемын ке но, бервылыз тодмо, адзйське на. Синмаськымон но туж тунсыко экспонат – мылысь-кыдысь басьтйськи уж борды. Со вакытэ ик «Кенеш» журналысь лыдзыны шедьтй Кузедбай Гердлэсь «Айшон» кылбурзэ. Пушме ик бугыртйз Жагалэн улэмез, ужам ужез. Соку пайми но мур малпаськонэ вуи: кытысь меда Кузедбай Герд воргорон йырыныз сомында тодэ-вала, кызы кылдэ Айшон? Кызы со сокем быгатыса суред-возматэ солэсь чеберлыксэ, секытэн лэсьтонзэ-вуронзэ? Удмурт кышномуртлэн дйськутэз пöлысь йыраз нуллон арбериез, мон сямен, тужгес но выль но сйё-дано луэ. Гердлэн «Айшон» кылбурез та малпанме эшшо но юнматйз на.

Озьы лыдзйськыса, пумен калыклэсь юалляськыса-вераськыса, удмурт дйсьлэн пушказ-лулаз пырыны мылкыды пурумиз. Соку валаны кутски: вашка-

лаосмылэн дйськутазы одйг кесэгэз но, одйг вурисэз но, одйг сйньысэз но юнме шорысь вуремын өвөл. Тйни озьы эшгъяськоно луиз сйньысэн-венен. Пумен ужа-мея, мургес вашкала удмурт дйсь дуннее выемя ялан юаньёс кылдыны өдъязы: малы дэремлэн сёзулаз горд лента вёзын векчи гордэн пужыятэмын? Малы калык кырза: «Сьöd дэреме жаль уг поты, жаль солэн вож лентаез»? Малы меда дэрем луэ кечато, нош кышъетэз печато? Малы кулэ айшет, кускерттон – дэрем ас понназ но чебер но туж учкымон ини ук.

Ужрадам пыдло пыремъя, Гожня но Бигра дорпальёсме адзыса (татын котьку яратыса удмурт дйсь нулло), ачим кутски дйськут вурон но кылдытон борды. Зэмзэ ке верано, туалa вакытэ капчи но туж умой вуриськыны: жечлыкезъя но, пужыезъя но котькыче турлы басма бырийны луоно – кут, кулэезъя ванды но вур! Но дйсь лэсьтонлэн-вуронлэн пуштросэз кучым-качым карон но вурон бордын гинэ вылымтэ. Тодыны кулэ, кытысь мар потэ. Соку ик син азе пуксё вашкала дэремъёс: соослэн буёлъёссы, пужыоссы, туссыя аспöртэмлыксы, чеберзы но лулзы. Тани куиськон курлэн пасьталаез чакламын вылэм мугорлэн зöкталаезъя. Со ик сётэ дйсь лэсьтонлы азинскон. Куэм кесэгэз жöк вылаз поныса, дэрем пöръяны (кылдытыны) пуксён азяз кышномурт гажаса тодаз вае, кыче мылкыдын, кыче секытэн гыремын бусы, киземын етйн, утялтэмын, сэтэмын, черсэмын, куэмын, гужатэмын, люкмесэ веттылэмын, вöсяськемын, Инмарлэсь, Инкуазьлэсь куремын! Ваньзэ сое со ачиз лэсьтйз-дасяз бере, кйыз пыроз-а солэн кесэгез валатэк, кичым-качым юдылыны?

Нырысь-валысь учкыса, туж огшоры гинэ кадъ – капчи но ваньмыз валамон. Озьы ке но татын выльысь юан выльысь юан вордйське. Малы кунулэ мукет пужыё юдэсьёс лякемын? Малы ворсамтэ гадез (бирды-а öй вал?) мукет, яркытгес арбериен ворсамын? Юаса-вераса, уно эскерыса-малпаськыса тодй: озьы кышномуртъёс асьсэды утизы веднамлэсь, кырыж учкемлэсь. Туала сямен ке валэктоно – утялтйзы гурулзэс, али шуысалмы щитовидкаез, гогызэс, пинал вордон но ваён котырзэс, йырзэс, пельзэс, лимфоузельёсыз. Кылдэм вуриссэс чебермало пужыятыса сыче мылкыдын: со утись но мед луоз, озьы ик со чебер но мед луоз. Со чебер ке, ярамон мед луоз; со ярамон, кельшись ке, чебер мед луоз. Жучъёс шуо ук: «Что красиво – то целесообразно, что целесообразно – то красиво!»

Адымилэн мугорызнэн вань туж ляб интыосыз. Оло, соин ик туалa вакытэ таё югдурез тодытэк, чаклатэк, куддыръя пöртэм висёнъёсын курадзйськом. Нош валаса, шонер ке дйсьяськысалмы?! Учке ай, нылпи ваёно егитъёс голык көтсэс кыре поттыса ветло. Дэремзы өвөл-а, валамзы сыче-а? Оло, соин но кенъёс роддомысь потыса уг вутто, выльысь больницае суро – я асьсэос, я пиналэнызы! Пумисько сычёосыз но: куро дэрем вурыны, одно ик ёрто: гадьыз, пе, голык мед луоз, саесьёыз вакчиятэмын. Озьы, пе, мон удмурт праздникёсы потало. Кин таё «произведениез» удмурт дэрем шуоз? Таё куремлэн валамез но өвөл, пайдаез но өвөл: дэремлэн санэз но утись кужымез кытчыяз интыямын луоз?

Та пумысен мыным туж кельше Камашева Лиза апайлэн улонысьтыз ас гожтэм учырез: «Анаелэн нырысетй нылпиосыз кулылйллям, вить нунызэ ватэм. Куатетйез вордйськем но, солы Дыдык мусо ним сөтйллям. Соку ик пересьёс анаелы сизьым коркась басма юдэс бичаса, сизьым турлы басмалэсь сизьым сепо дэрем вурыса нуллыны дэмлаллям. Та дэремез дйсьаллямез бере анаелэн эшшо вить пиналыз вордйськем на, одйгез но кулымтэ ни. Та сизьым турлы басмалэсь

дэрэмлы луыса, Кадровтёслэн семьязы йылйз: вить нылтёс но одйг пи вордйськиз, мон соос пöлысь покчиез. Та дэремез семьямы туж утялтыса возизы».

Та выллем ик суред милям Москвин бöлякамы но вань. Каркина апаймылэн куатез вордскем пиналыз кулыны шедиллям. Солы но дэмлаллям тани таёе дэремез вурыны но нуллыны. Камашевалэн гожтэмез сямен ик, та дэрем тупа верамлы: милям но бöрысь вордске Нина Васильевнамы, солы ним поно ДЫДЫК, со кема артёс улэ, солэн сузэрэз нош али но улэп.

Пурга пальтёсын сюан бере выль кенлэсь дэрэмзэ кема бызытэк кылем нылтёс дйсяло вал. Тросэз собере ас шудзэс шедьто. Нош монэ одйгез тодмо эше ёртйз бызыны шуыса выль дэрем вурыны. Дырыз ортчем ныллы вури дэрем – кöня ке вакыт ортчыса, бызытэк кылем эше шудзэ шедьтйз.

Тйни озыы, вашкалаослэн оскемзыя, пичи юдэс но быдэс арбери кадь кужмо луыны быгатэ, со чылкыт мылкыдо ужамын ке. Туала экстрасенсёс шуысалзы «имеет свою энергетику». Соин ик соос утчаськыкузы ышем муртлэсь кыёе ке но юдэс арберизэс куро. Сое чакласа, вашкала дыртьёсы пиналтёслы но дйсь вурылйзы мумы-бубылэсь кылем кесэгысь. Со, валамон ини, небыт но шуныт луэ вал мумы-бубы шунытлэсь. Куд-ог тодос валэктонтьёсты пумитаськом ке но, со воксё куанерлыккен герзаськемын öй вал. Та пыр ик мумы-бубыос улыса-вылыса ас кужымзэс, утёнзэс пиналтёссылы кельто вал.

Нырысетй экспедициосын ик Шаркан ёросысь Табань гуртысь ми шедьтйм туж тунсыко, шер пумиськылйсь пужыен чеберьям дэрэм. Кузёосыз шуизы, та, пе, 1870-тй артьёсы ужам уж. Дыр вуыса, мон сое кутски тупатъяны-выльдыны (реставрировать карыны). Синмаськи та дэрэмлы – утялтй, тупатъяй, выльдй. Аслам но мылкыды жуатскиз сыёе ик дйсь кылдытыны. Нырысь пайми: малы сöзулаз, котырес вандылыса, горд басмалэсь пужыос лякылэмын. Асьмеос бен дышемын ини ук: вашкала удмурт пужыосын ялан геометрической шонер гожтьёсын суред адзйськом. Дэрэмме вурем берам бордаз сöзултйз котырак лякылон понна горд басма дасйй. Горд басмаез вандыны кутскем бере гинэ валай: качы улам «пар вальтёс» вандйськыса пото. Соку ик сюлмаськи, кöня басма быдто та «вальтёсты» вандылыса? Вандэм куштосме жутыса учки но – отын сыёе ик берыктэм (йырчукин) пар вальтёс! Берло мон трос тырши таёе «пар вальтёсын» выль суред лэсьтыны, али но öй шедьты амалзэ – «пар вальтёс» уг пöрмо вандэмысь. Кин меда сыёе «математик» – вуриськись вылэм вашкала Шаркан палан? Амалтэк малпаськонэ вуиськод. Нош та «вал» пужыез луэ-а чылк удмурт пужы шуыса лыдъяны? Озыы ке, ваньмыз-а удмурт пужы устолык тодосчиосын но суредасьёсын пумозяз эскеремын? Мар со ВАЛ удмуртлэн улон-вылоназ, асьмеос жеч тодйськом. Озыы бере, валлэсь кужымзэ, тыршемзэ, адямины юрттэмзэ сй-бур каронэн öвöл меда герзаськемын та удмурт дэрэмлэн сöзулаз «вал» пужыез?

Макем тунсыко, визьмо, кескич, амало мастертёс-усточиос улйллям Шаркан, Дёбес, Якшур-Бöдья улосъёсын, макем соослэн чебересь дэрэмтёссы выйлйлям! Нош туннэ, жальяса верано луэ, сое ум адзйське ни, яке ум тыршиське лулзэ-пушсэ поттыны – сямызъя гинэ дэрэм нерге комокаськом. Со шонер öвöл. Асьмелэн лулчеберетами котьмармы но умой, узыр, визьмо, учкымон но пусйымон, соин ик вашкалаосынымы даурысь дауре утем ваньбурмы-узырлыкмы туннэ нуналэ но рос-прос луыны кулэ вылэм.

Та пумысен мукет югдур лымшор ёросъёсын. Дауръёсын тусбуйзэс өз воштэ Пичи Пурга, Алнаш, Можга, Грах, Кияса ёросъёсысь дйсьёс. Али но вашкала шӧмо дэрем нулло – уг возьдасько, данъясько. Пӧртмаськыны яке кырӟаны сцена вылэ гинэ уг дйсьло.

Ужамея калыкен вераськыса шӧдйсько, тросэз Пурга но лымшор пал дэремез гинэ удмурт дйсь кожало. Пумиськиськом уйпал удмуртъёсын. Дэрем вурыны куро: одно ик Пурга манер мед луоз, шуо. Курыско-вазиськисько чыжы-выжы дэремзэс возматыны. Уг шедьто яке кулэ уг каро асьсэлэсьсэ. Яке, шуом, Яр, Глаз дйсь борды туртто лымшор палан нуллоно чыртывесез ошыны, яке саптало кырыж-мыдлань вурем айшетэн. Костюмлэн тусбуез быре, кужымез ыше, эшшо ик со аслад ӧвӧл ке.

Трос малпаськытйсь ужъёс азыпалан – котырысь но съӧрлось удмуртъёс выль заказъёс сӧто, дйсьлэн пуштросэз воштйське. Али сюлмаськисько: кызы вуроно пиналтёслы но егитёслы, кызы соос шуо – модельной дэремъёс. Одыгзэ мон тодйсько: вуроно сиресэн, стойка воротникен, бирдянэз жип-жип мед луоз, аяз. Туж лякыт выриськом кулэм муртъёсты ватыны дйсь вурыны. Кин шуэ «сяськаё», кин – «шонер ӧвӧл, кулэ суредтэк», кин шуэ «югыт басмалэсь», кин – «пеймыт». Ми ваньзэ чакласьком, тодыны тыршиськом.

Кузедбай Гердлэн кылбуръёсысьтыз мылкыдызъя верано ке: «Мон дэремез вурисько гинэ – нуллозы мукетъёсыз». Кельшоз-а со, гажалозы-а, нуллозы-а – удмурт калык ачиз тодоз ини. Нош тынад улонад одйг но удмурт дэремед ӧвӧл ке, кызы валэктод, тон удмурт шуыса? Кызы верало кырӟаназы тодмо бардъёс-кузпальёс Никитинъёс: «Вы полагаете – это будет носиться? Да, полагаю, и это следует шить!». Шуыны луоз, та кылъёс милям Москвин семьямылэн девиззэ луиз.

Поступила в редакцию 11.09.2014

T. N. Moskvina

Look at my dress! (Magic of the Udmurt folk costume)

The study analyzes the Udmurt women's folk costume: form and meaning of every detail, the colors of the northern and southern variants, the specificity of cut, problems and motives of the modern dress.

Keywords: women's dress (derem), ayshon (head-dress), Kuzebay Gerd, motley scraps (puzhiyo yudes), restoration, figure (puzhy), modern Udmurt dress (tuala Udmurt derem).

Москвина Татьяна Никитична,

реставратор,

Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств

427820, с. Малая Пурга, ул. Набережная, 17

E-mail: rvkir@mail.ru

Moskvina Tatyana Nikitichna,

Restorer,

Udmurt Republican Museum of Fine Arts

427820, Malaya Purga, Naberezhnaya St., 17

E-mail: rvkir@mail.ru

Д. А. Ефремов

ПОСЛЕЛОГИ В УДМУРТСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Лингвисты-удмуртоведы придерживаются мнения, что послелогои удмуртского языка делятся на две группы: серийные, которые представляют собой застывшие падежные формы имен, и несерийные, которые не образуют серий и, соответственно, в лексико-грамматической системе языка стоят изолированно. Типологически совпадающие с серийными послелогоми постпозитивы финского языка, по мнению финских языковедов, могут принимать формы местных падежей. Другие финские послелогои стоят изолированно и не могут изменяться. В результате проведенного исследования, с учетом типологических особенностей финно-угорских языков и индивидуальных черт удмуртского языка, был сделан вывод: составляющие одну «серию» послелогои удмуртского языка не являются отдельными словами, а выступают в качестве грамматических словоформ одной лексемы, т. е. подобные послелогои могут изменяться, принимать падежные, притяжательные и другие аффиксы.

Ключевые слова: удмуртский язык, финский язык, серийные послелогои, склонение постпозитивов, локальные падежи.

Послелогои удмуртского языка, как и во многих других финно-угорских языках России, подразделены на две группы: серийные и несерийные. Постпозитивы, не имеющие своих «серий», являются изолированными, могут нести различные значения, такие как причинно-следственные, временные, сравнительные и т. д.: *Аслэсьтыз пудоэз но муртъёс утялто бере, малы солы нуаллы быдэ фермае ветлонэз?* [7. С. 75]. 'Раз даже за ее скотиной чужие ухаживают, зачем тогда ей каждый день ходить на ферму?' *Монэн йырин озьы луиз* [11. С. 118]. 'Это из-за меня произошло'. *Экзаменьёс со понна секыт ёз потэ* [18. Инв./Е/8: 72]. 'Экзамены ему показались несложными'.

Серийные послелогои в основном обозначают локальные отношения, хотя могут выражать и иные, к примеру, темпоральные значения. Отличительной особенностью данных адпозитивов является то, что они всегда составляют определенную серию, члены которой образованы от одной корневой морфемы посредством маркирования производящей основы различными падежными аф-

фиксами. При этом в качестве деривационных суффиксов выступают форманты, которые в иных случаях всегда являются носителями грамматического значения и выполняют релятивные функции. Подобное явление, по мнению большинства исследователей удмуртского языка [см.: 8. С. 89; 1. С. 587; 13. С. 32–33; 22. С. 1962; и др.], становится возможным, поскольку «послелогои характеризуются «окаменевшей» формой, являющейся по происхождению соответствующей формой склоняемого имени» [4. С. 316]: – *Мынам сюрлое вань! – бубиз азе кариськыса, Дыдык вера* [9. С. 26]. – У меня есть серп! – говорит Дыдык, приблизившись к отцу. *Вордэм нылыд калык азьын ушъяськымон. Визьмо, мусо, ужез яратйсь* [7. С. 14]. ‘Твоя дочь достойна того, чтобы перед людьми хвалиться: умна, мила, работаща’. *Олегов со азьысь чигнаса кошкиз* [6. С. 72]. ‘Олегов от него попятился назад’. *Асьсэ корказы азьтй ортыкуз йырзэ өз но берыкъя, учкытэк кошкиз* [11. С. 112]. ‘Когда проходил перед своим домом, и головы не повернул, прошел не посмотрев’.

Все эти послелогои (*азе* ‘к’, *азьын* ‘перед’, *азьысь* ‘от’, *азьтй* ‘перед’) образованы от существительного *азь* ‘перед, фасад, лицевая сторона’, но тем не менее не являются его словоформами, а каждый из них выступает в качестве самостоятельной лексемы. Они вместе с другими «застывшими» формами (*азьысен* ‘начиная от (с); у’, *азёзь* ‘до’) образуют серию, поскольку «находятся как бы на промежуточной ступени развития между самостоятельными именами и послелогоами» [4. С. 317–318], вследствие чего еще не полностью утратили связь с существительным, от которого образовались, сохранив его семантический оттенок.

В финском языке исследователи выделяют три группы послелогов: неизменяемые, изменяемые и одиночные формы отдельных слов, используемые в функции постпозитива. Первая группа (*ilman* ‘без’, *kanssa* ‘вместе’, *ohi* ‘через, сквозь’ и т. п.) типологически полностью совпадает с несерийными послелогоами удмуртского языка, поскольку идентичность проявляется и на формальном, и на функциональном уровнях – данные служебные слова, выполняя релятивную функцию, не могут иметь грамматических форм, как и большинство иных незначительных частей речи.

Третью группу составляют послелогои, которые, являясь глагольной либо именной словоформой, только в определенном контекстуальном окружении, претерпев процесс конверсии, выступают в качестве адпозитива: *johtuen* ‘из-за’, *mennessä* ‘по истечении, до наступления’ и т. д.: *Kylmästä keväästä johtuen sesongin alku on siirtynyt huhtikuun alkuun* [24. 25.03.2013]*. ‘Из-за холодной весны начало сезона переместилось на начало апреля’.

В удмуртском языке третья группа послелогов не выделяется, но типологически сходные с финскими постпозитивами служебные слова, образованные, к примеру, от глагольных основ, исследователями рассматриваются. В новой грамматике обозначены следующие отвербальные адпозитивы: *вуытозь* ‘до’, *луытозь* ‘до’, *луыса* ‘из-за, вследствие, благодаря’, *шуыса* ‘для, за’ и др. [19. С. 333–334]: *Но тон, пие, со кылылды луыса, олокытчы сюрод* [2. С. 220].

* Все примеры из финского языка использованы с сайта <http://yle.fi/> (здесь и далее приводится дата размещения информации на сайте).

‘А ты, сынок, из-за своего языка попадешь куда не надо’. Со́лы **шуыса** люкай шат мон?.. [11. С. 156] ‘Разве для него я копила [деньги]?..’

Принципиальная разница проявляется при сопоставлении серийных послелогов удмуртского и изменяемых адпозитивов финского языка: согласно мнению удмуртоведов, эта группа постпозитивов не может иметь форм словоизменения; исследователи же финского языка утверждают об обратном и выявляют парадигму склонения (хотя и неполную) этих служебных слов.

Таким образом, послелого финского языка могут принимать формы падежей, обозначающих локальные отношения (максимальное количество словоформ – 6): *edessä* ‘перед’ (инессив), *eteen* ‘до’ (иллатив), *edestä* ‘из’ (элатив), *edellä* ‘перед’ (адессив), *edelle* ‘к’ (аллатив), *edeltä* ‘от’ (аблатив) [21. С. 679]: *Eduskuntatalon edessä on jatkunut pitkään erikoinen mielenilmaus* [24. 23.02.2010]. ‘Перед зданием парламента продолжается уже в течение длительного времени необычная демонстрация’. *Suurimpana odotuksena on pääsy yleisön eteen* [24. 27.01.2012]. ‘Наиболее ожидаемым является выступление перед публикой’.

Некоторые изменяются только по 2–3 падежам, при этом наряду с местными падежами, могут выступать и иные, субъектно-объектные падежи (*luona* ‘у, возле’ (эссив), *luota* ‘от’ (партитив), *luokse* ‘к’ (транслатив)); отдельные постпозитивы имеют только форму одного из падежей: *päin* ‘с; по направлению к’ (интруктив) [21. С. 679]: *Hotellin jouluvieraille riittää aamiainen – muuten syödään sukulaisten luona* [24. 10.12.2012]. ‘Рождественским посетителям гостиниц достаточно завтрака – в иных случаях [они] принимают пищу у родственников’. *Romaani avaa kulttuurin sisältä päin* [24. 30.03.2013]. ‘Роман раскрывает культуру изнутри’.

При этом, следует отметить, подобные послелого не имеют формы именительного падежа [20. С. 28–29]; основа если и присутствует, то только в качестве существительного, и как правило, в составе сложного слова: *takapuoli* ‘задняя часть’.

Наряду с падежными формантами послелого финского языка могут принимать также посессивные аффиксы: *Nyt tämä pelleily minun kanssani loppui* [24. 21.11.2012]. ‘Теперь (этой) игре со мной – конец’. *Puola ja Belgia ovat suosikkeja meidän kanssa* [24. 16.8.2012]. ‘Польша и Бельгия являются фаворитами наряду с нами’. При этом само имя (существительное, местоимение), стоящее перед постпозитивом, может и выпадать: *Haluatko tulla kanssamme tekemään uudenlaista journalismia?* [24. 03.12.2012]. ‘Хочешь вместе с нами сделать нечто новое в журналистике?’

Серийные послелого удмуртского языка, по мнению большинства исследователей, не могут изменяться. Если сравнивать эти так называемые застывшие формы с финскими постпозитивами, проявляется поразительное типологическое сходство – в обоих языках в составе послелогов отчетливо проявляются падежные маркеры: *Сюрес дурын* *töдыы кызьпу*, / *Сое эн кора, атае* [2. С. 62]. ‘У дороги белая береза, / Не руби ее, отец [мой]’. *Ужан дйсьсэс воштыса вулиямтэ, пырак уж дурысь* *лыктйллям* [6. С. 68]. ‘Рабочую одежду не успели еще сменить, прямо с работы пришли’. *Мон одйг пол шур дуре* *валме люктаны васькисько вал* [10. С. 91]. ‘Однажды я спускался к реке напоить своего коня’. *Оло, огмылы тымет дуртй* *ортчоно?* [14. С. 304]. ‘Может, одному из нас стоит пройти вдоль пруда?’ *Тэль дурысен* *сюрес кузя тузон пурзе* [9. С. 39]. ‘[Начиная] от леса по дороге

пыль поднимается'. *Дас вить-кызь минут кустын вуиз ожгарчи бадӟым сюрес дурозь* [18. Инв./D/2: 309]. 'За 15–20 минут дошел солдат до большой дороги'.

Как отмечают удмуртоведы, во всех этих послелогох падежные окончания *-ын* (инессив), *-ысь* (элатив), *-е* (иллатив), *-тій* (пролатив), *-ысен* (эгрессив), *-озь* (терминатив) являются словообразовательными аффиксами; т. е. при образовании подобных лексем грамматическая функция морфемы заменяется деривационной.

По моему мнению, приведенные аффиксы падежей как в сочетании с субстантивными, так и с послеложными основами выполняют одну и ту же функцию – несут реляционное значение и образуют новые грамматические формы слова. Послелог, хотя и относится к служебным частям речи, тем не менее имеет возможность склоняться в удмуртском языке.

Анализируемые постпозитивы существуют только в совокупности грамматических словоформ – у них, как и в финском, отсутствует форма именительного падежа. С. Сааринен, исследуя послеложную систему волжско-финских языков, приходит к выводу, что подобное явление – отсутствие формы номинатива ряда послелогов – присуще всем финно-угорским языкам [23. С. 164]. Выделяющаяся в послеложных формах основа слова внешне совпадает с существительным (ср. *дур-* ↔ *дур* 'край'; *азь-* ↔ *азь* 'перед; передняя часть' и др.), от которого она образовалась. В большинстве случаев такая субстантивная основа уже не используется в языке, а сохранилась только в формах послелога: *пӧлын* 'среди', *пӧлысь* 'из', *пӧлы* 'в' и т. д.

Пространственные послелогои, кроме падежной парадигмы, могут иметь также еще и посессивное склонение; М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов [8. С. 89] в отношении удмуртского отмечают – «послелогои отыменного образования в своей структуре могут иметь притяжательные аффиксы»: *Жӧк вылам шорем няне но чае луиз ке, тырме...* [2. С. 165]. 'Если на моем столе будет кусок хлеба и чай, мне этого достаточно...' *Тй али син азяды пуктыны уд быгатйське, кыӵе сюрес тӱледыз вите отчы* [12. С. 49]. 'Вы сейчас не можете представить себе (букв. перед своими глазами), какая дорога ожидает вас туда'. *Али мон мынйсько пужым ягысь корка доры, солэн кенер вӧаз коть сыло* [2. С. 292]. 'Сейчас я иду к дому в сосновом бору, хоть постою у его забора'. Иной раз имя (местоимение), с которым сочетается послелог, может так же, как и в финском, опускаться: *Мар вераз со сыӵе? – паймыса юаз Герейлэсь вӧаз сылйсь пересь Мартемьян* [15. С. 132]. '– Что он такое сказал? – спросил, удивившись, старый Мартемьян у стоящего рядом Герей'.

Наряду с лично-притяжательными формантами к послелогам могут примыкать и некоторые другие аффиксы, в частности, суффикс множественного числа *-ос* (*-ёс*), компаративный/модеративный – *-гес* (*-гем*) и др.: *Со ӧз выр сзрег миськонэн, / Гулбечез, гидэз сузянэн. / Пукылйз укно дурӱсын, / Бергалляз корка шорӱсын*. [18. УД/2001/023/1: 1503–1506]. 'Она не занималась уборкой дома (букв.: не мыла углы), / Не чистила подполье и хлев. / Сидела у окна, / Крутилась

* Многие другие лингвисты также отмечают эту особенность удмуртских послелогов, но все они приходят к выводу, что в подобных случаях лично-притяжательный суффикс выступает в качестве деривационного, и при маркировании им образуется новая лексема – очередная застывшая форма.

по дому'. Со урно доска съёрын, гур *дорынгес* [2. С. 289]. 'Это окно [находится] за доской, поближе к печке'.

В финском языке также встречаются редкие случаи сочетания послелого с суффиксом сравнительной степени *-mpi*: *Torinolainen Juventus on askeleen lähempänä Italian jalkapallomestaruutta haettuaan sunnuntaina 4-0-vierasvoiton Novarasta* [24. 29.04.2012]. 'Туринский Ювентус стал на шаг ближе к победе в чемпионате Италии по футболу, выиграв в воскресенье Новару со счетом 4-0 в выездном матче'.

Проанализировав послелого удмуртского и финского языков, напрашивается вывод – генеалогическое родство и типологическое сходство этих двух языков в поразительной степени проявляется на уровне адпозитивов. В обоих языках послелого подразделяются на две* идентичные группы: неизменяемые и изменяемые. Группу несклоняемых постпозитивов выделяют как исследователи финского, так и удмуртского языков. По мнению большинства удмуртоведов послелого, входящие в другую группу, не изменяются, а являются «серийными». По результатам нашего исследования становится явным, что подобные постпозитивы удмуртского языка могут иметь грамматические формы. Эта особенность, кроме как финскому и удмуртскому, присуща также и многим другим финно-угорским (марийскому [17], волжско-финским [20], хантыйскому [16. С. 143–145] и др.) языкам, что обусловлено их историческим развитием и агглютинативной сущностью. В целом про финно-угорские языки С. Сааринен пишет, что «хотя послелого чаще всего определяют как неизменяемую часть речи, на практике в финно-угорских языках они довольно часто изменяются, во всяком случае, по нескольким падежам, а выражающие пространственные отношения – часто имеют полную парадигму склонения по локальным падежам» [23. С. 163]. Так называемые «серийные послелого» – это следы советского языкознания, поскольку, к примеру, в начале прошлого века в грамматиках и учебниках удмуртского языка отражено мнение, согласно которому послелого могут изменяться по некоторым падежам [3. С. 58–59], а в грамматиках по финскому языку, изданных в середине XX века в России, отмечено: «послелого и предлоги не склоняются. Большинство из них представляют собой застывшие падежные формы имен, главным образом местных падежей» [5. С. 212].

Таким образом, в удмуртском языке так называемые серийные послелого не являются отдельными лексемами, «окаменелыми формами» существительных, а представляют собой разные падежные формы одной лексемы, которая, хотя и не имеет номинативной формы, тем не менее представлена формами большинства локальных падежей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Инв. – журнал «Инвожо»; УД. – газета «Удмурт дунне».

* В финском и удмуртском языках выделяется третья группа послелогов, но они образуются посредством конверсии только при определенном контекстуальном окружении; соответственно, вне контекста подобные лексемы являются иной частью речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С. 561–591.
2. Валишин Р. Г. Тӧл гурезь: Повесть, веросьёс, дневникысь люкетъёс, статья / Послесловиез А. Зуева-Измайловалэн. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 б.
3. Главатских А. И. Нимберъёс // Удмурт грамматика. Нырисетӥ люкет: Морфология. Шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. 58–59-тӥ б.
4. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит.; Отв. ред. П. Н. Перовщиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
5. Грамматика финского языка: Фонетика и морфология. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 296 с.
6. Данилов Г. Д. Пинал мылкыд – юмал йӧлпыд: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 2005. 148 б.
7. Загребин Е. Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 с.
8. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебн. пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2001. 227 с.
9. Кедр Митрей. Секыт зйбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодӥ ваён. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.
10. Коновалов М. Гаян: Романъёс но веросьёс / Азькылэз Ф. К. Ермаковлэн. Ижевск: Удмуртия, 1990. 385 б.
11. Красильников Г. Д. Вуж юрт: Дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 б.
12. Леонтьев А. Сюрес усьтӥське мынӥсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.
13. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1982. 185 с.
14. Перовщиков Г. К. Шелеп: Повестьёс, верос; Жестокосердие: Повести. Трилогия / Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.
15. Петров М. Вуж Мултан. Ижевск: Удмуртия, 1977. 351 б.
16. Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П. Мансийский язык: Учебное пособие для пед. училищ. Л.: Просвещение, 1984. 2-е изд., перераб. 223 с.
17. Сибатрова С. С. Морфологические особенности послелогов в марийском языке // Марийская филология: межвуз. сб. научн. тр. / Мин-во высш. и ср.-спец. образ. РСФСР. Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1986. С. 102–108.
18. Турку–Ижевск корпус [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hum.utu.fi/opriaineet/volga/ru/materialy/>.
19. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина [и др.]; Росси Федерациясь дышетонъя но тодосъя м-во, ФГБОУ ВПО «Удмурт кун университет», Удмурт кылобур фак., Удмурт кылья но сое дышетон амальёсыя каф. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 406 б.
20. Alhoniemi, Alho. Postpositiorakenteiden synkroniaa ja diakroniaa // Sananjalka. № 30. S. 27–44.
21. Iso suomen kielioppi / Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004. 1698 s.
22. Rédei (Radanovics), Károly. Die Postpositionen im Syrjänischen unter berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai kiadó., 1962. 224 S.
23. Saarinen, Sirkka. Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen // CDIFU. Pars I: Orationes Plenariae. Joshkar-Ola, 2005. S. 161–174.
24. Yle [Электронный ресурс]: URL: <http://yle.fi/>.

D. A. Efremov

Postpositions in Udmurt and Finnish languages

Linguists studying the Udmurt language traditionally divide the postpositions in Udmurt into two main groups according to declination. The postpositions of the first group can be declined in cases as nouns and so form series of postpositions. Respectively, the postpositions of the second group don't form series, i.e. they are undeclinable. According to the Finnish linguistics, the postpositions that are typologically counted in the group of the declinable's, can get the endings of local cases. Other Finnish postpositions do not alter. On the basis of my study on the typological features of different Finno-Ugric languages and some specific features of Udmurt language, I came to the following conclusion. In Udmurt, the postposition forms making up this kind of a series of postpositions, should not be counted as separate, multiple words, but as grammatical forms of a single lexeme. These postpositions are declineable and get case and possessive endings as well as other affixes too.

Keywords: Udmurt language, Finnish language, series of postpositions, declination of postpositions, local cases.

Ефремов Дмитрий Анатольевич,

кандидат филологических наук, доцент,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: dmitjef@mail.ru

Efremov Dmitry Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: dmitjef@mail.ru

УДК 811.511.1

Р. Ш. Насибуллин

**БУЛГАРИЗМЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ РАСПАДА
ОБЩЕПЕРМСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ***

Удмурт калыклэн историез – удмурт кыллэн пушказ.
(История удмуртского народа – в его языке).

Кузебай Герд

Данная статья посвящена вопросам времени распада общепермской языковой общности на основе новой трактовки лингвистических материалов, добытых учеными нескольких поколений, а также самим автором в ходе работы над Лингвистическим атласом Европы и Диалектологическим атласом удмуртского языка, а также в ходе составления «Историко-хронологического словаря русских заимствований в удмуртском языке (на основе письменных источников 1711–2016 гг.)».

Ключевые слова: общепермская языковая общность, критика миграционной теории, языковые контакты, удмуртский язык, коми язык, болгарский язык, татарский язык, русский язык, болгаризмы, татаризмы, русизмы, параллельные русско-татарские заимствования.

Многие ученые, в их числе такие, как В. И. Лыткин, М. Р. Федотов, К. Редэи, А. Рона-Таш, И. В. Тараканов и другие, серьезно занимавшиеся болгарскими заимствованиями в пермских языках, 50–25 лет назад почти слово в слово повторяли выдвинутый Ю. Вихманном [1] еще в начале прошлого столетия постулат, который гласит, что неравномерное распределение болгаризмов в пермских языках связано с локальным разобщением в пространстве отдельных пермских племен, приведшим к распаду общепермской языковой общности [2. С. 24–25; 3. С. 22; 4. С. 281–298; 5. С. 99; 6. С. 33; 7. С. 30; 8. С. 57; 9. С. 200; 10. С. 13].

По их мнению, болгаризмы, являющиеся общими для всех пермских языков (к ним относят около 20 слов), будто бы усвоены в тот период, когда предки коми

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00478.

и удмуртов составляли языковое и территориальное единство, а около двухсот (по М. Р. Федотову – 438 слов) болгаризмов удмуртским языком заимствовано после того, как «к IX–X вв. коми окончательно ушли на север и отделились от удмуртов и болгар» [8. С. 57].

Миграционная теория распада общепермской языковой общности, предложенная в свое время Ю. Вихманном, полностью была воспринята на веру всеми специалистами по пермским языкам, и они по сей день находятся в плену этой теории. Когда в топонимах, отдельных выражениях и сложных терминах коми языка были обнаружены названия теплолюбивых растений, которые теперь на коми земле не произрастают, лингвисты стали утверждать, что данные фитонимы завезены на север коми населением, когда оно переселилось с юга в IX–X вв. Для иллюстрации подобных высказываний приведу строки известного специалиста в области изучения исторической лексики пермских языков Е. С. Гуляева: «В древние времена предки коми жили совместно с предками удмуртов в бассейне реки Камы. В лесных местах на этой территории были распространены орешники, которые, безусловно, имели соответствующее название (*пашкан* или *пашну*). В бассейне рек Вычегды и Печоры, куда позднее переселились наши предки, они не произрастали, именно поэтому в некоторых диалектах коми языка старым словом стали называть новое явление – широко распространенный в этих местах шиповник» [11. С. 135; 12. С. 138]. Перефразируя эти строки, в одной из ранних работ А. Н. Ракин писал: «Предки современных коми-зырян словом *пашкан* некогда обозначали орешник, ср. удм. *пашну* ‘орешник’ (*пу* ‘дерево’), но по их прибытии на свое теперешнее местожительство (современная территория Коми республики), где эти растения не произрастали, старый фитоним был приспособлен к новым условиям, в некоторых диалектах его стали употреблять как название шиповника. Точно так же поступили носители говора села Помоздино со словом *жов* ‘калина’ (удм. *шу* ‘калина’. – Р. Н.). Фитоним *жов* не был предан забвению – теперь обозначает крушину ольхововидную» [13. С. 38].

Однако причина перенесения одного фитонима на другой кроется не в том, что коми сменили место своего проживания с теплым климатом на холодный, а в изменении климата в эпоху так называемого малого ледникового периода, притом северная часть предков коми задолго до конца прошлой эры уже жила в бассейнах рек Мезень, Вычегда и Печора [14. С. 11]. В общепермский период как на названной территории, так и на земле предков удмуртов произрастали многие теплолюбивые деревья, кустарники и травянистые растения. Согласно данным палеоботаники, например, дуб появляется в истоках Печоры во второй половине среднего голоцена, то есть в III–II тыс. до н. э., еще в финно-пермский период, до сложения общепермской общности [9. С. 159]. Орешник является постоянным спутником дуба. Надо полагать, что орешник произрастал на земле предков коми в те далекие времена, и местное население уже тогда называло его словом *пашкан* или близким к нему словом.

С XIV в. н. э. на земле наступает малый ледниковый период, наиболее ярко проявившийся в 1550–1700 гг. В некоторых провинциях Китая после сильных морозов в 1654–1676 гг. почти полностью вымерзли апельсиновые деревья. Оледенение в горах Европы достигло максимума в 1600 г. Вторичный макси-

мум наблюдался около 1820 г. после очень интенсивного похолодания климата в 1812–1817 гг. Этот период характеризовался влажным, холодным летом и холодной зимой [15. С. 26; 16. С. 97–111; 17. С. 7]. Тогда и на Урале климат был очень суровым и холодным. Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1672 г. царь Алексей Михайлович издал указ, узаконивающий фактическое бегство жителей из Мангазеи и их отступление на юго-восток, к центру материка, которое было совершено ими под давлением сильнейших морозов на Севере [15. С. 42–43].

В малый ледниковый период продолжительность вегетативного срока растений сократилась на три недели [14. С. 26], в результате чего вышли из севооборота такие теплолюбивые культуры, как гречиха, просо, чечевица в хозяйствах коми, удмуртских и марийских крестьян. Это обстоятельство привело к забвению названий этих растений у данных народов. Когда установился современный климат, крестьяне снова начали возделывать эти культуры. Их новые названия вместе с семенным материалом ими были взяты у соседних народов – русских и татар, ср. к., удм. сев. *проса* < рус. *просо* ~ удм. южн. *тари*, мар. *тар* < тат. *тары* ‘просо’; к. *гречуга*, удм. сев. *греча*, *гречуга*, *гирча* < рус. *гречиха* ~ удм. южн. *сьёдчабей* (калька: *сьёд* ‘черный’, *чабей* ‘пшеница’), мар. *шемишдан* (калька: *шем* ‘черный’, *шыдан* ‘пшеница’) < тат. *карабодай* (*кара* ‘черный’, *бодай* ‘пшеница’) (букв. ‘черная пшеница’); к. *чечевица*, удм. сев. *кичивичи* < рус. *чечевица* ‘чечевица’ ~ удм. южн. *яснык*, *ясмык*, *яснык кёжы* (*кёжы* ‘горох’), мар. *ясмык*, *ясмык пурса* ‘чечевица’ (*пурса* ‘горох’) ~ тат. *яснык борчагы* ‘чечевица’ (*борчак* ‘горох’).

Сильные морозы малого ледникового периода погубили также и дикорастущие теплолюбивые растения на обширной территории земли. Так, например, граница распространения дуба и орешника теперь проходит с запада на восток через столицу Удмуртии – Ижевск. Между тем многие южные удмурты полагают, что эти деревья растут по всей Удмуртии и даже в далекой Сибири, где бывают и сейчас пятидесятиградусные морозы. В журнале «Молот» (бывший орган союза удмуртских писателей) только за 1967 г. на этой почве допущены две ошибки: в одном из рассказов известного писателя и журналиста В. Садовникова события происходят на севере Удмуртии, в окрестностях Чутыря, и дуб является важным элементом в построении сюжета произведения. А у журналиста Ф. Овчинникова при переводе рассказа эрзянского писателя П. Глухова собиратели кедровых орехов в далекой Сибири превратились в собирателей орехов лещины. Как известно, в центральной Сибири дуб и лещина никогда не росли. А в целом нет сомнения в том, что до наступления малого ледникового периода на коми земле, на Вычегде и в истоках Печоры еще произрастали дуб, орешник, осокорь, калина и клен. Сохранившееся в топонимах *тупу* ‘дуб’ на Вычегде дает основание полагать, что здесь когда-то шумели дубовые рощи. Причем эти топонимы представлены довольно в большом количестве, например, *Тупишор* – название левого притока р. Вычегды в окрестностях д. Туискерос (где *тупи* ~ *тупу* ‘дуб’, ср. удм. *тыпы*, диал. *тыпу* ‘дуб’, *шор* ‘ручей’, удм. *шур* ‘река, речка’); *Тупи-ты* ‘Дубовое озеро’; *Тупи-орд* ‘Дубовая сторона’; *Тупи-туй* ‘Дубовая дорога’ [18. С. 786], *Тупи-яг* ‘Дубовый бор’ *Тупи-йör* ‘Дубовое поле’, *Тупи-кыр-йив* (букв. ‘вершина дубовой горки’) [19. С. 282]. Как известно, деятельность православного миссионера Стефана Пермского происходила

на юго-западе коми земли, в Усть-Выми, в 1379–1396 гг., где еще мог произрастать дуб. На иконе знаменитой «Зырянской Троицы», написанной по его заказу, трижды зафиксировано слово *туну* ‘дуб’, значит, в кон. XIV в. это слово для местного населения было еще хорошо известно. В. И. Лыткин отмечал, что в современном языке коми это слово вышло из употребления в нарицательном значении [20. С. 33, 39, 145]. Граница распространения клена почти совпадает с границей дуба и орешника. Коми-зыряне и коми-пермяки клен называют русским словом *клён*.

На юге Республики Коми, в районах, где когда-то произрастал осокорь, сохранилось его название в многочисленных топонимах [19. С. 280] и в диалектном наименовании тополя; оно там бытует также в составе термина *оржитул* ‘деревянные гвозди, вбиваемые в осиновую колоду при долблении лодки’ (*тул* ‘деревянный гвоздь, клин’) [21. С. 260]. На территории проживания удмуртов климат оказался более благоприятным для произрастания осокоря, и поэтому его удмуртское название *урыжпу* бытует и поныне.

Похолодание климата сказалось также и на жизни животных. Северный олень появился уже в XII в. на юге Удмуртии. Его название, взятое от ханты коми населением, вместе со зверем перекочевало к удмуртам. В XVI–XVII вв., когда часть южных удмуртов переселилась в башкирские земли, эти животные обитали в северо-западной части современного Башкортостана. Наглядным его свидетельством является название речушки *Пужей-шур* (букв. ‘Оленья река’: удм. *пужей* ‘олень’, *шур* ‘река, речка’), которая протекает по земельным угодьям д. Четырман Янаульского р-на Республики Башкортостан. Переход зоонима *пужей* ‘олень’ к удмуртам говорит о существовании лингвистического континуума с коми населением и в XI–XII вв.

Из-за похолодания климата территория обитания ежей и змей переместилась южнее места проживания коми населения. Однако следы обитания этих животных, в частности название змеи, сохранилось в диалектном наименовании пиявки озерной (д. Кырс), а также в топониме *Кыйты* – озеро Кыйты, где *кый* ‘змея’, *ты* ‘озеро’ (д. Нёбдино). [19. С. 272].

В старинных словарях удмуртского языка встречаются названия павлина – *павин* и *тутыгыш* [22. С. 160; 23. С. 33], первое пришло из русского языка, а второе, по-видимому, из болгарского. Реалистическое изображение красочной внешности и грациозной походки павлина в свадебных песнях южных удмуртов могли быть созданы людьми, любовавшимися этой птицей в своем дворе. В пик холодов многие народы кур и молодняк (иногда даже взрослый скот) заносили в дом. Удмурты, например, кур спасали от холодов под нарами. Павлины в средней полосе России безвозвратно исчезли. Они, по-видимому, были завезены в Среднее Поволжье булгарами и не смогли адаптироваться к суровым климатическим условиям. Теперь я иначе смотрю на жизнь русского крестьянина, вынужденного в зимнюю стужу завести скот в жилой дом в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Обратите внимание также на описание страшного холода 1690 г. в романе В. Гюго «Человек, который смеется».

Военную активность и грабительские набеги ненцев на русские и коми селения в конце XVII – начале XVIII в. [24. С. 60] можно объяснить не разложением

у первых родового строя и усилением военной аристократии, как трактует это явление Л. Н. Жеребцов, а вынужденной мерой по обеспечению оленей новыми пастбищами, поскольку традиционные места выпаса животных в этот период на Крайнем Севере уже были не в состоянии обеспечить ягелем и мхом из-за слишком короткого лета, приведшего, возможно, к образованию толстой ледяной корки на поверхности земли.

Перенесение названия калины на шиповник или на крушину ольховидную в некоторых местах проживания коми населения вполне объяснимо с точки зрения лингвистики. В общепермский период за этими кустарниками прочно зафиксированных наименований еще не было, в частности при образовании названия крушины как в коми, так и в удмуртском языках был использован принцип перенесения наименования ранее известного растения на менее известное растение, ср. удм. *сьӧд льӧмпу* 'крушина ольховидная' (букв. 'черная черемуха'), *пуны льӧмпу* 'тж' (букв. 'собачья черемуха'), к. *нюрльӧм* 'тж' (букв. 'болотная черемуха'), *ошсӧтӧр* 'тж' (букв. 'медвежья смородина').

Таким образом, исчезновение названий теплолюбивых растений связано с похолоданием климата в малый ледниковый период, а не переселением коми с южных территорий, где могли еще произрастать эти растения. Однако тут можно задать законный вопрос: если коми переселились с юга, то где же была их прародина, на какой территории? Если они ушли с земель, смежных с северными удмуртами, то там, как я уже указывал, теперь не растут ни дуб, ни орешник, ни осокорь.

Теперь вернемся к подробному рассмотрению версии Ю. Вихманна по поводу неравномерного распределения булгаризмов в отдельных пермских языках и попытаемся выдвинуть и доказать свою точку зрения.

Археологами убедительно показано, что задолго до прихода булгар в Среднее Поволжье пермские племена уже занимали обширные территории: от устья реки Уфа до Мезени [14. С. 11, 15, 23]. После прихода булгар коми-зыряне не уходили на север. В этот период удмурты и коми уже в основном вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и животноводством, частично пополняя продукты питания за счет охоты и рыболовства.

В Среднее Поволжье булгары проникали дважды. Первые булгарские племена – барсилы здесь появились в сер. VII в. и встретились с древними удмуртами на Левобережье Камы, на территории современной Татарии. В это время начинается приток местного населения с Верхнего Прикамья. Усиление притока носителей Ломоватовской культуры из Приуралья во второй половине IX в. приводит к сильной ассимиляции булгарского населения. Но в нач. X в. наблюдается мощный поток булгар из Подонья на эту территорию в результате наступления на них половецких полчищ. Так возникает в нач. X в. Великая Булгария [26].

Без представления конкретной лингвистической ситуации тех времен невозможно объяснить многие явления. Картину контактных зон удмуртов с булгарами и перемещение булгаризмов по территории проживания пермских народов я представляю следующим образом.

Усвоение ранних булгаризмов происходило, надо полагать, сперва левобережными удмуртами, затем эти булгаризмы постепенно перекидывались

к основной группе удмуртов, живущих на правой стороне Камы, и брали курс на север: пройдя через всю территорию проживания удмуртов, они проникли в среду коми населения. Заимствованные слова вместе с реалиями широким фронтом из деревни в деревню, из селища в селище перемещались из уст в уста удмуртов и коми, проделав огромный путь от берегов Нижней Камы до Полярного круга, а позже до берегов Северного Ледовитого океана, притом эти реалии уже производились руками самих пермских народов на базе болгарской технологии и по болгарским образцам. Представим такую картину. Южные удмурты в контактной зоне заметили, что, например, ткацкий станок у болгар более совершенный, чем свой. Южные удмурты осваивают его производство, затем этому делу постепенно обучаются последующие удмурты-соседи, а потом – коми.

Анализ состава лексики, являющейся общей для всех пермских языков, говорит о том, что отношения между булгарами и удмуртами были самыми тесными и дружественными. Только при добрососедских взаимоотношениях могли быть усвоены название частей и деталей ткацкого станка и одежды: у. *кубо*, кп. *коба* 'прялка'; у. *серы*, к. *сюри* 'цевка, шпулька'; у. *сусо*, кп. *суса* 'челнок'; у., к. *кись* 'бёрдо'; у. *тулмет*, к. *тулым* 'прядь в веревке'; сев. у., к. *žep* 'карман' (в северных диалектах коми языка форма *žep* заимствована из русского языка). В принципе о тесных и дружественных отношениях между булгарами и древними удмуртами говорят также землевладельческие термины: у., к. *ша-бала* 'отвал сохи'; у. *сюрло*, к. *чарла* 'серп'; у. *удыс*, к. *адас* 'постать, полоса, которую захватывают жнецы при жатве'; у. *культо*, к. *кольта* 'сноп'; у. *тысь*, к. *тусь* 'зерно'; у. *турто*, кп. *торта* 'приспособление для сучивания зерна (шест с прикрепленной к торцу поперечной дощечкой)'; у. *чумолё* 'копна', к. *чумали* 'суслон'. К остальным ранним болгарским заимствованиям, бытующим во всех пермских языках, относятся следующие слова: у., к. *карта* 'ограда, двор'; у. *кеч* 'коза', к. *кӧч* 'заяц'; у. *куды*, к. *куд* 'корзина, короб, лукошко'; у. *кузё* 'хозяин'; к. *кузь* 'леший'; у. *бам*, к. *бан* 'лицо, щека'; у., к. *кудыри* 'кудрявый, шевелюра'; у. *силь* в слове *сильтӧл*, к. *силь* 'буря, ураган'; у. *усьтыны*, к. *восьтыны* 'открывать'. Эти примеры говорят также и о том, что контакты между удмуртами и булгарами были внутрирегиональными.

Почему же остальные болгаризмы стали достоянием только удмуртского языка, почему они не были усвоены коми языком из удмуртского языка? Если коми не отделились от удмуртов в IX–X вв., и тем самым коми и удмуртский языковой континуум (лингвистическая непрерывность) территориально не был нарушен, то по какой же причине болгарские слова прекратили свое поступательное движение на север? На этот вопрос однозначный и точный, научно достоверный ответ дают исследования, проведенные методом лингвистической географии при составлении Лингвистического атласа Европы и Диалектологического атласа удмуртского языка. Сущность этого ответа заключается в том, что в коми языки не стали проникать остальные болгарские слова по той единственной причине, что с кон. XI – нач. XII в. свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами. С указанного времени потребности коми языка в новых словах для обозначения новых понятий стали удовлетворять русские заимствования – в конечном итоге отпала надобность усваивать болгаризмы, пришедшие вплотную

к коми земле через удмуртов. В результате внутрирегионального контактирования с русскими коми легко и в изобилии стали усваивать слова, которые были привнесены к ним русским населением. Конечно, эти русские заимствования могли быть словами различного происхождения. Сравнительный анализ заимствованной лексики из русского и болгарского языков в коми и удмуртском языках показывает, что лексические вхождения в том и другом языках обозначают одни и те же понятия. Усвоенные коми языком из русского языка такие слова, как 'деньги', *мерин* 'мерин', *зять* 'зять', *недель* 'неделя', *пѹмеч* 'коллективная помощь', *шѹвк* 'шелк', *телега* 'телега', *капуста*, *кочан* 'капуста' и другие – создали прочный заслон для проникновения булгаризмов с аналогичным значением в коми язык, то есть булгаризмы удмуртского языка типа *уксѹ* 'деньги', *улошо* 'мерин', *кырси* 'зять', *арня* 'неделя', *веме* 'коллективная помощь', *буртчин* 'шелк', *уробо* 'телега', *кубыста* 'капуста' стали совершенно ненужными для коми языка, потому что русские слова были полностью усвоены, и стали восприниматься носителями как свои собственные. Таким образом, булгаризмы в коми язык прекратили свое проникновение с кон. XI – нач. XII вв. благодаря удовлетворению своих потребностей за счет русизмов; и наоборот, в силу того что свободные клетки северноудмуртских говоров были заполнены булгаризмами, в язык северных удмуртов продолжительное время не проникали русские слова, хотя русское население стало проникать к северным удмуртам в кон. XII – нач. XIII вв. [27. С. 56; 28. С. 23; 29. С. 3–4; 30. С. 144; 31. С. 7]. Именно этим обстоятельством следует объяснить отсутствие в удмуртском языке русских заимствований с древними признаками, проникших через северноудмуртские говоры. В частности, в него не успели войти древнерусские слова с мягкими *ш'* (*шь*) и *ж'* (*жь*), которые начали отвердевать с XII в. В коми языке *шь* усвоен через *сь*, *жь* – через *зь*, ср. к. *чась* < др.-рус. *чаш'а*, у. *чаща* < рус. *чаша* 'чаша'; к. *сяр* < др.-рус. *ш'ар*, у. *шар* < рус. *шар* 'шар'; к. *лызь* < др.-рус. *лыж'и* 'лыжи'. Если удмуртское *сябась* 'за здоровье!' (возглас при провозглашении тоста) является усвоением русского *шабаш* (< др.-рус. *ш'абаш*) 'разгул пьяного веселья', то это почти единственное древнерусское заимствование с названным признаком. Другие, более поздние изменения, происходившие в русском языке регулярно, отражены в русских заимствованиях удмуртского языка, в частности переход *а* в *э* между мягкими согласными севернорусских говоров после XVI в.: *преник* 'пряник', *печет* 'печать', *опеть* 'опять', *меч* 'мяч'.

К восточному коми населению русские колонисты пришли позже, чем к западной его группе, что давало возможность здесь дольше сохранить свободные клетки для проникновения булгаризмов, поэтому по сравнению с коми-зырянами в коми-пермяцком языке обнаруживаем больше булгаризмов типа *сугонь* 'лук' (растение), *торта* 'приспособление для сгребания зерна на току', *каб* 'колодка, форма', *суса* 'челнок' и некоторые другие.

При лингвогеографическом исследовании иноязычной лексики обнаруживается картина, когда линии встреч параллельных русско-татарских заимствований появляются с левобережья Чепцы. Эти линии отдельных изоглосс постепенно перемещаются на юг. Линии изоглосс более поздних русско-татарских параллельных заимствований встречаются на самом юге Удмуртии. Русские

заимствования, бытующие в языке северных удмуртов, в большинстве случаев имеют свое продолжение в языке коми народов, а тюркизмы южноудмуртских говоров – в языке восточных (реже луговых) марийцев. Чем позднее параллельные русско-тюркские заимствования проникают в удмуртский язык, тем линии их встреч проходят все южнее и южнее. При наложении таких карт на сводную карту эти линии напоминают годичные кольца древесины на ее распиле, что дает возможность провести относительную хронологию проникновения каждой пары по отношению к другим парам. Линии изоглосс на сводной карте помогают определить время проникновения новых слов не только в диалекты удмуртского языка, но и в коми и марийский языки, а также судить о времени появления этих слов в языке непосредственных соседей – болгар, татар и русских, потому что в основной массе эти слова в языках-источниках сами являются заимствованиями из других языков. В Первом выпуске Диалектологического атласа удмуртского (ДАУЯ) мы поместили пробную сводную карту, отражающую линии изоглосс названий шести объектов. По данным этих линий, названия шести объектов в удмуртский язык проникли в следующей последовательности: таракан, огурец, улица, полати, пила, бумага [45. С. 216].

В удмуртском языке насчитываются около 2000 пар русско-тюркских лексических включений. Эта специфическая особенность удмуртского языка имеет огромную ценность не только для изучения исторической лексики языков Урало-Поволжского региона, но и для исследования истории межнациональных отношений.

Многие авторы, в том числе И. В. Тараканов, специально исследовавшие болгарские и татарские заимствования в удмуртском языке, считают, что с падением Великой Булгарии и Казанского ханства удмурты прекратили усвоение болгарских, а затем татарских слов [6. С. 21, 50; 32. С. 11, 16]. Однако с падением этих двух государств соответственно в XIII и XVI вв. удмурты продолжали контакты с их коренным населением: с булгарами – до сер. XVI в., с татарами – по сей день, и естественно, проникновение новых слов в эти периоды не прекращалось.

Исторические документы сер. XIII в. ясно указывают, что в 1236 г. через Волжскую Булгарию прошла вся монголо-татарская армия, завоевав и разгромив ее. Затем монголо-татары хлынули на запад и в 1237–1240 гг. завершили завоевание русских земель. В 1240 г. при возвращении из Польши и Венгрии они снова напали на Волжскую Булгарию. С этими событиями связан уход части болгарского населения на территорию русских земель (владимирский князь Юрий Всеволодович разрешил в 1236 г. булгарам поселиться по поволжским берегам), а также на север – в Прикамье [26]. На Камском Правобережье уже с X–XI вв. имелись поселения булгар. На территории Мамадышского, Рыбнослободского, Пестречинского и Арского районов нынешнего Татарстана археологом Т. И. Останиной в последние годы найдены многочисленные археологические памятники, свидетельствующие об одновременном проживании там булгар (чувашей) и удмуртов вплоть до присоединения Арских земель к Русскому государству, то есть до 1558 г. О продолжительном проживании булгар на землях современных Арского и Мамадышского районов говорят также болгарские эпитафии (надмогильные надписи), датированные 1344, 1349, 1357, 1358, 1361 гг.

[33. С. 138, 145, 147, 149, 153]. Часть удмуртов, испытавших очень сильное булгаро-чувашское влияние, в лице современных бесермян сумела сохранить свой язык и обычаи благодаря переселению на земли северных удмуртов во второй половине XVI в. вместе с небольшой группой чувашей; последние вскоре, по-видимому, были ассимилированы местным северноудмуртским населением и бесермянами. Т. И. Тепляшина, написавшая фундаментальное исследование «Язык бесермян» и представившая в ней богатейший языковой материал по бесермянам, вплотную подошла к определению прародины последних. Однако она сделала неверный вывод о том, что бесермяне – это потомки булгар, усвоившие древнеудмуртский язык после их переселения в бассейн реки Чепцы [34. С. 22]. Д. И. Корепанов и В. К. Кельмаков считают вполне доказуемым, что язык бесермян представляет из себя наречие удмуртского языка, развивавшееся в свое время рядом с южно-удмуртскими говорами под сильным воздействием болгарского языка, и вполне вписывается в систему коми и удмуртского языков [35. С. 113–115].

Поздние булгаризмы, вошедшие в язык арских удмуртов после падения Великой Булгарии, например, такие как: *шумот* «суббота», *йыран* ‘межа’, *сёу* ‘здоровый’, *сёулык* ‘здоровье’, *тулун*: *тулун нылли* ‘сирота’ и другие – уже не нашли себе выхода на общеудмуртскую арену; они стали достоянием в основном шошминского и кукморского диалектов.

Таким образом, удмурты с булгарами и татарами контактировали по восемь веков (соответственно в VII–XVI и XIII–XX вв.).

Причина распада общепермской языковой общности, на мой взгляд, кроется не в локальном разобщении пермских племен в результате ухода коми на север или удмуртов на юг, а в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода, длившегося около двух с половиной тысячелетия, возможно, даже более продолжительное время.

Из всех наук, изучающих проблемы этнической истории, наиболее надежные сведения дает диалектология, особенно изучение диалектов методом лингвистической географии. В этом отношении диалекты пермских языков не составляют исключения. Даже на данном этапе изученности материалы пермской диалектологии воссоздают довольно ясную картину того, как протекал процесс распада общепермской языковой общности: «В южных диалектах коми языка обнаруживаются некоторые удмуртизмы; наоборот, в северных диалектах удмуртского языка обнаруживаются некоторые явления, имеющие параллели в коми языке» [40. С. 32]. По мере продвижения на юг удмуртский язык приобретает собственно удмуртские черты. Диалекты общепермского языка-основы простирались на территории огромной протяженности. Родственные карельский, вепсский, мансийский и другие языки, окружавшие его северные говоры, выступали в роли консерванта, поэтому коми язык сохранил больше архаичных черт. Южные говоры общепермского языка-основы постоянно соприкасались с языками других систем. В этом отношении благотворными были контакты пермян с ираноязычными племенами, сменявшими друг друга и оказавшими сильное влияние на материальную и духовную жизнь пермских племен. Из иранцев особенно заметное влияние на пермян оказали алано-сарматские

племена. В диалектах пермских языков насчитывается более ста лексических иранизмов, отражающих крупные перемены в жизни пермских племен. Большинство иранизмов относится к земледелию, скотоводству, металлургии, торговле и общественной жизни. Формирование такой части речи, как имя числительное, завершилось нумеративами иранского происхождения. Индоиранский тип мышления, по-видимому, привел к слиянию творительного и совместного падежей в одном – творительном падеже (коми язык сохранил оба эти падежа), созданию новой формы настоящего времени из-за потребности формы будущего времени, повлекшего за собой ряд перестроек в области личного окончания глаголов и притяжательных суффиксов имен существительных и т. д. в удмуртском языке. Все эти крупные новообразования, появившиеся в функционально активной части языка, первоначально складывались среди тех пермян, которые жили по левым притокам Нижней Камы (Уфа, Бирь, Быстрый Танып, Буй, Ик, Зай и т. д.), в относительной изоляции от остальных соплеменников, затем эти новообразования распространились и на другие говоры южных пермян, придав их языку облик удмуртского языка.

Известный исследователь пермских языков К. Редзи предлагает этноним *удмурт* истолковать как «луговой человек», исходя из того, что *уд* в удмуртском языке означает ‘всходы, росток, рассада’, *уданы* ‘прорасти, всходить’, *мурт* ‘человек’ (слово *мурт* иранского происхождения). По его мнению, одно из племен удмуртов должно было носить название, связанное с понятием «луговые люди», ср. *луговые марийцы*, *горные марийцы* [41. С. 102–104]. В дальнейшем другие авторы, занимавшиеся этнической историей удмуртов, к луговым людям стали относить южных удмуртов, живущих ныне на Камском Правобережье. При конкретной локализации их мнения стали расходиться. Так, например, Т. И. Тепляшина удские племена помещает на камском правобережье, на территории Татарстана и юге Удмуртии [5. С. 101], а В. Е. Владыкин и Л. С. Христолюбова для них облюбовали место на левых луговых берегах Вятки [42. С. 3]. Если этноним *удмурт* действительно имеет отношение к понятию ‘луговой человек’, ‘луговые люди’, то данное название должно было носить удмуртское племя, которое жило на камском левобережье (от устья Белой до устья Камы), на его обширных низинных плодородных лугах. И на самом деле все нововведения как в области языка, так и в области материальной и духовной культуры у удмуртов в течение многих веков исходили от левобережных пермян, древних удмуртов, контактировавших с иранскими, а позже болгарскими племенами.

Булгары, оказавшиеся соседями южных пермян, здесь застали местных жителей, уже говоривших на древнеудмуртском языке, отличном от древнекоми языка.

Южное крыло общепермского языка стало принимать черты древнеудмуртского языка, по всей вероятности, вместе с формированием пьяноборской культуры, а древнекоми язык – с началом складывания гляденовской археологической культуры, начало сложения которых по времени относится к III–II вв. до н. э. Определенную близость пермских языков следует объяснять не недавностью распада общепермской языковой общности, а длительной продолжительностью общности до ее распада [43. С. 169].

В последних работах И. В. Тараканов пишет: «В результате критического изучения имеющейся литературы и проведенного анализа заимствований в болгарском слое лексики мы выделили около 200 лексических единиц» [32. С. 14]. А в другой работе он указывает: «Общее количество тюркских заимствований в удмуртском языке вместе с булгаризмами составляет... 2000 слов» [7. С. 51], то есть в удмуртском языке им выявлено 1800 татарских слов. Такая огромная разница в количестве булгаризмов и татаризмов в удмуртском языке невольно вызывает недоумение. Неужели от болгар, пришедших в Среднее Поволжье через южные цивилизованные народы и страны и поддерживавших связи с ними до падения Волжской Булгарии, удмуртами усвоено всего 200 болгарских слов? Несоразмерное соотношение булгаризмов и татаризмов в исследованиях И. В. Тараканова произошло потому, что он все булгаризмы, похожие на татарские слова, отнес к татарскому пласту заимствований. А в действительности в многослойной лексике современного чувашского языка имеется немало слов, идентичных по внешнему облику с татарскими словами. Это объясняется тем, что часть из них является общетюркским наследием, другая часть в том и другом языке представляет из себя иноязычную лексику, усвоенную из одного источника – монгольского, китайского, персидского или арабского. Руководствуясь именно этими мотивировками следующие слова удмуртского языка И. В. Тараканов отнес к татарским заимствованиям: *бакча* ‘огород’, *бекче, бечке* ‘бочка’, *егит* ‘молодой’, *сугон* ‘лук’, *гинэ* ‘только, лишь’, *ме* ‘на бери’, *санда* ‘наковальня’, *сари* ‘буланый’, *саник* ‘вилы’, *сурым* ‘угар’, *сяська* ‘цветок’, *тус* ‘вид, цвет, окраска’, *кал*: *кал бырыны* ‘обессилеть, изнемогать’, *калык* ‘народ’, *кис* ‘тиски, клещи, щипцы’, *кыр* ‘дикий’, *чабак* ‘плотва’, *чагыны* ‘доносить’, *чиданы* ‘терпеть’, *чиданлык* ‘терпение’, *чепылытыны* ‘ущипнуть, взять в щепотку’, *чер* ‘болезнь’, *чупаны* ‘целовать’, *шадра* ‘рябой’, *шып* ‘тихо, тихий’, *шыпыртыны* ‘говорить шпотом, шептать, шушукаться’, *юри* ‘нарочно, преднамеренно, шутя’, *ялан* ‘всегда, постоянно’ и т. д. М. Р. Федотов был прав в том, что он эти слова отнес к болгарским заимствованиям удмуртского языка.

Разграничение булгаризмов(-чувашизмов) от татаризмов следует считать незавершенным. Исследователи тюркизов в удмуртском языке еще имеют в своем арсенале немало неиспользованных средств, которые помогли бы успешно решить эту отнюдь непростую задачу. В первую очередь следует смело применять метод лингвистической географии. Диалектологи давно заметили, что татарские слова в своем поступательном движении с юга на север дошли только до истоков рек левобережной стороны Чепцы. Это один из надежных критериев. Для разграничения булгаризмов от татаризмов в красноуфимском и канлинском диалектах обнаружены ранее неизвестные явления, которые в отдельных случаях могут служить критерием для разграничения татаризмов от булгаризмов. Так, например, в красноуфимском диалекте (Красноуфимский район Свердловской области) свистящие *с* и *з* в булгаризмах перешли в шипящие *ш* и *ж*, в татарских заимствованиях – сохранились, ср. лит. *саник* ~ красноуф. *шан'ък* ‘вилы’, в канлинском диалекте различия в тюркизмах различного происхождения примечательны в области гласных [36. С. 86–151; 37. С. 62–84].

Широкий коридор, ныне разделяющий коми-зырян и удмуртов, образовался не в IX–X вв. и не в результате ухода коми от удмуртов на север. Он возник значительно позже, в XVI–XVII вв., в результате заселения этой территории русскими, обрусения, частичного ухода со своих земель, выселения удмуртского населения, возможно и коми. Из грамоты Ивана Грозного Сырьянским удмуртам от 25 февраля 1557 г. видно, что в том году изъявили желание принять христианство 17 семей населения сырьянского Слободского уезда для получения определенных льгот на три года. Были случаи принятия христианства удмуртами и в других местах и в более раннее время. Несомненно одно, что в нач. XVII в. удмурты, кроме Каринского стана, еще проживали по верхнему течению р. Вятки в пределах Лужановского, Холуницкого и Сырьянского станов Слободского уезда, а также в Шестаковском уезде и около устья р. Чепцы, окруженные уже русскими поселенцами [38. С. 353–354, 192–195, 198–205]. Смене удмуртского населения русским в контактной зоне между удмуртами и коми способствовало и то, что по этим местам в XV–XVI вв. проходила дорога русских колонистов со стороны Северной Двины к верховьям Камы, к Уралу. [24. С. 118]. О сравнительно недавнем проживании удмуртов на этой территории свидетельствуют также многочисленные топонимы [38. С. 92, 97]. Более позднее территориальное размежевание коми и удмуртов полностью согласуется и с данными лингвистической географии: если бы нарушение лингвистической непрерывности (континуума) между коми и удмуртами произошло в IX–X вв., то более поздние удмуртизмы коми языка не были бы достоянием только его южных диалектов, они за тысячу лет смогли бы перекинуться во все остальные диалекты коми-зырянского языка. Эта версия полностью подтверждается также и данными археологии. Территория Лузской Пермцы и сысольских зырян (сырян) в XIV–XV вв. еще вплотную прилежала к землям северных удмуртов [24. С. 39].

Ссылаясь на работы В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной и И. В. Тараканова, в последние годы А. Х. Халиков пытается доказать, что общепермская общность распалась недавно, в результате перемещения будущих удмуртов с севера на юг в X–XI вв., что до их прихода удмуртов на этих землях жили древние тюрки. К такому ложному выводу он пытается подвести своих читателей, опираясь, в частности, на работы И. В. Тараканова, который писал, что он в удмуртском языке обнаружил целый пласт древнетюркской лексики, усвоенный до прихода булгар [7. С. 16–21]. Однако лингвисты с мнением последнего не соглашаются, а Альфред Хасанович просто искажает В. И. Лыткина [44. С. 40–50], заявляя, будто Василий Ильич писал о том, что 80 % слов в лексике коми и удмуртского языков по происхождению являются общими – В. И. Лыткин такими глобальными подсчетами никогда не занимался. О таком процентном соотношении он писал только в отношении тех слов, которые содержатся в небольшом стихотворении, специально подобранном им в вузовском учебнике для иллюстрации того, что коми и удмуртский языки являются близкородственными [2. С. 15–18]. В целом назрела настоятельная необходимость заниматься проблемой определения возраста самостоятельных пермских языков путем использования методов и приемов, выработанных современной наукой, в том числе путем определения процентного соотношения слов на основе анализа всего лексического богатства удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

СОКРАЩЕНИЯ

др.-рус. — древнерусский язык, *к.* — коми язык, *кп.* — коми-пермяцкий язык, *красноуф.* — красноуфимский диалект удмуртского языка, *мар.* — марийский язык, *рус.* — русский язык, *сев.* — северное наречие удмуртского языка, *тат.* — татарский язык, *у., удм.* — удмуртский язык, *южн.* — южное наречие удмуртского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

2. *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

3. *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

4. *Rédei K., Róna-Tas A.* Permi nyelvek öspermi kori bolgar-török jövényszavai // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1972. 24/2.

5. *Тепляшина Т. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

6. *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие. Ижевск, 1981.

7. *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские контакты). Ижевск, 1982.

8. *Бараксанов Г. Г.* Происхождение лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология. М., 1985.

9. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

10. *Савельева Э. А.* Происхождение коми народа // Родники пармы. Сыктывкар, 1989.

11. *Гуляев Е. С.* Кытысь лоины пу нимъяс (= Коми ботанической терминологиясы) // Коми кыв да литература школаын. Сыктывкар, 1967.

12. *Ракин А. Н.* Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979.

13. *Ракин А. Н.* Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар, 1977.

14. *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1987.

15. *Борисенков Е. П.* Климат и деятельность человека. М., 1982.

16. *Орешкин Д. Б.* Время льдов. М., 1989.

17. *Халевецкий З.* Изменяется ли климат на Урале? // Наука Урала. 1988. № 11.

18. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

19. *Туркин А.* Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7. № 9.

20. *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.

21. *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

22. Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарией Кротовым в 1785 г. / Отдел рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, 137/111, шкаф 1, полка 2, № 128.

23. Словарь языка вотского. 1820 г. / Архив РАН, Санкт-Петербург. Рукопись. Ф. 94, оп. I, ед. хран. 241.
24. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X – начало XX в. М., 1982.
25. Королев К. С., Савельева Э. А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 192. Коми научный центр УрО АН СССР. Сыктывкар, 1988.
26. Останина Т. И. Болгаро-финские связи на территории Среднего Прикамья в эпоху средневековья: доклад на X Уральском археологическом совещании. Февраль 1988 г., Пермь, 1988.
27. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901.
28. Владыкин В. Е., Гришкина М. В. Исторические корни дружбы удмуртского и русского народов. Ижевск, 1970.
29. Фотеев Г. В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.
30. Makarov L. D. The finno-ugric component in the archeological materials from the Old Russian settlements of the Middle Vyatka area // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар 24–30. IV, 1985. Т. IV. Сыктывкар, 1985.
31. Макаров Л. Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. канд. дис. Л., 1985.
32. Тарakanов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. докт. дис. Устинов, 1987.
33. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1979.
34. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970.
35. Кельмаков В. К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Все-союзная финно-угорская конференция. Языкознание: тезисы докладов. Устинов, 1987.
36. Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978.
37. Насибуллин Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977.
38. Удмурты в XV–XVII веках: Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958.
39. Атаманов М. Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Устинов, 1987.
40. Серебrenников Б. А. Общезыковедческие аспекты теории волн Иоганна Шмидта // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
41. Radanovics K. (Redei K.). Über den Ursprung einiger finnisch-ugrischer Volksnamen // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus. 20–24. IX. 1960. Budapest, 1963.
42. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Очерк этнографии удмуртов: учеб. пособие. Ижевск, 1984.
43. Атаманов М. Г. Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики: сб. статей. Ижевск, 1989.
44. Халиков А. Х. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.
45. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Научн. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2009.

Поступила в редакцию 20.10.2014

R. Sh. Nasibullin

**Bulgarisms and their relation to the question about the time
of the collapse of common Perm linguistic community**

This article is devoted to questions about the time of the collapse of common Perm linguistic community on the basis of a new interpretation of linguistic materials obtained by scientists of several generations. The author widely uses method of linguistic geography and new knowledge gained during the work on the Linguistic Atlas of Europe and Dialectological Atlas of the Udmurt language. This article has been tested at a regional conference (Syktyvkar) and the International Congress for Finno-Ugric studies (Debrecen). The thesis was published in the newspaper «Science of the Urals».

Keywords: common Perm linguistic community, criticism of migration theory, language contacts, the Udmurt, Komi, Bulgar, Tatar, Russian languages, borrowings from the Bulgar, Tatar, Russian languages, parallel Russian-Tatar borrowings.

Насибуллин Риф Шакрисламович,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: rif_nasibullin@mail.ru

Nasibullin Rif Shakrislamovich,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: rif_nasibullin@mail.ru

УДК 811.511.131

С. А. Максимов

ВОЗМОЖНОСТИ И ПУТИ ОБОГАЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЛЕКСИКОЙ МАРГИНАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

(на примере удмуртского языка)

Характерной особенностью истории становления и развития литературного удмуртского языка является вовлечение в этот процесс с самого начала не одного, а многих диалектов. Из них общенародный язык вбирает прежде всего такие языковые единицы, которые известны достаточно широкому кругу носителей языка. В статье на многочисленных примерах из удмуртского языка рассматриваются возможности и пути обогащения литературного языка материалом окраинных диалектов, которые, в силу их маргинального положения, не задействованы или слабо задействованы в процесс языкового строительства.

Ключевые слова: удмуртский язык, литературный язык, маргинальные диалекты, лексика, обогащение литературного языка.

Как известно, диалекты являются одним из источников обогащения литературного языка. Из них общенародный язык вбирает прежде всего такие языковые единицы, которые известны достаточно широкому кругу носителей языка. Характерной особенностью истории строительства литературного удмуртского языка является вовлечение в этот процесс с самого начала не одного, а многих диалектов. Например, уже в первой грамматике удмуртского языка (1775 г.) наряду с южноудмуртскими словами присутствует лексика, характерная для северных удмуртов [см.: 4]. XIX век, особенно начиная с его середины, отмечается оживленной деятельностью по переводу церковной литературы на удмуртский язык. Среди прочих книг были переведены Евангелия на несколько разных диалектов. При этом переводы осуществлялись таким образом, что к узкодиалектным словам или формам давались пояснения в виде слов или форм из других диалектов. В результате Евангелие, написанное, например, на казанском диалекте (периферийно-южный диалект), на практике могли понять также носители других диалектов, например, глазовского (северное наречие).

После Октябрьской революции было принято решение о создании для удмуртов единого литературного языка. По поводу выбора диалектной базы велись бурные споры, в которых победило мнение Д. В. Бубриха о том, что в качестве

диалектной основы удмуртского языка «надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [2. С. 8]. В результате работы экспедиции в окрестностях с. Зуры (ныне Игринский район) и прилегающих территориях, фонемный состав, фонетическое оформление слов были ориентированы на южную группу говоров северного наречия, близкие к срединным говорам и большинству удмуртских диалектов [см.: 2. С. 8–28].

В лексическом плане в ходе строительства удмуртского литературного языка придерживались постулата об использовании богатства всех диалектов. В результате в литературный язык для выражения одного и того же понятия вошло много дублетных слов. В первую очередь это касается параллельных заимствованных слов, которые в южное наречие или южную диалектную зону проникли из татарского языка, а в северное наречие или северную диалектную зону – из русского, например: *буёл* < юж. // *краска* < сев. сред. ‘краска’, *бычкы* < юж. // *пила* < сев. сред. ‘пила’, *кагаз* < юж. // *бумага* < сев. сред. ‘бумага’, *кияр* < юдз. // *огреч* < сдз. ‘огурец’, *сэндра* < юдз. // *полать* < сдз. ‘полать’, *урам* < юдз. // *ульча* < сдз. ‘улица’, *чия* < юж. // *вишня* < сев. сред. юж. ‘вишня’ и др.

Зачастую параллельно с татарским заимствованием южного наречия в литературном языке функционирует исконно удмуртское или болгарское слово (словосочетание) северной диалектной зоны: *дага* < юж. // *вал дурет* < сред. сев. ‘подкова’, *капка* < юдз. // *жэзьы* < сев. ‘ворота’, *кисы* < юдз. // *жеп* < сев. ‘карман’, *кешыр* < юж. // *чужскушман* < сред. сев. ‘морковь’, *мактаны* < юж. // *ушъяны* < сев. сред. ‘хвалить’ и др.

Иногда в литературном языке сосуществуют три или даже четыре дублета, каждый из которых имеет достаточно широкий ареал употребления, например: *алданы* юж., *өрекчаны* сред., *пöяны* сев. сред. ‘обмануть, обманывать’; *бакча сульдэр* юж., *бакча суред* юж. сред., *курег кышкатон*, *куака кышкатон* сев. сред. ‘чучело огородное’; *сугон кальча* юж., *сугон шильы* сред., *сугон куар* сев. ‘луковое перо’ и др. В южной диалектной зоне, как правило, они являются татарскими заимствованиями, а в северной диалектной зоне – чаще исконными словами, а иногда русизмами. Некоторые дублетные ряды полностью представлены исконной лексикой, например: *кутэт*, *тэбет*, *возет* ‘пеленка’, *нюлэс*, *тэль*, *сик* ‘лес’ и т. п. Привлечение в литературный язык языковых единиц разных диалектов делало его более понятным и «более близким» для максимального круга удмуртского населения и способствовало сближению удмуртского народа.

С самого начала формирования общего литературного языка в него вместе с исконными удмуртскими словами и старыми заимствованиями привлекается множество слов, проникших в удмуртские диалекты из татарского языка. При этом наряду с широко известными татаризмами зачастую в литературный язык попадают и такие, которые имеют достаточно узкий ареал. Данное обстоятельство объясняется тем, что родным диалектом большинства творческой и научной интеллигенции как в начале XX в., так и в настоящее время является южное наречие, которое испытало сильное влияние со стороны татарского языка. С другой стороны, введение в литературный язык татарских заимствований оправдано тем, что удмуртами они чаще всего воспринимаются как исконные. Названное явление обусловлено сле-

дующими причинами: большинство удмуртов татарским языком не владеет, а фонетической облик татаризмов близок к удмуртским словам; в то же время русские заимствования в тексте и речи легко узнаваемы, фонетическая структура и в целом их внешний облик, особенно новых заимствований, заметно отличаются от исконных слов, в результате чего они носителями языка воспринимаются как чужеродные. Нужно отметить, что некоторые заимствования из русских диалектов, неизвестные для большинства удмуртов, также воспринимаются как исконные. Так, например, в литературном языке для выражения понятия «тезка», наряду с южноудмуртским татаризмом *адаш*, функционирует русское заимствование *паньтэм* (< рус. пантёма), известное в северной диалектной зоне, в то же время лексеме *т'оска* (чоска), бытующему в срединных говорах, в литературном языке места не нашлось.

С конца 1930-х гг. вплоть до перестроечного времени развитие лексики удмуртского языка шло преимущественно путем заимствования русизмов. С конца 80-х гг. прошлого столетия наметилась тенденция очищения удмуртского языка от неоправданно большого количества русских заимствований. Наряду с использованием средств литературного языка взоры снова были обращены к удмуртским диалектам. Но арсеналы срединных говоров и собственно южного диалекта удмуртского языка, которые в первую очередь поставляли материал для литературного языка, оказались практически исчерпаны. В такой ситуации появилась необходимость и возможность обогащения литературного языка материалом маргинальных (окраинных) диалектов.

В настоящей работе мы в первую очередь будем оперировать материалом говоров северного наречия. В указанном наречии, с одной стороны, лучше сохранились исконные языковые элементы, а также старые заимствования, воспринимаемые носителями языка как исконные. С другой стороны, в нем имеется тенденция создания новых слов путем использования внутренних ресурсов языка.

Еще до начала перестройки из северного наречия или северной диалектной зоны в удмуртский литературный язык вошли следующие лексемы: *букос* 'сугроб' < сдз. // др. диал., лит. *пельтэм* (*пуктэм*) *лымы* букв. 'наносной снег', *лымы пельтэм* (*пуктэм*) букв. 'снежный нанос'; *лекос* 'слишком, больно уж (разг.)' < сев. // др. диал., лит. *укыр* (< ? тат.); *ношна* 'еще' < нч. сч. (*н*)ышна, бес. (*н*)ышна (ср. лит. *нош* 'снова') // др. диал., лит. *эишио* (< рус.); *тырттэм* 'пустой' < сев. // др. диал., лит. *буш* (< тат.); *усьсэ* 'послезавтра' < сев. (< ? тат., ? чув) // др. диал., лит. *џуказе улыса*, *џуказе бере* и др.

Помимо собственно лексических заимствований были заимствованы отдельные значения слов или модели словоупотребления, например: *беренэс* 'попугай' < сч. *бэрэнэс* 'сова-пересмешник' // лит. *беренэс* 'упрямый, непослушный', 'шиворот-навыворот'. Данное название сова-пересмешник получила за способность имитации человеческой речи, что закрепилось в выражении *бэрэнэс кад' къл бѳрс'ъ вэрас'кънъ* 'повторять за кем-либо как попугай (фактически: как сова-пересмешник)'. Впоследствии переносное значение было осмыслено в качестве названия птицы попугая, и в такой функции оно проникло в литературный язык. Еще примеры: *џечбур* 'здравствуй' < сев. // др. диал. *џечбур* 'добро, доброта' (ср. слова приветствия в др. диалектах: *чырткем*, *умой*, *џеч*); *юн* 'очень' < сев. *йун* 'крепкий, прочный', 'очень' // др. диал. *йун* 'крепкий, прочный'.

С началом перестройки наметилась тенденция обновления языка, в связи с чем литературный язык стал пополняться неологизмами, многие из которых ранее употреблялись в диалектах как обычные слова. Так, из маргинальных диалектов были привлечены, например, такие слова: *азьмурт* 'президент' < сев. 'старший поезжанин на свадьбе'; *борзем вал* 'верховая лошадь', *боржемен* 'верхом (на лошади)' < сев. шшм. ккм. // др. диал., лит. *буш вал* букв. 'пустая лошадь'; *гõп* 'буран', *гõпаны* 'подняться – о буране' < нч. сч. бес. шшм. // юж., лит. *буран* (< тат.); в большинстве диалектов и в литературном языке данное понятие передается одноличным глаголом *пелляське* 'выюжит' или (*куазь*) *жоба* 'поднялся буран, идет снег (при ветре)', 'идет дождь (при ветре)'.

Ниже мы приводим слова и словосочетания, которые могут быть использованы в литературном языке таковыми или после фонетической и/или морфологической, иногда семантической адаптации.

вискатыса вэрас'кыны шг. 'говорить (разговаривать) с гортанным смыком' (букв. 'говорить (разговаривать), прерывая'). Гортанный смычный (гамза) употребляется в большинстве периферийно-южных говоров, а также в среднеюжном, отчасти и в некоторых других говорах собственно южного диалекта. Общепринятое название данному явлению в удмуртском языке отсутствует. Но некоторые представители удмуртской интеллигенции образовали по русской модели глагол *гамзить карыны*, хотя глагол *гамзить* в русском языке не существует. Для обозначения гортанного смыка мы предлагаем использовать термин *вискатон* букв. 'прерывание', являющийся производным от глагола *вискатыны* 'прерывать' (ср. лит. *висатыны* < *вис(к-)* 'промежуток; перерыв, пауза'), а для знака гортанного смычного предлагаем термин *вискатон пус*.

котырэс пукыйны сч. (Помаят), *котърэс пукънъ* сч. (Дондыкар) 'сидеть, поджав ноги под себя, сидеть по-турецки' (ср. общеудм. *котырес* 'круглый' + *пукыны* 'сидеть'). Данное понятие возникло в связи с обычаем населения д. Золотари и окрестных деревень Глазовского района во время отдыха сидеть, поджав ноги под себя'; > лит. *котырес пукыны* 'сидеть по-турецки'.

мэчък, бизэр мэчък сч., *мачит* юж., *мйчит* пю. 'мечеть' (< тат.); > лит. *мечык, мачит* 'мечеть'.

йуж узвэс' сч. (Ниж. Кузьма) 'латунь, желтая медь' (букв. 'желтый свинец') // др. диал., лит. (*туй*) *ыргон, туй* 'тж'; ср. (*сьод*) *узвесь* 'свинец', *тõды узвесь* 'олово' (букв. 'белый свинец'), *луло узвесь* 'ртуть' (букв. 'живой свинец'). Поскольку в литературном языке термин для латуни уже имеется, композиту *йуж узвесь* или *туй узвесь* предлагаем использовать для обозначения бронзы.

Отдельно можно выделить группу слов, связанных с обозначением мастей животных и оперением птиц.

куско (эгэсо) чъртъ сч. (Дондыкар) – название птицы (обычно гуся), у которой на шее оперение в виде темного кольца < *кус(к-)* 'пояс, поясница, талия' / *эгэс* 'обруч, обод') + *-о* (суфф. обладания) + *чъртъ* 'шея' (букв. 'шея с поясом (обручем)'); > лит. *куско (эгэсо) чырты*.

мышвъл'л'о сч. – масть коровы: 'черная корова с белой полосой вдоль спинного хребта' < *мыш* 'спина' + *вълй* 'верх; верхний' + *-о* (суфф. обладания); > лит. *мышвыльё (скал), мышвылийё (скал)*.

палбурд сч. – название (домашней) птицы, у которой оперение одного из крыльев отличается от основного оперения, например, серый гусь с одним белым крылом или белый гусь с одним серым крылом < *пал* ‘один из двух, непарный’ + *бурд* ‘крыло’ (букв. ‘одно крыло, однокрылый, «однокрылка»’); аналогично в удмуртском языке образовано слово *палбам* – кличка животного, у которого, одна из щек отличается окрасом, букв. ‘однощекий’.

шыр гонйэм (вал) сч. (Андрейшур); *шыр гон'н'эм (вал)* сл. [1. С. 5] ‘мышастый (конь, лошадь), мышастой масти (о лошади)’ // др. диал., лит. *пурьсь вал* букв. ‘серая лошадь’. Указанное сочетание состоит из слов *шыр* ‘мышь’ и *гонйэм* ‘с шерстью, -шерстный’, и безусловно, является калькой из русского. Оно понятно для любого носителя удмуртского языка. Данное сочетание удобнее термина *шыр тусьем*, встречающегося в некоторых диалектах, поскольку последний может означать также ‘мышевидный, похожий на мышь’.

Термины, связанные с пчеловодством.

бан ут'он сп. (Удм. Сурвай), *бан воз'эт* сп. (Мал. Полом), ‘сетка (пчеловода)’. Первое сочетание состоит из слов *бан* ‘лицо’ и *ут'он* – имя действия от глагола *ут'ыны* ‘беречь; охранять, защищать’. Сочетание *бан ут'он* буквально означает ‘то, чем защищают лицо. Во втором сочетании слово *воз'эт* (< глаг. основа *воз'* – ‘держать; удерживать’ + *-эт*) буквально означает ‘то, что удерживает, то, чем удерживают’. В литературном языке пчеловодную сетку можно обозначать композитой *бам утён* или *бам утет*.

пэз'ас' муш сп. ‘пчела-разведчик’. Определительное слово в данном сочетании является действительным причастием от глагола **пэз'аны*, который, по-видимому, родственен глаголу *пезьдыны* ‘отскочить, отлететь, отделиться’.

чэчъ тийан въйкъ сч. (Ниж. Кузьма). Данное сочетание состоит из трех слов: *чэчъ* ‘мед’, *тийан* ‘откачка’, *въйкъ* ‘кадка, кадушка’ – и дословно означает ‘кадка для откачки меда’. В литературном языке для обозначения медогонки возможно употребление сочетания *чечы кыскон вышкы*, в котором вместо *тийан* (< *тийаны* букв. ‘ломать’) использовалось бы слово *кыскон* (< *кыскыны* ‘вытягивать; откачивать’).

чынатон сч. (Андрейшур), *шън поттон* бес. (Юнда) ‘дымарь’. Первое слово является производным от глагола *чынатыны* ‘окуривать; коптить’ и буквально означает ‘то, чем окуривают’. Дословное значение сочетания *шън поттон* – ‘то, чем производят дым’. Оба варианта могут быть использованы в литературном языке для обозначения дымара в формах *чынатон* и *чын поттон*.

Большинство приведенных терминов образовано с помощью словосложения, а некоторые из них являются заимствованиями. Нужно отметить, что в северном наречии (и в северной диалектной зоне) многие общеудмуртские словообразовательные суффиксы имеют несколько выше продуктивность, чем в литературном языке. В частности, более высокую продуктивность именного словообразовательного суффикса *-эт* в среднечепецком диалекте отмечает Л. Л. Карпова [3. С. 99]. Ниже приведем примеры слов, образованных спомощью суффиксов *-ос*, *-(й)эс*, *-а*, *-эд*, *-(к)ыт*, *-мыт*, *-он*, которые могли бы найти место в литературном языке.

бърэд, йӧ бърэд сч., *брэд* бес. ‘наледь’ (*йӧ* ‘лед’) // др. диал., лит. *бырдам*, *йӧкурам* ‘обледеневший, покрытый наледью’, ‘наледь’. Последние два слова

являются причастиями и именами действия от глаголов *бырданы*, *йёкураны* ‘обледенеть, покрыться наледью’. Глагол *бырданы*, по-видимому, происходит от существительного *быред* ‘наледь’, которое образовалось еще в общепермское время (ср. к. *бырөд* ‘тж’ [5. С. 34]) и некогда было представлено во всех удмуртских диалектах. Для литературного языка приемлемы формы *быред* и *йёбыред*.

žичы-čуж срв., *žичъмът* сч. (Дондыкар), *žичы* сриж. ‘оранжевый’ < *žичы* ‘лиса’ + *čуж* ‘желтый’, *žичы* ‘лиса’ + *-мыт* (модерат. суфф.) букв. ‘лисоватый, лисьего цвета’ // лит. *гордалэс-čуж*, *гордмыт-čуж* букв. красновато-желтый’, *нап-čуж* букв. ‘густо-желтый’; > лит. *žичы-čуж*.

йьгдос бес., *йьгдос* юж. ‘рассадник’ < *йьгд-* (глагол. основа) + *-ос* букв. ‘то, что освещается’ (ср. лит. *югдыны* ‘светать, рассветать; светиться’) // др. диал. *расада* (уд) *йаишиик* ‘рассадник’. Общепринятого названия для рассадника в удмуртском языке не существует, поэтому указанное бесермянское слово в форме *югдос* можно использовать для обозначения рассадника и парника или даже теплицы.

куйэс сч. вч. ‘усадьба, хозяйство, двор’ < *куа* ‘хижина, постройка’ + *-йэс* // ср. лит. *юртьер* ‘надворная постройка; дом, изба; двор, жилище, усадьба’ (< тат.); > лит. *куаес* ‘усадьба, хозяйство, двор’; примеры: *та гуртын витътон куаес* ‘в этой деревне 50 дворов (хозяйств)’; *эштослэн шор куаесэз* ‘центральная усадьба товарищества’.

палос (*палос(к)-*) сч. (Андрейшур) ‘сторона, местность, край’ < *пал* ‘сторона’ + *-ос*; *мон пöртэм палосйосын ули* ‘я в разных местах (краях) жил(а)’. В литературном языке возможно употребление данного слова со значением ‘направление’.

чил’а сч. ‘блестка’, *чил’аос* ‘блестки’ < *чил’* + суфф. *-а*; ср. лит. *чиль-валь*, *чили-вали* – наречно-изобразительные слова, передающие переливы красок, сверкание на солнце, *чилянны* ‘блестеть’.

чэброс сч. бес. ‘осторожно’, *чэброс* (*вэтлы*)! ‘будь осторожен (в пути), береги себя’, ттш. *чэбэр* ‘осторожно’. Указанные слова восходят к общеудмуртскому *чебер* ‘красивый; красиво’. В диалектах и литературном языке понятие «осторожно» передается деепричастиями *эскериськыса*, *чакласькыса*, *шөдскыса* ‘остерегаясь, осмотрительно, осторожно’.

čушэт сч., *čушылон* вч. ‘резинка стирательная, ластик’; общеудм. *čушет* ‘тряпка (для вытирания)’, букв. ‘то, чем стирают, вытирают, то, что служит для вытирания’ происходит от глагола *čушыны* ‘стереть, вытереть’, *ки čушет* ‘полотенце для рук’; *čушылон* является производным от многократного глагола *čушылыны* ‘стирать, вытирать’. Таким образом, указанные существительные в литературном языке можно использовать также для обозначения стирательной резинки.

Описывая суффиксальное образование слов, отдельно остановимся на суффиксе *-н’и*, который в территориальном отношении распространен в нижне-, средне- и частично верхнечепецком диалектах северного наречия и бесермянском наречии (в последнем – в форме *-н’иг*). Данный суффикс присоединяется к имени действия на *-(о)н* и образует существительные, обозначающие место действия, например: *вэтлон’н’и* ‘место, где ходят, дорожка’ < *вэтлон* ‘хождение, ходьба’, *кутон’н’и* ‘место, за которое хватают, ручка; место поимки’ < *кутон* ‘хватание; поимка’ и т. д. Подобные слова в последнее время активно входят в литературный язык. Описываемый суффикс в диалектах имеет очень высокую продуктивность:

новое существительное на *-ни* (*-н'и*) можно получить практически от каждого глагола, образовав прежде от него имя действия. Указанная группа слов в литературном языке может употребляться:

а) вместо заимствованных слов: *сиськонни* ‘столовая’ (ср. *сиськыны* ‘есть, кушать’) вм. *столовой*; *йыр чышконни* ‘парикмахерская’ (ср. *йыр чышкыны* ‘постригать голову (волосы)’) вм. *парикмахерской*; *пыдкук тупатъянни* ‘обувная мастерская, «ремонт обуви»’ (ср. *пыдкук тупатъяны* ‘чинить обувь’);

б) вместо составных наименований: *кõланни* ‘место ночевки, спальня’ вм. *кõлан инты* (*инты* ‘место’), *улонни* ‘место жительства; квартира’ вм. *улон инты*; *сыръяньни* ‘топь, зыбь, зыбучее место’ вм. *сыръясь инты*;

в) в более конкретном значении, разгружая семантическую нагрузку многозначных отглагольных имен на *-(о)н*: *пыронни*, *пыранни* ‘вход’, ср. *пырон* ‘вхождение, заход; вступление; вход’ и др.

Некоторые слова, обозначающие реалии сельской местности, из-за внутренней формы не приемлемы в городских условиях, например, кухню южные удмурты называют *кышнопал* букв. ‘женская сторона’, а северные – *гуразьпал* букв. ‘предпечная сторона’. Но в языке северных удмуртов имеется еще слово *пõранни* букв. ‘место, где стряпают, готовят’ (ср. *пõраны* ‘стряпать, готовить’), которое пригодно для обозначения любого типа кухни. Приведем еще некоторые примеры, зафиксированные в диалектах, и которые могут быть использованы в литературном языке: сч. *пу вандон'н'и* ‘место распиловки дров; козлы для распиловки дров’, ср. *пу вандыны* ‘пилить дрова’; *плас'кон'н'и* сч. ‘пляж’, ср. *плас'кънь* / лит. *пыласькыны* ‘купаться, умываться’; сл. *пудо воз'ман'н'и* ‘поскотина’, ср. *пудо воз'маны* ‘пасти скот’, сл. (*пудо*) *с'удон'н'и* ‘место кормления (скота); кормушка’, ср. *с'удыны* ‘кормить’ и др.

Фонетическая дифференциация (фонетическое обособление) как способ образования новых слов в удмуртском языке встречается довольно редко. Исследуемая ниже пара слов может послужить примером дифференциации двух омонимов. В большинстве диалектов и литературном языке употребляются омонимы *кызь* ‘20’ и *кызь* ‘моча’. В южном наречии в корне последнего слова выступает гласный *и* – *киз* ‘моча’. Попытка подобной дифференциации sporadически обнаруживается и в речи представителей удмуртов, говорящих на среднечепецком диалекте, хотя звукопереход *ы > и* для северного наречия нехарактерен. В бесермянском наречии данные слова различаются следующим образом: бес. *кыз* ‘20’ / *куз*, *күз* ‘моча’ // сч. *къз*, *кыз*, *кѣз* ‘20’ и ‘моча’. Несмотря на то что в бесермянском наречии вместо литературного *ы* в целом употребляется заднерядный гласный *ѣ*, в слове *кыз* ‘20’ произносится литературный вариант *ы*, для того чтобы он не ассоциировался с лексемой *къз* ‘моча’, употребляемой в речи соседствующих с бесермянами удмуртов. Таким образом, и в литературном языке с целью благозвучия было бы целесообразно дифференцировать эти два омонима: *кызь* ‘20’ и *кизь* ‘моча’.

В маргинальных диалектах многие лексемы, широко известные носителям языка, могут употребляться в ином значении или иметь более широкую семантику. Такие лексические единицы, точнее их значения, также могут быть использованы в общенациональном языке. Примерами подобного использования слов могут послужить следующие удмуртские лексемы.

жыл'и сл. 'цепь, цепочка', 'замок-молния' / др. диал., лит. *жилыы* 'цепь, цепочка'. В литературном языке аналогично слободскому слову возможно употребление лексемы *жилыы* для обозначения замка-молнии, при этом для дифференциации с понятием «цепь, цепочка» предлагаем использовать его в составе композиты *жилыы бирзет* или *жилыы замок*, где *бирзет* означает 'пуговица, застежка': *жилыы бирзетэн куртка* 'куртка с замком-молнией'.

зон сев., *вуж зон* нч. сч., *кӧс зон* сч. 'прошлогодня нескошенная трава' (ср. также: *узон турын* диал. 'прошлогодня трава' [6. С. 444]) / лит., сред. *зон* 'гарь'. В литературном языке отсутствует общепринятое название прошлогодней нескошенной травы. Имеющиеся в диалектах обозначения чаще всего являются громоздкими, ср. например: срв. *кыл'эмарынала (мимала) турын* букв. 'прошлогодня трава'. Поскольку в некоторых срединных и бесермянских говорах слово *зон* без определительных компонентов используется для обозначения гари, прошлогоднюю нескошенную траву предлагаем именовать сочетанием *вуж зон* или же *зонтурын*.

žэз'ы (*žэз'ъ, žэз'ы*) сев. срв. 'ворота' (нч. вч. срв.), 'калитка' (сч.) / общеудм. *žезыы* 'ворота из жердей'. В литературном языке понятие «калитка» выражается сочетанием *пичи капка* или *пичи žезыы* букв. 'маленькие ворота'. Поскольку прежнее значение слова *žезыы* – 'ворота из жердей' постепенно предается забвению, а значение 'ворота' распространено не столь широко, в литературном языке для обозначения калитки, наряду с композитой *пичи капка*, предлагаем использовать слово *žезыы*.

кылыктэм сч., *кылыктэм* срв. 'бестактный, неумеющий разговаривать (вести себя) с людьми' / срз. *кылыктэм* 'бесхарактерный', вч., лит. 'непослушный, озорной, шаловливый' (< тат.). В литературном языке словом *кылыктэм* можно выражать понятие «бестактный».

В числе лексики, исследованной в настоящей работе, мы привели обозначения некоторых понятий, отсутствующих в литературном языке, но вполне могли бы пополнить его. Указанными понятиями богатство маргинальных диалектов не исчерпывается. Для иллюстрации приведем, например, термины для выражения временных отношений (примеры из северного наречия): *чикын* 'недавно (пару-три часов назад), давеча (обл.)'; *чикнала* 'недавнешний (произошедший пару-три часов назад)'; *тиз'нал, тоз'нал* 'на днях, несколько дней тому назад, наперед (обл.)'; *тиз'нала, тоз'нала* 'произошедший на днях, несколько дней тому назад, наперед (обл.)'.

Суффикс *-эс*, в отличие от литературного языка, в среднечепецком диалекте может присоединяться к отглагольным именам на *-(о)н*, образуя прилагательные: *йуонэс* 'желающий (жаждущий) пить', ср. общеудм. *юыны* 'пить', *с'ийонэс* 'желающий (жаждущий) есть', *с'эрэжйанэс* '(безудержно) смеющийся'. Приведенные примеры, в том числе и образованные с помощью суффикса *-эс*, которые имеют прозрачную этимологию, вряд ли могут закрепиться в литературном языке, поскольку относятся к маргинальной лексике, и выражаемые ими понятия при необходимости могут быть переданы описательно. Недаром и в русском языке понятия, выражаемые указанными лексемами, передаются составными наименованиями или диалектными (разговорными, просторечными) словами.

Для того чтобы какая-либо лексема (или другая языковая единица) маргинального диалекта нашла место в литературном языке, необходимы определенные условия. К таковым нужно отнести, в частности, следующие.

1) Ареал лексемы должен быть достаточно широк.

2) Семантика слова или внутренняя форма композиты должны быть понятны носителям других диалектов, или корень слова должен вступать в ассоциативный ряд с однокоренными словами литературного языка. Например, севернудмуртское слово *žechbur* как приветствие не просто нашло место в литературном языке, но и используется как приветствие в официальной обстановке, в средствах массовой информации; данное слово, скорее всего, не имело бы успеха, если бы в других диалектах у него не было бы значения ‘добро, благополучие’. Сочетание *čуж узвесь* ‘бронза’ (букв. ‘желтый свинец’) может также ужиться в литературном языке, поскольку, во-первых, имеет прозрачную внутреннюю форму, во-вторых, оно входит в группу названий металлов, вторым компонентом которых является слово *узвесь*.

3) Понятие (реалия) отсутствует в других группах диалектов или для его обозначения используется позднее (новейшее) заимствование: *вискатыса вераськыны* ‘говорить с гортанным смыком’, *котырес пукыны* ‘сидеть по-турецки’, *мышвыльё (скал)*, *мышвылийё (скал)* ‘черная корова с белой полосой вдоль спинного хребта’.

4) Диалектное слово должно быть удобно как термин, т. е. должно быть точным, немногозначным, желательно кратким, ср. сдз. *букос* ‘сугроб’ // др. диал. *пельтэм (пуктэм) лымы* букв. ‘наносной снег’; сч. *вуж зон* ‘прошлогодня нескошенная трава’ // др. диал. *кылемарынала (мимала) турын* букв. ‘прошлогодня трава’, *вуж турын* букв. ‘старая трава’; срв. *žичы-čуж* ‘оранжевый’ // лит. *гордалэс-čуж, гордмыт-čуж* букв. ‘красновато-желтый’, *нап-čуж* букв. ‘густо-желтый’.

Как показывает практика сторительства удмуртского литературного языка, общенациональный язык может обогащаться не только за счет центральных, но и периферийных диалектов. Для того чтобы утвердиться в литературном языке, диалектному слову необязательно соответствовать всем названным выше условиям. Наиболее важными, на наш взгляд, являются два первых. Понятно, что чем большим условиям удовлетворяет лексема маргинального диалекта, тем у него больше шансов утвердиться в литературном языке.

СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянское наречие; *бт.* – буйско-таныпский говор; *булг.* – болгарский язык; *вч.* – верхнечепецкий диалект; *диал.* – диалекты, диалектное; *ккм.* – кукморский говор; *лит.* – литературная форма; *общеудм.* – общеудмуртская форма; *пю.* – периферийно-южный диалект; *сдз.* – северная диалектная зона; *сев.* – северное наречие; *сл.* – слободской говор; *сп.* – сурвайско-поломский говор (среднезападный диалект); *срв.* – средневосточный диалект; *сред.* – срединные говоры; *сриж.* – среднеижский диалект; *сч.* – среднечепецкий диалект; *тат.* – татарский язык; *ттиш.* – татышлинский говор; *удм.* – удмуртский язык; *шг.* – шагиртско-гондырский говор; *шим.* – шошминский говор; *юдз.* – южная диалектная зона; *юж.* – южное наречие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Архипов Г. А.* Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1990. С. 3–13.
2. *Бубрих Д. В.* Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. научн. тр. / РАН. УрО. Удм. ИИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 3–28.
3. *Карпова Л. (Л.)* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
4. Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотского языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 15 + 113 + 17 с.]
5. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под. ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.
6. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Поступила в редакцию 21.11.2014

S. A. Maksimov

Opportunities and ways of enriching the literary language with vocabulary of marginal dialects (on example of the Udmurt language)

A characteristic feature of the history of formation and development of literary Udmurt language is engagement in this process from the beginning not one but many dialects. National language incorporates firstly such language units, which are known for a wide range of native speakers. In the article on the numerous examples of the Udmurt language possibilities and ways of enriching the literary language with material of outlying dialects are examined. These dialects owing to their marginal position are not involved or insufficiently involved in the process of language construction.

Keywords: the Udmurt language, literary language, marginal dialects, vocabulary, enrichment of the literary language.

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov Sergey Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology),
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: makser02@yahoo.com

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», будут включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещены в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru).

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 с. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 с. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 с.;

для рекламы – 0,5–1 с. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК)

(11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место и адрес работы. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарию УдГУ и т. д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034, Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ)

тел./факс: 8 (3412) 916-276

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Специальный выпуск

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Перевод на английский язык – *Т. В. Окунева*

Корректura – *С. А. Максимов*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*

(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 25.12.2014. Печать офсетная.

Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 7,53.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет».

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.

Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

Тел. 68-57-18.